

Л.Е. Коган, С.В. Лёзов
ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Обозначение «древнееврейский язык» (Д.я.) в данной статье применяется к семитскому языку с исконным ареалом распространения во внутренних районах исторической Палестины (др.-евр. *ʔārāš kənáʕan* ‘страна Ханаанская’, *ʔārāš yiśrāʔel* ‘страна Израильская’). Поддающиеся датировке тексты на Д.я. относятся к периоду с X в. до н. э. по II в. н. э. В историко-географическом плане имеется в виду ареал, ограниченный Средиземным морем на западе, Синайским п-овом и Красным морем на юго-западе и юге, р. Иордан, Тивериадским озером, Мертвым морем и долиной Арава на востоке. На политической карте новейшего времени эта территория, в основном, соответствует границам британской подмандатной территории Палестина в период с 1920 по 1948 гг., разделенной на два государства — арабское и еврейское (Израиль) — решением Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. Хронологически в настоящем описании речь идет о периоде, в который Д.я. бытовал как родной на данной территории или ее частях (см. ниже 1.5.0.).

Различные литературные варианты Д.я. широко представлены в памятниках религиозной и светской письменности евреев поздней древности, Средневековья и Нового времени, а также использовались в качестве ограниченного средства устного общения членами различных общин еврейской диаспоры. Эта практика, имеющая аналогию в истории других мертвых языков, например латинского, не является аргументом в пользу распространенного представления, согласно которому Д.я. всегда оставался в той или иной мере живым языком.

Язык средневековых и позднейших памятников, в русской гебраистической традиции обычно также называемый древнееврейским, в данной статье не рассматривается. Современный иврит, представляющий собой искусственно возрожденную форму Д.я., описан в статье «Современный иврит» в наст. издании.

1.1.1. В Библии встречаются два обозначения Д.я. В Jes 19.18 он называется *šəpat kənáʕan* ‘язык Ханаана’ (*ba-uyom ha-hu yihiy hāmeš ʕārim bə-ʔārāš mišrāyim mādabbərot šəpat kənáʕan* ‘В тот день пять городов в стране Египетской будут говорить на языке Ханаана’ — пророчество о переходе египтян в еврейскую религию или о заселении восточной дельты Нила евреями). В 2R 18.26, 29 (= Jes 36.11, 13 = 2C 32.18) и в Ne 13.24 в качестве лингвонима используется прилагательное *yəhudit* ‘иудейский’ (форма женского рода, по согласованию с *šāpā* или *lāšon* ‘язык’). Это обозначение, по-видимому, употреблялось в качестве названия Д.я. его носителями, жителями южной части Палестины — Иудеи (др.-евр. *yəhudā*). Диалект, бытовавший в северном (израильском) ареале, по всей видимости обозначался его носителями иначе, однако сведений о его самоназвании до нас не дошло.

Обозначение Д.я. термином *ʕibrit* (относительное прилагательное неясной этимологии) имеет сложную историю. В тексте Ветхого Завета прилагательное *ʕibri* ‘еврей(ский)’ (ж. р. *ʕibrit*) встречается редко и имеет специфический узус, как правило, обозначая израильтян в ситуациях контакта с представителями других народов. Наибольшая концентрация такого рода употреблений отмечается в Книгах Бытие (Иосиф в Египте), Исход (исход евреев из Египта) и первой Книге Самуила (филистимские войны), см. также Jon 1.9 (Иона и корабельщики) и Gn 14.13 (Авраам и ха-

наanei). Характерно преобладание пассажей, представляющих собой прямую речь как иноплеменников, так и самих израильтян. Выражение *šābād šibri* ‘раб-еврей’ (Ex 21.2, см. также Deut 15.12 и Jer 34.9) встречается в пассажах, где представители других народов (в данном случае — рабы-нееврей) прямо не упоминаются, однако сопоставление с ними, очевидно, имеется в виду. Как обозначение Д.я. прилагательное *šibrit* в Ветхом Завете не встречается. Причины, по которым употребление его в этом качестве распространилось в позднейшие эпохи как в еврейской среде, так и вне ее, остаются неясными.

В рамках еврейской традиции употребление термина *šibrit* как обозначения Д.я. впервые фиксируется в Мишне и Талмуде, например Мишна Ядаим 4.5 (*targum šā-kkātābu šibrit wə-šibrit šā-kkātābu targum <...> ?eno mətamme ?ät-ha-yuādāyim* ‘Арамейский (текст Библии), записанный по-еврейски (т. е. переведенный на Д.я.) и еврейский (текст Библии), записанный по-арамейски (т. е. переведенный на арамейский) <...> не оскверняет рук (т. е. не имеет сакрального характера)’, Иерусалимский Талмуд Мегилла 71b (4 *lāšonot nā?im šā-yuīštammeš bāhem h-ā?olam <...> lāfaz lə-zāmār romi li-krāb sursi lə-?ilyā šibri lə-dibbur* ‘Есть четыре языка, подобающих для того, чтобы их использовали люди: греческий для пения, латинский для войны, арамейский для оплакивания и еврейский для беседы’). Характерно, что примеры такого рода в Мишне и Талмуде довольно немногочисленны: более употребительным в раввинистическую эпоху было обозначение *lāšon ha-kkōdāš* ‘священный язык’ (*bə-bābāl lāšon ?ārammi lāmā ?ällä ?o lāšon ha-kkōdāš ?o lāšon parsi* ‘Зачем в Вавилонии (использовать) арамейский (язык)? Нет, или священный язык, или персидский язык!’ (Вавилонский Талмуд Сота 49b)). Широкое распространение лингвоним *šibrit* получает в трудах еврейских грамматиков Средневековья начиная с Саади Гаона (882–942), где он используется как эквивалент арабского обозначения *?al-luyatu l-šibrāniyyatu*. На современном иврите лингвоним *ivrit* является основным обозначением как Д.я., так и восходящих к нему позднейших письменных и устных идиомов (к языку библейского корпуса может применяться уточняющее определение *mikra?it* ‘библейский’).

За пределами еврейской традиции Д.я. практически всегда обозначался терминами, так или иначе связанными с *šibri(t)*. Многочисленные свидетельства такого рода отмечаются в грекоязычных произведениях I в. н. э., например *έβραϊκός* ‘еврейский’, *έβραϊς διάλεκτος* ‘еврейский язык’, *έβραϊστί* ‘по-еврейски’ у Иосифа Флавия и в Новом Завете. По крайней мере в некоторых пассажах такого рода авторы могли иметь в виду и арамейский язык, однако уже в прологе к греческому переводу написанной на Д.я. Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, (III–II вв. до н. э.) выражение *έβραϊστί* ‘по-еврейски’ несомненно относится к Д.я. (автор, описывая свой переводческий труд, замечает: «...слова, произнесенные по-еврейски, но переведенные на другой язык, не имеют той же силы»). К латинским терминам *hebraitas*, *lingua hebraica* восходят, тем или иным образом, обозначения Д.я. на современных европейских языках (англ. *Hebrew*, нем. *das Hebräische*, франц. *l’hébreu*). По отношению к языку библейского периода в лингвистической литературе могут употребляться уточняющие определения (например, англ. *Biblical Hebrew*, *Classical Hebrew*, *Ancient Hebrew*).

Традиционным для русской гебраистической литературы является обозначение «древнееврейский язык». Менее громоздкий термин «еврейский язык», тождественный общеевропейскому узусу, в русской и советской лингвистической терминологии чаще ассоциировался с разговорным языком восточноевропейских евреев (идиш),

однако в последнее время употребление сочетания «еврейский язык» по отношению к языку идиш встречается лишь изредка. Кроме того, термин «еврейские языки» употребляется для обозначения всей совокупности языков, диалектов и этнолектов, которыми евреи пользовались в течение последних двух с лишним тысячелетий (включая идиш, сефардский и др.). В научной и популярной литературе последних лет Д.я. иногда обозначается как «иврит» (также «библейский иврит»), что является следствием неразличения терминов для современного иврита и Д.я. в современном израильском узусе.

1.1.2. Древнееврейский язык относится к ханаанейской подгруппе северо-западной группы семитской семьи языков.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Традиционно для Д.я. постулируется наличие двух диалектов, южного («иудейского», или «иерусалимского») и северного («израильского»), однако рассмотрение противопоставляющих эти диалекты лингвистических особенностей возможно лишь в широком контексте хронологической, географической и жанровой стратификации Д.я. (более подробно см. 1.5.0.).

Эксплицитные указания на существование диалектов Д.я. в Библии практически отсутствуют. Единственным исключением является эпизод, описанный в 12 главе Книги Судей (стихи 5–6). Согласно этому тексту, слово, обозначающее «колос» (по другой интерпретации, «поток») произносилось как *šibbōlāt* жителями Галаада (Заиорданье), в то время как эфраимиты (Северная Палестина) произносили его как *sibbōlāt* (фонетический и фонологический смысл этого различия неоднократно рассматривался в специальной литературе, однако общепризнанного решения у этой проблемы нет).

Эпиграфические находки показывают, что вплоть до падения Израильского царства в 722 г. до н. э. Д.я. был в той или иной мере распространен по всей территории Палестины, от Хацора и Дана до северной оконечности пустыни Негев и крайнего востока Синайского п-ова. После падения Израильского царства и депортации части его населения бытование Д.я. на его территории эпиграфически не засвидетельствовано. В границах Иудейского царства наибольшая концентрация эпиграфических памятников на Д.я. характерна для внутренних областей (Иерусалим, Лахиш, Арад), что дает основания считать исконным ареалом распространения Д.я. внутренние, гористые районы Палестины (Иудею и Самарию). В то же время, имеются отдельные свидетельства о его бытовании в районе средиземноморского побережья (Мецад-Хашавьяху, возможно Ашдод, Хирбет-эн-Неби Худж). Согласно библейской традиции, в определенные периоды Д.я. был распространен также к востоку от р. Иордан, однако внешние свидетельства, указывающие на историчность этого предания, немногочисленны (см., например, упоминание об обитавших в Заиорданье израильтянах из племени Гад в надписи моавитского царя Меша).

Несколько кратких и фрагментарных надписей на Д.я. были обнаружены за пределами Палестины: при раскопках городищ Нимруд в Северной Месопотамии (столица Ассирийской империи Кальху; предметы, на которых выполнены надписи, попали туда как часть добычи, вывезенной ассирийцами после взятия Самарии) и Сузы (древняя столица Элама). Очевидно, что такого рода находки не свидетельствуют о распространении Д.я. в соответствующих регионах. В целом, возможность бытования Д.я. за пределами Палестины (например, в Египте или Месопотамии) едва ли может быть документально подтверждена.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Прямых свидетельств о функциональном статусе и ранге Д.я. практически нет. Эпиграфические памятники позволяют утверждать, что в эпоху существования израильского и иудейского царств Д.я. был основным языком военно-административной и деловой переписки и хозяйственного учета, т. е., по-видимому, выполнял функции официального языка. В пользу этого заключения говорит также весьма высокий уровень стандартизации языка древнееврейской прозы, очевидный как в библейских, так и в эпиграфических памятниках.

1.3.2. Язык классической древнееврейской прозы представляет собой высоко стандартизованный идиом, с большой вероятностью специально культивировавшийся в качестве письменного средства и поэтому неизбежно отличавшийся от повседневного разговорного языка. К сходному выводу позволяют прийти наблюдения над языком эпиграфических памятников Д.я. Наиболее заметные отклонения от языкового стандарта наблюдаются в поэтических произведениях разных эпох, а также в поздней прозе.

1.3.3. Прямых сведений об изучении и преподавании Д.я. в древности нет, однако высокая степень языковой стандартизации с необходимостью предполагает существование нормирующих центров (например писцовых школ). Согласно распространенной точке зрения, значительную часть дошедших до нас эпиграфических памятников Д.я. представляют собой писцовые упражнения.

Основы научного изучения Д.я. были заложены средневековыми еврейскими грамматиками (с начала X в.), однако огласовка текста масоретами (начало формирования которой относят к VI–VII вв. или несколько ранее) и составление ими корпуса маргинальных помет не могли быть осуществлены без пристального внимания к языковым фактам и их детального анализа. Расцвет еврейской грамматической традиции приходится на X–XI вв. и связан с такими именами, как Саадия Гаон (Саид ибн Юсуф аль-Фаюми), Иехуда ибн Курайш, Моше ибн Эзра, Менахем ибн Сарук, Дунаш ибн Лабрат, Иехуда (Абу Закария Яхъя) Хаюдж, Иона ибн Джанах, ибн Барун. Особое направление представлено трудами грамматиков, принадлежавших к религиозному течению караимов (например Абу аль-Фарадж Харун ибн аль-Фарадж, Давид бен Абрахам аль-Фаси). В этот период деятельность еврейских грамматиков в основном протекала в странах арабо-мусульманской культуры (главным образом в Северной Африке и Испании), их произведения, как правило, написаны по-арабски и в тесной связи с арабской грамматической традицией, заметным отличием от которой является пристальный интерес к данным внешнего сравнения (арамейским, арабским и даже берберским). В XII–XIII вв. арабоязычные произведения более ранних периодов переводятся на Д.я. и получают широкое распространение среди евреев Европы. Важнейшие еврейские грамматисты этого периода — Авраам ибн Эзра, Иехуда ибн Тибон, семейство Кимхи (Иосеф, Давид и Моше).

Внимание к языковым фактам Д.я. в христианской среде отмечается уже в первые века новой эры (так, например, множество любопытных наблюдений лингвистического характера можно обнаружить в произведениях Иеронима), однако первая грамматика Д.я., возникшая в христианской среде, была создана лишь в начале XVI в. известным немецким филологом И. Рейхлином (“*De rudimentis hebraicis*”, 1506). Описание И. Рейхлина (как и другие европейские исследования по Д.я. в этот период) сильно зависит от еврейской грамматической традиции. Формирование лингвистической гебраистики как современной научной дисциплины относится к пер-

вым десятилетиям XIX в. и связано с именем выдающегося немецкого исследователя Д.я. В. Гезениуса. Подготовленные им научная грамматика (1813) и словарь (1829–1858 гг.) неоднократно перерабатывались последующими поколениями гебраистов и вплоть до сегодняшнего дня остаются фундаментальными пособиями по изучению Д.я. Наибольшую популярность завоевали 28-е издание грамматики под редакцией Э. Кауча и 17-е издание словаря под редакцией Ф. Буля (переработанный вариант этого словаря на английском языке был опубликован Ф. Брауном, С. Драйвером и Ч. Бригсом в 1906 г.; кроме того, с 1987 г. под редакцией Х. Доннера и Р. Майера публикуется переработанный немецкий вариант, «Новый Гезениус»). Обобщающие грамматики Д.я., созданные во второй половине XIX в., не получили столь широкого распространения, однако некоторые из них содержат важные собрания языковых фактов и не потеряли актуальности до сих пор. Важнейшими среди этих грамматик являются сочинения Х. Эвальда и Э. Кёнига. В первой половине XX в. были опубликованы фундаментальные грамматические описания Г. Бергштрессера (1910), Х. Бауэра и П. Леандера (1922), П. Жоуона (1923; английский перевод грамматики Жоуона с многочисленными исправлениями и дополнениями был опубликован в 1991 г. Т. Муракокой). Во второй половине XX в. новых фундаментальных грамматик Д.я. создано не было. В 1953 г. был опубликован словарь Д.я. Л. Кёлера и В. Баумгартнера (существенно переработанное третье издание этого словаря, выполненное коллективом известных гебраистов из разных стран, выходило в свет в период с 1967 по 1995 гг.).

На сегодняшний день Д.я. является одним из наиболее тщательно и всесторонне исследованных языков мира и, по-видимому, самым изученным неевропейским языком в рамках западной лингвистической традиции. Различным аспектам древнееврейской грамматики и лексики посвящены тысячи статей и книг, исследования по Д.я. и его преподавание ведутся во всех крупных университетах Европы, США и Канады. Оригинальная гебраистическая школа, сочетающая достижения западной гебраистики с традиционным еврейским наследием, сложилась в Израиле. В России основными центрами преподавания Д.я. и других гебраистических дисциплин являются Восточный факультет СПбГУ и Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

1.4.0. Древнейшей формой письма, использовавшейся для записи текстов на Д.я., является так называемый «палеоеврейский алфавит», близкий по форме к алфавитам других ханаанейских языков I тыс. до н. э. (финикийскому, моавитскому). Этим алфавитом (в еврейской традиции обозначаемым как *katāb 'ibri* 'еврейское письмо') записаны эпиграфические памятники Д.я. (кроме того, к палеоеврейскому восходит самаритянское письмо, которым записано, в частности, самаритянское Пятикнижие). В последние века I тыс. до н. э. палеоеврейский алфавит выходит из употребления в еврейской среде, заменяясь на так называемое «квадратное» (*katāb mārubbāʾ*), или «асирийское» (*katāb ʾaššuri*), письмо, широко использовавшееся в этот период для записи текстов на арамейском языке. Квадратным письмом записано подавляющее большинство дошедших до нас рукописей на Д.я., на нем основываются различные виды скорописи, а также печатные шрифты.

Как и палеоеврейское, квадратное письмо является консонантным алфавитом с относительно широким использованием букв W (ו), Y (י) и, в конечной позиции, H (ה) в качестве *matres lectionis*. Хотя сфера употребления *matres lectionis* в истории Д.я. последовательно расширялась, записанный консонантным алфавитом текст оставлял

возможность для многочисленных чтений и интерпретаций. В середине I тыс. н. э. для последовательной передачи гласных была разработана система надстрочных и подстрочных знаков. Кроме того, еще одна система надстрочных и подстрочных символов (акцентов, или знаков кантилляции) служит для обозначения ударных слогов, больших и малых пауз и других интонационных характеристик.

В данной статье примеры передаются в фонологической транскрипции.

1.5.0. Начало формирования Д.я. традиционно принято относить к периоду завоевания Ханаана израильскими племенами в XIII–XII вв. до н. э., описанного в библейских Книгах Иисуса Навина и Судей. Историчность этого предания оспаривается большинством современных исследователей, однако даже оставаясь в его рамках, следует констатировать, что Д.я. в известной нам форме является характерным представителем ханаанейского языкового типа, т. е. представляет собой язык «завоеванных» ханаанеев, а не «завоевателей» израильтян. Поскольку существование на территории Палестины ханаанейских диалектов надежно засвидетельствовано уже в середине XIV в. до н. э. (подробнее см. статью «Ханаанейские языки» в наст. издании), зарождение «раннедревнееврейского», или «прадревнееврейского», языка хронологически предшествует гипотетическому еврейскому завоеванию Ханаана, а не следует за ним и тем более не вытекает из него. В гебраистической науке конца XIX — начала XX вв. пользовалась популярностью точка зрения, по которой Д.я. представлял собой «смешанный язык» (нем. *Mischsprache*), в рамках которого на ханаанейскую основу наложился собственно израильский суперстрат, имевший более восточную, «праарамейскую» природу. Культурно-историческую основу для теории «смешанного языка» составляют библейские предания, подчеркивающие историческую связь еврейских патриархов с арамеями сиро-месопотамского региона и противопоставляющие их ханаанейскому населению Палестины (например, главы 24 и 28 Книги Бытия). Лингвистическое обоснование теории «смешанного языка» сталкивается с трудностями, поскольку гипотетические неханаанейские элементы в Д.я. приписываемые «израильскому» суперстрату, немногочисленны, а языковой контакт не является единственно возможным объяснением для большинства из них.

В I тыс. до н. э. Д.я. представлен двумя типами памятников, существенно отличающихся друг от друга в плане хронологической стратификации. К первому типу относятся памятники, время создания которых может считаться более или менее синхронным по отношению к археологическим слоям, в которых они обнаружены. Язык такого рода памятников, в основном представляющих собой надписи на твердых носителях (в первую очередь, глиняных сосудах и черепках и на камне), обычно называют «эпиграфическим древнееврейским». Хронологическая атрибуция этих текстов осуществляется на основании археологических, палеографических и исторических данных и является относительно надежной, однако малочисленность и фрагментарность такого рода находок в сочетании с невокализированным характером письма существенно снижает их значение для собственно лингвистической периодизации Д.я.

Древнейшим эпиграфическим памятником Д.я. считается Календарь из Гезера, обнаруженный в 1908 г. при раскопках городища Телль-эль-Джазари (древний Гезер, др.-евр. *gāzār*; примерно в 35 км к северо-западу от Иерусалима) и датируемый, по археологическим, палеографическим и орфографическим критериям, концом X в. до н. э. Текст представляет собой перечень сельскохозяйственных сезонов с указанием их длительности. Специфически древнееврейские фонологические и морфологиче-

ские черты в тексте Календаря не выявляются, вследствие чего некоторые исследователи не считают его памятником Д.я. Стяжение дифтонга **ay* (*kš* [keš] < **kayt-* ‘летний урожай’, *kl* [kel] < **kayl-* ‘отмеривание’, *yrh-w* [yarhe-w] < **yarhay-hu* ‘два (?) его месяца’) сближает его с эпиграфическими памятниками северного (израильского) происхождения (а также с другими ханаанейскими языками и с угаритским) и противопоставляют его Д.я. Библии. В лексическом отношении специфически еврейской можно считать лишь лексему *kšr* ‘сбор урожая’. Присутствующий в надписи термин *ʔsd* ‘срезание, сбор’ в Библии не отражен (хотя глагольный корень присутствует в слове *maʔšāq* ‘вид режущего или рубящего орудия’), в то время как значение ‘отмерять’ для корня **kyl* устанавливается лишь по сравнительным данным (араб. *kyl*). Отсутствие характерной для библейского языка замены прасем. **warh-* ‘месяц’ на **hudt-* (*hódäš*) является архаизмом, спорадически отраженным и в Библии (*yārah*).

Лингвистически информативные эпиграфические памятники рубежа IX–VIII вв. до н. э. представлены надписями из городища Кунтиллет-Аджруд (в литературе встречается также принятое в современном иврите обозначение Хорват-Тейман) на крайнем востоке Синайского п-ова (территория Египта, в 25 км к западу от границы с Израилем и в 50 км к югу от предполагаемого расположения древнего города Кадеш-Барнеа, совр. Эйн-эль-Кудерат), обнаруженными при раскопках 1975–1976 гг. (некоторыми исследователями предлагалась несколько более поздняя датировка). Наиболее информативные тексты имеют религиозный характер, однако археологический контекст надписей остается предметом дискуссии (согласно различным гипотезам, культовый центр, писцовая школа или караван-сарай). Лексика надписей из Кунтиллет-Аджруд включает в себя ряд специфически еврейских терминов (*šr* ‘начальник’, *ʔr* ‘город’, *šbʔ* ‘клясться’, *šmr* ‘охранять’, *hyu* ‘быть’, *ntn* ‘давать’, *lbb* ‘сердце’; лексема *ʔšr* ‘который’ может считаться признаком иудейского диалекта, хотя присутствует и в моавитском); специфически еврейские черты в фонологии и морфологии не выявляются. Часть исследователей относит к середине IX в. несколько малоинформативных в лингвистическом отношении надписей на глиняных черепках из Арада (др.-евр. *ʔārād*, около 35 км к северо-востоку от г. Беэр-Шева), обнаруженных в 1960-х гг. (вероятной остается существенно более поздняя датировка).

Эпиграфика первой половины VIII в. до н. э. представлена, главным образом, корпусом кратких надписей административного характера (учет поставок вина и масла) на глиняных черепках (остраконах), обнаруженных в 1910 г. при раскопках Самарии (др.-евр. *šomaron*), древней столицы Северного (Израильского) царства. Важнейшие лингвистические особенности надписей из Самарии — характерное для северного диалекта стяжение дифтонга **ay* (*yn* [yen] ‘вино’, в Библии *yáyin*) и использование алломорфа *-t* в качестве показателя женского рода в слове *št* [šatt] < **šan-t-* ‘год’ (так же как в других ханаанейских языках и в угаритском языке, ср. *šānā* < **šan-at-* в Библии).

Важнейшие эпиграфические памятники конца VIII в. до н. э. — остракон № 40 из Арада (многими исследователями предполагается гораздо более поздняя датировка), надпись из Силоамского туннеля в Иерусалиме и погребальная надпись из Хирбет-эль-Ком (13 км к западу от Хеврона). Текст остракона из Арада обычно интерпретируется как письмо коменданту крепости Арад от военачальников, находившихся в одном из более мелких укреплений на границе Иудеи и Эдома. В грамматическом, лексическом и стилистическом отношении этот документ весьма близок классическим образцам библейского языка (см., например, формулу *wʔt hʔh* [ʔ]bdk [l]bh ʔl ʔšr

ʔm[rt] 'Вот твой слуга склонил свое сердце к тому, что ты сказал'). Обнаруженная в 1880 г. надпись из Силоамского туннеля (обеспечивавшего поступление воды из источника Гихон в Силоамский пруд) описывает постройку этого сооружения в период правления иудейского царя Езекии (725–697 гг. до н. э.). Язык надписи очень близок языку классической библейской прозы (наиболее заметное отличие — архаичная форма *hwt* [hayat] 'она была', ср. библейское *hāwəṭā* < **hay-at-at*). Погребальная надпись религиозного содержания из городища Хирбет-эль-Ком специфических особенностей по сравнению с библейским языком не содержит.

Эпиграфические памятники первой половины VII в. до н. э. лингвистически довольно малоинформативны, наиболее примечательные тексты этого периода — погребальные надписи из Силоама. К этому времени относят первый древнееврейский документ на папирусе — палимпсест, обнаруженный в 1952 г. при раскопках пещер Вади-Мураббаат на Мертвом море (18 км к югу от городища Хирбет-Кумран). Текст А палимпсеста представляет собой письмо, текст В — хозяйственный документ.

Ко второй половине VII в. до н. э. относится один из наиболее своеобразных эпиграфических памятников Д.я. — надпись на остраконе, обнаруженном при раскопках небольшой древней крепости на берегу Средиземного моря между Ямнией и Ашдодом (после раскопок это место получило название Мецад-Хашавьяху по имени упоминаемого в надписи персонажа *ḥšbyhw*, которое теперь чаще читается *hwšʕyhw*). Надпись представляет собой петицию жнеца (*kṣr*) с жалобой начальнику (*hšr*; комендант крепости?) на персонажа по имени *hwšʕyhw* (надсмотрщика за работами?), который отобрал у жнеца одежду (стоящие за документом социальные и правовые реалии остаются предметом дискуссии). Грамматика и лексика надписи практически не отличаются от Д.я. Библии (употребление в надписи не свойственного библейскому языку корня *kyl* 'отмерять' признается не всеми исследователями; неясным остается значение глагольной формы *tdhm* в предпоследней строке). Относящиеся к этому периоду довольно многочисленные остраки из Арада лингвистически в основном мало информативны (наиболее примечателен остракон № 88, представляющий собой плохо сохранившееся письмо, по-видимому военного содержания).

Надписи начала VI в. до н. э. представлены двумя значительными по количеству и довольно информативными лингвистически сводами надписей на черепках, происходящих из Арада и Лахиша (городище Телль-эд-Дувер, около 50 км к юго-западу от Иерусалима). Оба корпуса приходятся на период завоевания Иудеи вавилонянами, вследствие чего вошедшие в них документы так или иначе связаны с военной тематикой. Остраки из Арада содержат распоряжения о выдаче пищевых рационов греческим наемным солдатам (*ktym*, в Библии *kittiyim*, *kittim*) и указания о некоторых других военных приготовлениях. Более разнообразны по содержанию остраконы из Лахиша, обнаруженные в ходе раскопок 1935 и 1938 гг. (наиболее информативны остраконы 2, 3, 4, 5 и 6). Язык этих документов практически не отличается от библейского. Представляют интерес формы *b-nbškm* 'вы сами' и *hbkydm* 'он передал их' (вм. нормативных *b-npškm* и *hpkydm*) в остраконе 24 из Арада, по-видимому отражающие фонетические процессы разговорного языка (см. также *nḥnw* 'мы' в остраконе из Лахиша 4, вм. обычного для библейского языка *ʔnḥmw*).

Эпиграфические памятники на Д.я., относящиеся к ахеменидскому и эллинистическому периодам, немногочисленны и малоинформативны, и представлены, главным образом, надписями на монетах и печатях.

Ко второму типу памятников Д.я. относятся произведения, дошедшие до нас благодаря устной и письменной традиции. Речь идет о традиционных текстах религиозного характера, сформировавших к концу I тыс. до н. э. корпус Ветхого Завета (Еврейской Библии), а также о произведениях, не вошедших в этот корпус, но близких к нему по характеру (например, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Поскольку на твердых носителях (камень, глина) такие тексты не фиксировались, древнейшие дошедшие до нас рукописи могут отстоять от времени создания этих произведений на многие столетия. Археологические, палеографические и орфографические методы датировки к библейским текстам практически не применимы, в то время как хронологически релевантные данные исторического характера встречаются в них относительно редко. Датировочные гипотезы для большинства библейских текстов имеют лишь религиозоведческие, литературоведческие и лингвистические основания, анализ которых осложняется множеством различных факторов (например, широко практиковавшейся в древности намеренной стилистической архаизацией литературных текстов, а также многочисленными редакторскими модификациями, отражавшимися в том числе и на уровне языка). Использование лингвистических данных при датировке библейских текстов особенно уязвимо, так как может порождать феномен порочного круга: присутствие в том или ином библейском фрагменте определенных грамматических и лексических черт нередко оказывается единственным аргументом в пользу его ранней или поздней датировки, в то время как архаичный или поздний характер этих лингвистических особенностей сам нуждается в доказательстве.

В большинстве описаний Д.я. к ветхозаветному корпусу применяется трехступенчатая хронологическая стратификация, в рамках которой выделяют архаические, классические (стандартные) и поздние памятники.

Для архаических памятников характерно присутствие ряда черт (морфологических, синтаксических, отчасти лексических), отсутствующих или слабо представленных в более поздних текстах. Среди грамматических признаков, часто характеризующихся как архаические, наибольшего внимания заслуживают следующие.

— Форма *-mo*, *-mi* у аккузативной местоименной энклитики 3-го лица множественного числа мужского рода (вм. нормативной формы *-ām*): *yokələ-mo* 'он пожрал их' (Ex 15.7), *yəkasuy-mi* 'они покрыли их' (ibid. 7); энклитики этого типа при предлогах (*lā-mo* 'им') встречаются гораздо чаще и менее релевантны для датировки.

— Употребление форм префиксального спряжения без союза *wa-* при описании однократных действий в прошлом: *yimšāʔəhu bə-ʔārāš midbār* 'Он нашел его в земле пустынной' (Deut 32.10), *yādāh la-yūʔated tišlāhnā* 'Она протянула свою руку к кольшыку' (Jdc 5.26).

— Сохранение сочетания *-nh-* (вм. нормативного *-nn-*) при присоединении местоименных энклитик: *ʔāromətā-n-hu* 'Я возвеличу его' (Ex 15.2).

— Употребление форм *zu*, *zä*, *zo* в качестве относительных местоимений (вм. нормативного *ʔāšār*): *ʔam zu gāʔāltā* 'народ, который ты избавил' (Ex 15.13).

— Сохранение *-t* в форме 3-го лица женского рода перфекта: *ʔāzalat* 'Она ушла' (Deut 32.36).

— Употребление энклитического *-m* при именах множественного числа в status constructus: *motnāyim ḵāmāw* 'чресла восстающих на него' (Dt 33.11, вм. нормативно-го *motne ḵāmāw*).

— Оформление вершинного имени генитивной конструкции показателями *-i* и *-o*: *bən-i ʔātono* 'детеныш его ослицы' (Gn 49.11), *bən-o šippor* 'сын Циппора' (Nu 23:18).

В случае с *-i* значение для датировки имеют, главным образом, существительные в строгом смысле слова, а не причастия (см. 2.3.4.).

В гебраистической литературе нередки указания на характерные для архаических древнееврейских памятников лексические особенности, однако в большинстве случаев речь идет о лексемах, относительно широко представленных и в других поэтических произведениях (*hāzā* 'видеть' вм. нормативного *rāʾā*, *hāʾāzin* 'слышать' вм. *šamaʿ*, *ʾātā* 'приходить' вм. *bā*, *ʾóraḥ* 'дорога' вм. *dārāk*, *gābār* 'человек, мужчина' вм. *ʾiš* и др.). Специфика этих лексем, таким образом, является скорее жанровой, чем хронологической. Устойчивая ассоциация определенных лексем с текстами, атрибутированными как архаические по грамматическим критериям, наблюдается очень редко. Примером такого рода является, возможно, глагол *māḥaš* 'поразить', встречающийся как эквивалент нормативного *hikkā*, главным образом, в архаических поэтических произведениях (Jdc 5.26, Hab 3.13, Deut 33.11, Deut 32.29, Nu 24.8, Ps 18.39, Ps 68.24).

Практическое применение приведенных выше критериев сталкивается с рядом серьезных трудностей. Так, подавляющее большинство произведений, демонстрирующих архаические особенности, не лишены и стандартных, нормативных черт (заметным исключением является лишь Ex 15.1–17). Содержащиеся в этих отрывках архаизмы могут свидетельствовать о намеренной архаизации поэтического стиля, но не о ранней датировке. Присутствие архаических черт в относительно поздних поэтических произведениях показывает, что такого рода архаизация действительно практиковалась (наиболее примечательна в этом смысле Книга Иова, в которой основополагающие признаки архаической поэзии сосуществуют с указаниями на очень позднюю датировку). С другой стороны, специфические черты поэтических произведений могут объясняться не только ранним временем их создания, но и лингвогеографическими причинами: по крайней мере некоторые из релевантных поэтических отрывков могут происходить из северного ареала распространения Д.я. (классическим примером такого произведения является Песнь Деборы, в которой упоминаются практически все племена Израиля, традиционно ассоциируемые с Северной Палестиной, но ни разу не встречается связанное с южным ареалом племя Иуды). Ввиду описанных трудностей при атрибуции тех или иных произведений как архаических в гебраистической литературе отмечаются серьезные колебания. Подавляющее большинство исследователей считают таковыми Песнь Моисея при море (Ex 15.1–17), Песнь Деборы (Jdc 5), Песнь Моисея (Deut 32.1–43). Нередко в этот круг включают некоторые другие произведения: Благословения Иакова (Gn 49.1–27) и Моисея (Deut 33), Оракулы Валаама (серия поэтических фрагментов в Nu 23–24), Псалом Аввакума (Hab 3), некоторые псалмы (например, 18 и 68).

Корпус *к л а с с и ч е с к о й* (стандартной) прозы включает в себя значительную часть Пятикнижия, Книги Иисуса Навина, Судей, Самуила и Царей. Среди поэтических произведений, с большой вероятностью созданных в классический период, преобладают пророческие книги (в частности, Книги Амоса, Осии, Михея, Наума, Софонии, Аввакума, Иеремии, Исаии). В языковом отношении к этим произведениям примыкают тексты, созданные в более позднее время, но относительно регулярно следующие нормам классического языка (например, Плач Иеремии, Руфь, Иона, Иезекииль, значительная часть Псалмов и Притч). Лингвистическая характеристика Д.я. классического периода составляет основной предмет данного описания.

К позднему периоду истории Д.я. относится значительная часть произведений, созданных в эпоху после возвращения части евреев из Вавилонии (т. е. после 538 г. до н. э.). Как было упомянуто выше, некоторые из поздних произведений воспроизводят классические нормы довольно последовательно и в языковом отношении практически не отличаются от допленных памятников. В то же время в ряде поздних книг Ветхого Завета отступления от классического стандарта столь заметны, что оправданным представляется выделение их в особый корпус (так называемый поздний Д.я.). К памятникам этого круга относятся Книги Хроник, Ездры, Неемии, Даниила, Есфири, а также Песнь Песней, Екклесиаст и, в определенной степени, Иов. Классическим методом анализа языковых особенностей позднего языка является сопоставление текста Книг Хроник с параллельными пассажами в Книгах Самуила и Царей, однако конкретные детали этого анализа остаются предметом острой полемики и лишь в малой степени могут быть отражены в настоящем описании. В области орфографии памятники позднего Д.я. характеризуются более широким применением полного написания (так, например, в Книгах Хроник отмечается полное написание собственных имен *dāwid* 'Давид' и *yərušālayim* 'Иерусалим', которые повсеместно в Библии пишутся дефективно). Среди многочисленных отличий в области морфологии и синтаксиса можно отметить употребление местоимения 1 л. ед. ч. *ʔāni* вм. *ʔānoki*, сравнительно редкое употребление «консекутивных» глагольных форм, выражение пассивного залога исключительно с помощью породы *pirʔal* вместо внутреннего пассива *qal* (*nolad* 'он родился' вм. *yullad*), сокращение употребления абсолютного инфинитива, тенденцию к генерализации употребления *infinitivus constructus* с предлогом *lə*, плеонастическое употребление показателей множественного числа в генитивных сочетаниях (*ʔanš-e šem-ot* 'люди с именем', 1С 5.24, ср. *ʔanš-e ha-ššem* в Gn 6.4), относительная редкость вводной нарративной формы *wayhi* 'и было', изменение порядка элементов в конструкциях с числительными. Среди корней и лексем, специфических для позднего Д.я., можно упомянуть *kšr* 'быть искусным, умелым; преуспевать', *šrk* 'иметь необходимость', *gupā* 'тело, труп'. Одной из наиболее заметных черт позднего Д.я. является сильное арамейское влияние в морфологии, синтаксисе и лексике (подробнее см. 1.6.0., 2.6.0.).

При анализе языка некоторых поздних произведений следует учитывать не только хронологические, но и жанровые и географические факторы. Так, например, интенсивное употребление относительного местоимения *šā* вм. нормативного *ʔāšār*, характерное для Песни Песней (где *ʔāšār* практически не встречается) и Екклесиаста, объясняется не только поздней датировкой этих произведений, но и их жанровыми и стилистическими особенностями, не имеющими прецедента в корпусе ветхозаветной литературы (показательно в этом отношении полное или почти полное отсутствие *šā* в других, несомненно поздних, книгах). Кроме того, нельзя исключать связи этих произведений с северным языковым ареалом (примечательно, что немногочисленные примеры употребления *šā* в корпусе классической прозы — история о Гидеоне в Jdc 6–8, речь арамейского царя в 2R 6.11 — и в Песни Деборы часто объясняют северным колоритом соответствующих отрывков).

Значительный объем сведений о грамматике Д.я. на рубеже новой эры предоставляют документы на папирусе и пергаменте, обнаруженные в пещерах близ Мертвого моря, в первую очередь в окрестностях городища Хирбет-Кумран (кумранские находки датируются периодом со II в. до н. э. по II в. н. э.). Большой интерес представ-

ляют как кумранские списки библейских книг (наиболее известен свиток Книги Исаии, 1QIsa^a), так и оригинальные произведения, такие как Устав общины (1QS), Благодарственные гимны (1QH), Комментарий к Книге пророка Аввакума (1QpHab), Свиток войны сынов света с сынами тьмы (1QM/4QM^{a-c}), Храмовый свиток (11QT), Медный свиток (3QTr). В лингвистическом отношении кумранские документы весьма гетерогенны и в данной статье учитываются лишь спорадически.

Время, когда Д.я. в устном обиходе начал вытесняться арамейским, установить довольно трудно. Предполагают, что на севере Палестины, в Израильском царстве, этот процесс начался раньше, чем в Иудее, однако документальных подтверждений этому не обнаружено (заслуживает внимания тот факт, что административные документы из Самарии, написанные за несколько десятилетий до взятия города ассирийцами в 722 г. до н. э., написаны на Д.я., а не по-арамейски). Согласно библейскому преданию (2R 18.26), во время осады ассирийцами Иерусалима (701 г. до н. э.) ассирийский военачальник обращается к жителям города «по-иудейски» (*yahudit*), поскольку арамейская речь была бы понятна лишь высокопоставленным придворным иудейского царя (по-видимому, имевшим опыт дипломатического общения). С библейским свидетельством коррелирует использование Д.я. в качестве основного языка дополненной эпиграфики, причем сугубо практический характер многих эпиграфических документов, присутствие в них фрагментов прямой речи и фонетически ненормативных форм говорят о том, что до 586 г. Д.я. функционировал не только в письменной, но и устной сфере. Таким образом, распространение арамейского как основного разговорного языка жителей Иудеи приходится на пленный и послепленный периоды. Время окончательного вымирания Д.я. как родного языка остается предметом дискуссии, см. об этом статью «Арамейские языки» в наст. издании. Написанные на Д.я. письма времени восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.), обнаруженные в 50–60-х гг. XX столетия, часто рассматриваются как свидетельства бытования Д.я. в качестве разговорного языка в начале II в. н. э., однако нельзя исключать, что патриотически настроенные иудеи использовали в качестве письменного средства (наряду с арамейским и греческим!) уже вышедший из устного употребления язык.

Данная статья представляет собой синхронное описание Д.я. в том виде, в котором он отражен в масоретском тексте Ветхого Завета — общепринятом собрании канонических библейских книг, консонантный текст которых (включая *matres lectionis*) сформировался к началу нашей эры, а вокализация, диакритические знаки и знаки кантилляции были зафиксированы в IX–VII вв. до н. э. еврейскими учеными-масоретами тивериадской школы (Северная Палестина). Упомянутые выше небиблейские памятники в настоящем описании, как правило, не рассматриваются. Кроме того, не учитываются разного рода сведения о Д.я. Библии, внешние по отношению к тивериадскому масоретскому тексту:

— тексты и фрагменты библейских книг, обнаруженные среди рукописей Мертвого моря;

— древнееврейские формы в греческой и латинской передаче (греческая транскрипция из второй колонки Гексаплы Оригена; имена собственные в греческих и латинских переводах Ветхого Завета и в сочинениях иудейских и христианских авторов; древнееврейские слова и сочетания слов, воспроизведенные в Новом Завете и др.);

— текст Пятикнижия, употребительный среди самаритян (оформившееся предположительно около IV в. до н. э. самостоятельное религиозное направление), и принятая в их среде традиция чтения этого памятника;

— нетивериадские системы вокализации, разработанные в Месопотамии (Вавилонии) и Палестине. Ближе всего к современному фонологическому анализу древнееврейского вокализма стоит так называемая простая вавилонская система, которая не имеет эквивалентов для тивериадских графем, обозначающих гласные, относительно редко участвующие в фонологических оппозициях (*ā, ă, ǎ, ǝ*; кроме того, вместо позиционного распределения *o* и *u* в закрытых безударных слогах всегда используется *u*, а эквивалент тивериадского *šəwā*, как правило, не используется для обозначения \emptyset). Палестинская система рано вышла из употребления, в то время как вавилонская система использовалась вплоть до недавнего времени в еврейских общинах Йемена;

— традиции чтения библейского текста, принятые в еврейских общинах различных стран Европы, Азии и Северной Африки.

1.6.0. Единственным языком, оказавшим значительное структурное воздействие на Д.я., является арамейский. Бесспорные проявления арамейского влияния отмечаются, главным образом, в поздних памятниках ветхозаветной литературы (распространенная в начале XX в. теория, согласно которой Д.я. в целом сложился в результате ханаанейско-арамейской интерференции — теория «смешанного языка», нем. *Mischsprache*, — не может быть признана состоятельной).

В области фонологии арамейским влиянием принято объяснять спирантизацию смычных *b, g, d, k, p, t* и слияние рефлексов **š* и **s* в *s*. Арамейским влиянием вызвана тенденция к смешению именных и глагольных образований от корней Шу/у и Ш?. Некоторые модели и суффиксы древнееврейского именованного словообразования либо заимствованы из арамейского, либо распространились под арамейским влиянием: модели $C_1\grave{a}C_2\grave{a}C_3$, $C_1aC_2C_2\grave{a}C_3\grave{a}$, $?/haC_1C_2\grave{a}C_3\grave{a}$, суффиксы *-ān, -ut, -iyuā* (некоторые из этих показателей используются в образованиях от исконных древнееврейских корней и могут считаться более или менее адаптированными). Арамейское происхождение имеет показатель множественного числа мужского рода *-in* (вм. др.-евр. *-im*) и, возможно, вставка **-a-* между вторым и третьим корневыми согласными при образовании множественного числа имен структуры $C_1VC_2C_2-$ (*šāmānim* ‘народы’, *šālālim* ‘тени’, *hārārim* ‘горы’, вм. нормативных *šammim, šillim, hārim*). Арамейским влиянием традиционно объясняется образование префиксальных форм от корней $C_1C_2C_2$ с удвоением первого радикала (*yissob* ‘он повернется’, вм. нормативного *yāsob*), а также образование «сильных» форм интенсивной породы от корней с серединным слабым (*kiyuet* ‘он подтвердил’, вм. нормативного *komem*). Предполагают, что по аналогии с арамейской основой притяжательных местоимений *dīl* в позднем Д.я. сформировалась частица *šāl* с такой же сферой употребления. Арамейским влиянием объясняют тенденцию к вытеснению предлога *?el* ‘к’ предлогом *ʔal* ‘на’, а также употребление направительно-дательного предлога *lā* в функции *nota accusativi*. Проблематика структурного воздействия арамейского языка на Д.я. в целом остается недостаточно изученной, вследствие чего многие из приведенных выше гипотез нуждаются в дополнительном исследовании и корректировке.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. К о н с о н а н т и з м Д.я. включает 23 фонемы.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования							
			Биллабиальные	Дентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Фарингальные	Ларингальные	
Шумные	Смычные	Гл.	p	t			k	ʔ		
		Зв.	b	d			g			
		Эмф.		ʔ			q			
	Щелевые	Гл.						ħ	h	
			Зв.						ʕ	
		Сибиллянты	Свистящие	Гл.			s			
				Зв.			z			
				Эмф.			ʃ			
	Шипящие					ʂ				
	Латеральные					ʂ̣				
Сonorные	Назальные		m	n						
	Латеральные			l						
	Вибранты				r					
	Глайды		w			y				

Основные диахронические изменения по сравнению с прасемитским консонантизмом:

— переход межзубных в сибиллянты (**tawr*- ‘бык’ > *šor*, **danab*- ‘хвост’ > *zânâb*, **ṭaby*- ‘газель’ > *ṣəbî*);

— переход увулярных в фарингальные (**ʔhd* ‘брат’ > *ʔhz*, **γārib*- ‘ворон’ > *foreb*);

— переход латерального эмфатического *ʃ* в *ʃ* (**wʃʔ* ‘выходить’ > *yʃʔ*);

— переход начального **w* в *y* (**wald*- ‘ребенок’ > *yâlād*).

В то время как слияние межзубных с сибиллянтами и **ʃ* с *ʃ* произошло в дописьменную эпоху, слияние увулярных с фарингальными является относительно поздним процессом, в библейскую эпоху еще не завершившимся (таким образом, графемы *ʕayin* и *het* в тот период были полифоничными). Этот вывод основывается, главным образом, на передаче древнееврейских имен собственных в греческом переводе Септуагинты (LXX), где этимологическим **ħ* и **γ* обычно соответствуют χ и γ, а этимологические **h* и **ʔ* консонантного отражения не имеют (количество убедительных примеров на сохранение **γ* относительно невелико из-за редкости этой фонемы в прасемитском): *ʔāhišāzār* — LXX αχιεζαρ (**ʔah*- ‘брат’), *rāhel* — LXX ραχηλ (**rahil*- ‘овца’), *ʔāhāz* — LXX αχαζ (**ʔhd* ‘брат’) vs. *bet lāhām* — LXX βηθλεεμ (**lahm*- ‘хлеб, пища’), *rāḥobot* — LXX ρωβως (**rhb* ‘быть широким, просторным’), *hāmor* — LXX εμωρ (**himār*- ‘осел’); *ʔazza* — LXX γαζα (ср. арабское название этого города *yazzat*), *maʔarā* — LXX μαγαρωθ (ср. араб. *maʔarat*- ‘пещера’), *ʔāyūn gābār* — LXX γασιωνγαβερ (ср. араб. *yaḍa* ‘вид кустарника’) vs. *yīšmāʔel* — LXX ισμαηλ (**šmʔ* ‘слышать’), *bāʔal* — LXX βααλ, βεελ (**baʔl*- ‘господин’), *tolāʔ* — LXX θωλα (**tawliʔ*- ‘червь’).

Как показал Й. Блау, степень регулярности этих соответствий в рамках библейского корпуса не одинакова: наиболее четко различие между увулярными и фарингальными прослеживается в Пятикнижии (особенно в Книге Бытия), что свидетельствует,

по мнению Й. Блау, о более ранней по сравнению с остальными библейскими книгами датировке греческого перевода Пятикнижия.

Синхронная и этимологическая интерпретация графемы ψ (\dot{s}) является предметом дискуссии. Согласно наиболее распространенной точке зрения, Д.я. унаследовал от прасемитского глухой латеральный сибилант \dot{s} , однако в системе письма, воспринятой у носителей финикийского языка (где $*\dot{s} > \dot{s}$), специального обозначения для этой фонемы не было. Таким образом, графема ψ была полифоничной и обозначала две различные фонемы (\dot{s} и s), причем возможность такой полифонии подтверждается ее бесспорным существованием в древнеарамейском письме (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). На определенном этапе развития Д.я. (возможно, под арамейским влиянием) \dot{s} смешалось с s (графема ϑ), однако использование графемы ψ в соответствующих позициях, как правило, сохранялось (хотя и не без определенного количества орфографических дублетов). В масоретской традиции два произношения графемы ψ были зафиксированы с помощью диакритической точки: ψ (« $\dot{s}in$ с чтением \dot{s} ») vs. ψ (« $\dot{s}in$ с чтением s »). Согласно противоположной точке зрения, прасемитский сибилант $*\dot{s}$ претерпел в Д.я. ту же эволюцию, что в финикийском и угаритском, т. е. слился с $*\dot{s}$ (именно такое единообразное чтение графемы ψ как \dot{s} характерно для самаритянской традиции). Чтение ψ как s , отраженное в орфографических дублетах и в масоретской традиции, понимается как результат интерференции с арамейским языком (где $*\dot{s} > s$), т. е. своеобразной этимологической коррекции: др.-евр. \dot{s} произносилось и маркировалось как s в тех случаях, когда такое произношение было свойственно арамейским этимологическим коррелятам. Определяющее значение для решения данного вопроса имеют древнееврейские слова с \dot{s} , у которых нет арамейских параллелей. В некоторых примерах такого рода масоретская диакритика коррелирует с этимологическими данными (др.-евр. $\dot{s}imlā$ 'одежда' — араб. $\dot{s}amlat-$, др.-евр. $\dot{s}ādā$ 'поле' — саб. s_2dw), однако известны и противоположные примеры: др.-евр. $\dot{s}āšā$ 'делать' (вм. ожидаемого $*\dot{s}āšā$) — саб. $\dot{s}is_1y$.

Тот факт, что плавный согласный r разделяет некоторые особенности, свойственные гуттуральным, может указывать на заднеязычную реализацию этой фонемы.

О проблеме фонологического статуса спирантных вариантов фонем b , g , d , k , p , t см. 2.1.3.

Для обозначения г л а с н ы х фонем тивериадскими масоретами используются следующие диакритические знаки: \dot{q} $\dot{k}āmāš$, \dot{q} $\dot{p}ātaḥ$, \dot{q} или \dot{q} $\dot{s}əgol$, \dot{q} или \dot{q} $\dot{s}ere$, \dot{q} или \dot{q} $\dot{h}irāk$, \dot{q} $\dot{k}ibbuš$, \dot{q} $\dot{s}urāk$, \dot{q} или \dot{q} $\dot{h}ólām$. Масоретская номенклатура, в рамках которой \dot{q} и \dot{q} имеют разные названия, отражает лишь орфографическое различие в записи одного и того же гласного (как и в случае \dot{q} vs. \dot{q} или \dot{q} vs. \dot{q}).

Для вокалических фонем Д.я. характерны дистрибутивные ограничения, связанные с открытостью—закрытостью слога и местом ударения.

В своей наиболее полной форме инвентарь гласных фонем представлен в открытых слогах вне зависимости от ударности и в конечных закрытых слогах под ударением. В этих позициях наблюдается полноценное противопоставление пяти графем ($\dot{ā}$, u , o , i , e). Кроме того, в этих позициях могут отмечаться графемы a и $\dot{ā}$, однако их встречаемость здесь ограничена. Так, графема a редко встречается в открытых слогах (некоторые исключения: сеголатные имена со вторым гуттуральным типом $nāḥal$ 'ручей'; формы с «виртуальным удвоением» типа $\dot{q}āḥim$ 'братья', см. 2.2.2.; глагольные формы с местоименными энклитиками типа $\dot{q}ākālāni$ 'он съел меня'; формы двойственного числа типа $\dot{q}ādāyim$ 'две руки'). В конечных закрытых слогах под уда-

рением графема *a* отмечается в некоторых формах сильного глагола (перфект пород *ḳal* и *piṛʿal*, нередко также *piʿel*; имперфект непереходных глаголов типа *yizḳan* ‘он состарится’), в имперфекте и императиве ряда слабых глагольных классов (например, глаголы *In*: *yiggaš* ‘он достигнет’, *gaš* ‘достигни’), в образованиях от удвоенных корней (*ʕam* ‘народ’ — мн. ч. *ʕammim*, *ḳal* ‘он был легким’ — мн. ч. *ḳallu*), а также у имен в сопряженном состоянии (*dəbar ha-mmālāk* ‘слово царя’, ср. *dəbār* ‘слово’). Графема *ä* обычно не встречается в закрытых конечных слогах под ударением, а в открытых слогах представлена, главным образом, в первом слоге сеголатных имен типа *ḳālāb* ‘собака’ и перед некоторыми местоименными энклитиками (*ḳalbākā* ‘твоя собака’). В ауслaute графема *ä* не противопоставлена *a*, а ее противопоставление с *e* выражено слабо (см. оппозиции форм *status absolutus* и *status constructus* типа *miknā* (st. abs.)/*mikne* (st. constr.) ‘скот’).

В закрытых неконечных слогах под ударением (относительно редко встречающаяся позиция) количество вокалических фонем сужается до трех, *a*, *e* и *o*: *ḳāllu* ‘они были легкими’, *tədbəbēnā* ‘вы говорите (ж. р.)’, *səbbi* ‘повернись (ж. р.)’. Три типа гласных тембров противопоставлены также в закрытых безударных слогах, однако с несколько отличной реализацией. В этой позиции представлены графемы *a*, *ä*, *i*, *u* и *ā*. Графема *ä* в закрытых безударных слогах встречается сравнительно редко (например, после гуттуральных в слоге, закрытом двумя разными согласными: *ʔäglā* ‘телка’), смыслоразличительное противопоставление между *ä* и *i* практически отсутствует (см. примеры свободного варьирования типа *ʔämṛāto*?/ʔimṛāto ‘его слово’). Противопоставление между *u* и *ā* в этой позиции также не имеет фонологического характера, выбор варианта, как правило, зависит от характера согласного, закрывающего слог: *u* перед геминатой (*ḥuḳki* ‘мой закон’, *ḥuggad* ‘он был сказан’), *ā* перед одним или перед двумя различными согласными (*wa-yuʔāḳām* ‘он встал’, *ʔāzni* ‘мое ухо’, *ḥāšlak* ‘он был брошен’). Особенность тивериадской вокализации состоит в том, что второй вариант огубленного гласного в этих контекстах обозначается той же графемой *ḳ* (*ḳāmāš*), что используется для *ā* в открытых и закрытых ударных слогах. Традиционно эти два употребления знака *ḳāmās* противопоставляются как *ḳāmās ḥāṭur* (или *ḳāmās ḳāṭān*) vs. *ḳāmās gādol*. Многие описания Д.я. трактуют обе позиции, в которых употребляется графема *ḳ*, как принадлежащие одной и той же фонеме *ā*. Этот подход приемлем с дистрибутивной точки зрения (*ḳāmās ḳāṭān* и *ḳāmās gādol* не противопоставлены друг другу, так как первый встречается только в закрытых безударных слогах, а второй — только в открытых и закрытых ударных слогах), однако игнорирует чередование графем *ā* ~ *u* в закрытых безударных слогах, имеющее явно автоматическую (позиционную) природу (см. примеры выше; примечательны также примеры свободного варьирования типа *ʔāmnām*?/ʔumnmām ‘воистину’). Таким образом, с фонологической точки зрения предпочтительнее считать *ḳāmās ḥāṭur* аллофоном *o* или *u* (противопоставление между которыми в закрытых безударных слогах нейтрализуется), лишь фонетически (и графически) совпадающим с *ā*. Противопоставление двух типов употребления знака *ḳāmās* на фонетическом уровне (как правило, в виде [o] vs. [a]) сохранилось в сефардской традиции чтения Библии и воспринято как в западной габраистике, так и в произносительной норме современного иврита. В транскрипции, принятой в настоящей описании, *ḳāmās ḥāṭur* передается как *o*.

В свете сказанного выше в Д.я. можно выделить семь различных по фонологической значимости гласных фонем. Наиболее уязвимым является фонематический статус гласного *ä*, который обычно не противопоставлен *a* в открытых слогах и *i* в за-

крытых, вследствие чего он может считаться аллофоном этих двух фонем. Минимальные пары типа *ʔäl* ‘к’ — *ʔel* ‘бог’ — *ʔal* ‘не’ встречаются очень редко и имеют маргинальный характер. Довольно ограниченным следует признать фонологическое значение оппозиции *a : ă*, несмотря на наличие минимальных пар типа *nirdam* ‘он спал’ vs. *nirdām* ‘спящий’, *rab* ‘он был многочисленным’ vs. *rāb* ‘он судился’ (чаще всего выбор между этими двумя гласными обусловлен структурой слога, см. выше).

Наряду с графемами, обозначающими гласные полного образования, имеются знаки для редуцированных (ультракоротких) гласных: 𐤀 *šəwā* (этим же знаком обозначается отсутствие гласного, в традиционной номенклатуре эти два употребления противопоставляются как *šəwā mobile* (шва подвижный) и *šəwā quiescens* (шва покоящийся), соответственно; о фонологическом статусе оппозиции \emptyset vs. *ə* см. ниже), 𐤁 *hāter pátaḥ*, 𐤂 *hāter səgol*, 𐤃 *hāter kāmās* (принятая в статье транслитерация: 𐤁 *ə*, 𐤂 *ā*, 𐤃 *ā̄*, 𐤄 *ō*). Ультракороткие гласные встречаются только в открытых безударных слогах (но не в ауслауте). Фонологическая интерпретация этих знаков является предметом дискуссии, в основном связанной с тремя проблемами: противопоставление шва и нуля; противопоставление шва и других ультракоротких; противопоставление ультракоротких (кроме шва) между собой.

В первом слоге слова шва и ноль не противопоставлены (принятая в настоящем описании транскрипция со шва в этой позиции является данью традиции). В середине слова фонологическое значение этой оппозиции ограничено. Так, минимальная пара *yirʔu* ‘они увидят’ vs. *yirəʔu* ‘они будут бояться’ может быть интерпретирована как *yirʔu* vs. *yirʔu*, т. е. различительным признаком будет считаться не наличие или отсутствие *ə* после *r*, а долгота или краткость гласного *i* в префиксе. Такая интерпретация кажется маловероятной, поскольку долготные противопоставления в Д.я. едва ли имели фонологическое значение (см. 2.1.4.). В то же время, нельзя исключать, что рассматриваемые формы были омонимами, имея одинаковое произношение *yirʔu* (систематическое употребление полного написания *yurʔw* для формы со значением ‘они бояться’ не противоречит данному предположению, поскольку может объясняться исторической орфографией). Сходным образом минимальная пара *yigʕu* ‘они будут мычать’ vs. *yigəʕu* ‘они прикоснутся’ может интерпретироваться как *yigʕu* vs. *yiggʕu*, если считать фонологически значимой консонантную геминацию (см. 2.1.4.). Таким образом, долгота vs. краткость гласных, удвоенность vs. неудвоенность согласных и шва vs. ноль образуют систему взаимосвязанных противопоставлений в инлауте, в рамках которой — если игнорировать возможность омонимии — две из трех оппозиций должны быть признаны фонологически релевантными (иллюстрациями такого рода пучков минимальных пар являются триады типа *wa-yuikru* ‘они встретили’ vs. *wa-yuikəru* ‘они были дорогими’ vs. *wa-yuikkəru* ‘они выдолбили’). Также противоречивой является трактовка пар типа *ʔāklā* ‘пища’ vs. *ʔākəlā* ‘она ела’: признавая *ā* в первом слоге этих слов за одну фонему, следует признавать смыслоразличительную функцию шва (или омонимию), однако при понимании *ā* в первом случае как аллофона *u* или *o* (см. выше) такой необходимости не возникает (*ʔoklā* vs. *ʔāklā*).

Ультракороткий гласный *ā̄* встречается исключительно после гуттуральных, ультракороткий *ā* — также, главным образом, в этой позиции (исключения типа *halālū* ‘прославляйте’ встречаются редко). Поскольку употребление *ə* после гуттуральных невозможно (см. 2.2.2.), противопоставление между *ə* и *ā̄*, *ā̄* отсутствует, на основании чего некоторые исследователи (например, Ш. Мораг) считают *ā̄* и *ā̄̄* аллофонами *ə*. С этим подходом трудно согласиться, поскольку *ā̄* и *ā̄̄*, хотя и не составляют оппо-

зиции *ə*, противопоставлены друг другу. Количество минимальных пар, иллюстрирующих это противопоставление, невелико (*ʕāli* ‘поднимайся (ж. р.)’ vs. *ʕāli* ‘пестик’, *ʕānu* ‘отвечайте’ vs. *ʕānu* ‘пойте’), однако позиционно непредсказуемый выбор между *ā* и *ā* отмечается и в целом ряде других примеров. Таким образом, более перспективным кажется трактовать *ā* и *ā* как аллофоны гласных полного образования *a* и *ā*: эта интерпретация учитывает различия в тембре и в то же время корректна с точки зрения дистрибуции (*a* и *ā* не встречаются в открытых безударных слогах и, таким образом, не могут противопоставляться *ā* и *ā*).

Ультракраткий *ō* отличается от *ā* и *ā* тем, что его употребление в меньшей степени обусловлено соседством с гуттуральными. Вследствие этого *ō* может противопоставляться как *ə* (*dōmi* ‘покой’ vs. **dāmi* ‘будь похожей’), так и полным гласным *ā* и *u* (*dōmi* ‘покой’ vs. *dāmi* ‘моя кровь’ vs. **dumi* ‘мое молчание’; формы с астериском не отражены в Библии, однако являются грамматически регулярными образованиям от надежно засвидетельствованных корней). Кроме того, *ō* противопоставляется *ā* и *ā* при гуттуральных, например *ʔōni* ‘корабль’ vs. *ʔāni* ‘я’. Таким образом, статус *ō* как самостоятельной фонемы не вызывает сомнений, хотя удельный вес противопоставлений, в которые она вовлечена, остается незначительным.

2.1.2. Большая часть словоформ Д.я. имеет у д а р е н и е на последнем слоге (с перемещением его в эту позицию при словоизменении: *dābār* ‘слово’ — мн. ч. *dābārim*, *nāpāl* ‘он упал’ — мн. ч. *nāpālū*). В то же время, некоторые типы словоформ имеют устойчивое ударение на предпоследнем слоге (в настоящем описании такие примеры акцентуированы), вследствие чего возможны минимальные пары типа *bānu* ‘в нас’ vs. *bānu* ‘они построили’, *qāllā* ‘она была легкой’ vs. *qāllā* ‘легкая’, *qūmi* ‘встань (ж. р.)’ vs. *qūmi* ‘мое вставание’. Смещение ударения с последнего слога на предпоследний наблюдается в формах префиксального спряжения с *waw* consecutivum (см. 2.3.5.): *yelék* ‘пусть он идет’ — *wa-yūyélāk*, *yāqóm* ‘пусть он встанет’ — *wa-yūyāqóm* (в формах суффиксального спряжения с *waw* consecutivum наблюдается обратное явление: *nāpālī* ‘я упал’ — *wə-nāpālī* ‘я упаду’). Смещение ударения на предпоследний слог характерно для паузальных форм (см. 2.2.3.): *nāpālū* ‘они упали’, пауз. *nāpālu*.

2.1.3. Фонемы *b*, *g*, *d*, *k*, *p*, *t* имеют два варианта, смычный и спирантный. Смычный вариант обозначается на письме той же диакритической точкой внутри буквы, что и консонантное удвоение (традиционные обозначения: *dageš forte* для диакритики, обозначающей удвоение vs. *dageš lepe* для диакритики, обозначающей смычный вариант). Возможность использовать этот знак в двух разных функциях обусловлена дополнительным распределением: удвоение встречается только в поствокальной позиции, где смычное произношение *b*, *g*, *d*, *k*, *p*, *t* невозможно (см. ниже). С исторической точки зрения распределение между смычным и спирантным вариантами представляет собой позиционно обусловленную аллофонию: спирантный вариант встречается в поствокальной позиции, смычный вариант — в остальных случаях. Для огромного большинства примеров этот диахронический принцип сохраняет свою силу и на синхронном уровне, однако в некоторых грамматических формах консонантные кластеры образовались уже после того, как правило позиционного чередования перестало действовать. В результате возникли формы, в которых спирантный вариант *b*, *g*, *d*, *k*, *p*, *t* следует за согласным: **malake* ‘цари’ (st. constr.) > **malake* > *malke* (מַלְכֵי). Шва в таких формах традиционно определяют как «промежуточное» (*šəwā medium*): первый слог является закрытым, как при *šəwā quiescens*, однако последу-

ющий согласный *b, g, d, k, p, t* выступает в виде спiranта, как при šəwā mobile. Таким образом, с синхронной точки зрения распределение между смычным и спiranтным вариантами этих фонем не является полностью автоматическим, что позволяет многим современным исследователям (начиная с З. Харриса) трактовать *b, g, d, k, p* и *t* как самостоятельные фонемы, связанные с *b, g, d, k, p, t* отношениями исторического, а не синхронного чередования. В данном описании принята аллофоническая интерпретация данного противопоставления, в пользу которой говорит отсутствие убедительных минимальных пар: потенциально возможные примеры такого рода либо не засвидетельствованы (?*alpe* ‘тысячи’ (st. constr.) vs. *?*alpe* ‘две тысячи’ (st. constr.), **kirbi* ‘приблизься’ (ж. р.) vs. *kirbi* ‘мое нутро’, **ʕorpi* ‘сверни шею’ (ж. р.) vs. *ʕorpi* ‘моя шея’), либо не вполне убедительны (так, *birkāhā* ‘ее колени’ в Jdc 16.19 и *birkehām* ‘их колени’ в Jdc 7.6 с трудом могут интерпретироваться как противопоставление основ двойственного и множественного числа, поскольку последнее не применяется в Д.я. к обозначениям частей тела). Кроме того, в релевантных позициях нередко отмечается свободное варьирование между смычным и спiranтным произношением: *rišpe* (Cant 8.6)/*rišpe* (Ps 76.4) ‘всполохи’ (st. constr.), ?*ispi* (Jer 10.7)/?*ispu* (Ps 50.5) ‘собери(-те)’. В рамках принятой в настоящем описании транскрипции спiranтное произношение помечается только после šəwā medium.

2.1.4. В современной гебраистике характер вокалических противопоставлений Д.я. в масоретской передаче обычно описывается как качественный. В то же время, есть основания полагать, что долгота и краткость не были чужды древнееврейским гласным по крайней мере как фонетические признаки. Так, гласные, обычно не встречающиеся в закрытых безударных слогах (*ā, e, o*), с большой вероятностью следует интерпретировать как фонетически долгие. Тот факт, что гласные *u* и *i* в закрытых безударных слогах обычно пишутся дефективно (א ו, но не ו ו), позволяет предполагать, что в этой позиции данные фонемы произносились кратко (в то же время, регулярное употребление *matres lectionis* в других позициях может указывать на долгое произношение, но может интерпретироваться и как элемент исторической орфографии). Наконец, регулярная орфографическая оппозиция между формами типа *susēnu* שׁוּסְנֵנו ‘наша лошадь’ и שׁוּסְנֵינוּ *susēnu* ‘наши лошади’ позволяет предполагать для данной позиции смыслоразличительное противопоставление по долготе у гласного *e* (таким же образом противопоставлены — однако лишь в паузальной позиции — формы типа *susākā* שׁוּסְאָכָא ‘твоя лошадь’ и *susākā* שׁוּסְאָכָא ‘твои лошади’), однако нельзя исключать, что речь идет о чисто орфографическом феномене, не имеющем фонологического значения. См. также 2.2.1. о смыслоразличительной функции долготы как альтернативе фонологическому противопоставлению шва и нуля.

На определенном этапе истории Д.я. сложилась устойчивая корреляция между структурой слога и количеством гласного, близкая к слоговому равновесию: исторически краткие гласные сохранялись лишь в исторически закрытых слогах (на синхронном уровне, как правило, соответствующих закрытым безударным слогам), в открытых слогах они либо удлинялись, либо редуцировались до *a*. Эта корреляция не предполагает фонологического противопоставления гласных по долготе (долгие гласные всегда отличаются от кратких и по качеству), однако имеет большое значение для понимания истории древнееврейского вокализма и морфонологических чередований гласных. Наиболее значимые частные проявления данного феномена описываются следующим образом (в скобках приводится традиционный для гебраистики «долготный» вариант транскрипции).

— Удлинение древних кратких гласных в исторически открытых слогах (**da-ba-ru* ‘слово’ > *dābār* (*dābār*), **ʕi-na-bu* ‘виноград’ > *ʕenāb* (*ʕenāb*), **za-ki-nu* ‘старый’ > *zāken* (*zāken*) и др.).

— Изменения гласных перед согласными, не принимающими удвоения (компенсаторное удлинение): **birrika* ‘он благословил’ > *berek* (*bērēk*), ср. **bikkīša* ‘он искал’ > *bikkēš* (*bikkēš*); **ʕarrīšu* ‘жестокий’ > *ʕārīš* (*ʕārīš*), ср. **šaddīku* ‘праведный’ > *šaddik* (*šaddik*).

— Изменения гласных при переносе ударения (сокращение): *yād* (*yād*) ‘рука’ vs. *yad* (*yad*) *ha-mmäläk* ‘рука царя’, *ben* (*bēn*) ‘сын’ vs. *bän* (*ben*) *hā-ʔiššā* ‘сын женщины’.

— Изменения гласных в паузальных формах (удлинение под влиянием фразового ударения): *pākad* ‘он назначил’, пауз. *pākād* [*pākād*]; *nāhat* ‘покой’, пауз. *nāhat* [*nāhat*].

Консонантное удвоение встречается только в интервокальной позиции (на письме обозначается точкой внутри буквы, *dageš forte*). Фонологическое значение оппозиции простых и удвоенных согласных ограничено, степень ее релевантности зависит от оценки фонологического статуса оппозиции долгих и кратких гласных, с одной стороны, и шва vs. нуля, с другой (см. 2.1.1.). Не удваиваются гуттуральные согласные и *r*.

Скопления двух согласных в финали слога, как правило, не допускаются. Систематические исключения составляют формы 2-го лица единственного числа женского рода перфекта (*kāʔalt*) и формы юссива от корней с последним слабым при втором согласном из группы *b, g, d, k, p, t* или *k, t* (*ʔal tešt* ‘не пей’, *wayyašk* ‘он напоил’). Другие исключения связаны с отдельными лексемами: *ʔatt* (תט) ‘ты’ (ж. р., при возможной альтернативной интерпретации как *ʔat* с нерегулярным поствокальным смычным), *nerd* ‘нард (ароматическое растение)’, *košt* ‘справедливость’. Распространенное предположение, согласно которому шва на конце таких форм является произносимым (*ʔattā, nerdā*), предполагает нарушение другого правила слоговой структуры — запрет на появление *ə* в исходе слова. В начале слога также обычно встречается лишь один согласный (возможное исключение: *štayim* ‘два’ (ж. р.), подробнее см. 2.3.3.). Поскольку противопоставление *ə* и \emptyset в Д.Я. ослаблено (см. 2.1.1.), строго фонологическое описание правил слоговой структуры отличается от приведенного выше (так, начальные последовательности СэС фонологически эквивалентны двусогласным кластерам и т. п.).

2.2.0. Морфофонологические сведения.

2.2.1. Важнейшие структурные типы первичных именных основ описываются следующим образом.

I. Имена структуры C_1V . К этой группе относятся немногочисленные существительные с исходом на *-ā* или *-i*: *pā* ‘рог’ (st. constr. *pi*, мн. ч. *piyyot, peyot, pipiyyot*), *šā* ‘голова мелкого рогатого скота’ (st. constr. *še*), *ʔi* ‘остров’ (мн. ч. *ʔiyim*).

II. Имена структуры C_1VC_2 . Этот обширный класс распадается на несколько подтипов, принадлежность к которым устанавливается отчасти по синхронным, отчасти по диахронным критериям.

I. Имена с устойчивым вокализмом. К этой группе относятся основы с вокализмом *u* и *i* (*sur* ‘скала’, *gid* ‘жила’), а также часть основ с вокализмом *o* < **ā*, **aw*, **aʔ* (*šoḳ* ‘голень’, *šoḳ* ‘кнут’, *ʕon* ‘мелкий рогатый скот’). При словоизменении таких имен (и связанных с ними образований с показателями женского рода) в основе не наблюдается каких-либо консонантных или вокалических чередований (отдельные исключения см. в 2.3.3., 2.5.1.).

2. Имена с вокалической редукцией. К этой группе относится большинство имен с вокализмом *â* (*dâm* ‘кровь’, *yâd* ‘рука’) и некоторые имена с вокализмом *e* < **i* (*ʕeš* ‘дерево’, *šem* ‘имя’). При перемещении ударения гласный таких основ подвергается более или менее сильной редукции, конкретные проявления которой в значительной степени детерминированы лексически: ср. *dâm* ‘кровь’, *yâd* ‘рука’, st. constr. *dam*, *yad*, но формы с местоименными энклитиками *dimkâm* vs. *yâdkâm*; *šem* ‘имя’, *ʕeš* ‘дерево’, мн. ч. *šemot*, *ʕešim*, но формы с местоименными энклитиками *šemo* vs. *ʕešo*, *šimkâ* vs. *ʕešakâ*. Некоторые примеры имен этого класса с показателем женского рода: *šâp-â* ‘губа’ (st. constr. *šapat*, дв. ч. *šap-ât-âyim*, мн. ч. st. constr. *šip-t-ot* ‘губы’), *kâš-ât* ‘лук’ (с местоименными энклитиками *kašt-i*, *kašât-ot* ‘луки’, с местоименными энклитиками *kaššat-ot-âw*), *meʔ-â* ‘сто’ (st. constr. *məʔ-at*, дв. ч. *mâ-t-âyim*, мн. ч. *meʔ-ot*), *zeʔ-â* ‘пот’ (st. constr. *zeʔ-at*).

3. Имена с консонантным удвоением. К этой группе относятся имена с вокализмом *a* (*ʕam* ‘народ’, *ʕap* ‘нос’), а также многие имена с вокализмом *e* < **i* (*ʕez* ‘коза’, *šen* ‘зуб’) и *o* < **u* (*dob* ‘медведь’, *kol* ‘все’). Характерной чертой имен этой группы является появление консонантного удвоения у второго согласного при присоединении вокалических окончаний, у имен на *-e-* и *-o-* сопровождающееся переходом гласного основы в *i* и *u* соответственно: *ʕamm-im* ‘народы’, *šinn-âyim* ‘зубы’, *kull-o* ‘весь он’ (у имен на *-a-* нередко наблюдается переход этого гласного в *-i-*: *sap* ‘порог’ — мн. ч. *sipp-im*). Некоторые имена, синхронно и диахронно принадлежащие данному подклассу, в словарной форме имеют *â* вм. *a* (*yâm* ‘море’, но мн. ч. *yammim*). Некоторые примеры относящихся к этому классу имен с показателем женского рода: *kall-â* ‘невеста, невестка’, *ʔišš-â* ‘женщина’.

III. Имена структуры $C_1\acute{a}C_2\grave{a}C_3$, $C_1\acute{e}C_2\grave{a}C_3$, $C_1\acute{o}C_2\grave{a}C_3$ — многочисленные имена этого класса традиционно называют сеголатными (*nomina segolata*), по наличию гласного *ä* во втором слоге словарной формы. Помимо словарной, имена этой группы имеют три основные формы: (1) единственное число с местоименными энклитиками и двойственное число; (2) множественное число *status absolutus* и *status constructus* перед всеми энклитиками, кроме энклитик 2-го и 3-го лица множественного числа; (3) множественное число *status constructus* перед зависимым именем и энклитиками 2-го и 3-го лица множественного числа. В форме (1) основа принимает вид $C_1aC_2C_3$ -, $C_1iC_2C_3$ - и $C_1oC_2C_3$ - соответственно: *mäläk* ‘царь’ > *malk-*, *šebät* ‘палка’ > *šibt-*, *ʔózän* ‘ухо’ > *ʔozn-* (основное отклонение от этого распределения состоит в том, что многие имена структуры $C_1\acute{a}C_2\grave{a}C_3$ трансформируются в $C_1iC_2C_3$ - вм. ожидаемого $C_1aC_2C_3$ -: *bätän* ‘живот’ > *biṭn-*, *käräb* ‘середина’ > *kirb-*). В форме (2) первый гласный сеголатных имен редуцируется в *ə*, во втором слоге на месте *ä* появляется *-â-* (*mälâkim* ‘цари’, *šebâṭim* ‘палки’, *gärânot* ‘гумна’). Противопоставление трех сеголатных типов, таким образом, нейтрализуется, хотя некоторые имена структуры $C_1\acute{o}C_2\grave{a}C_3$ сохраняют лабиализованный гласный в первом слоге (*šoräš* ‘корень’ — мн. ч. *šorâšim*, *görän* ‘гумно’ — мн. ч. *görânot*, наряду с *gärânot*). В форме (3) в первом слоге, как правило, присутствует тот же гласный, что и в (1), после второго согласного — *ə* (*šəwâ medium*): *malke*, *šibte*, *gornot*. Как и в форме (1), первый слог имен структуры $C_1\acute{a}C_2\grave{a}C_3$ может приобретать *-i-* вм. этимологического *-a-* (*bäräk* ‘колено’, *birkehäm* ‘их колени’); *šəwâ medium* в отдельных случаях переходит в *šəwâ quiescens* (*kaspehäm* ‘их серебро’ (мн. ч.), *šimde* ‘упряжки’). Все типы сеголатных имен с сильным корнем в единственном числе сохраняют словарную форму в сопряженном состоянии, лишь изредка в этой позиции отмечается форма $C_1əC_2aC_3$: *ḥädär* ‘комната’ > *ḥädar*, *zäräʔ*

‘семья’ > *zəraʕ* (наряду с *ḥāddār*, *zāraʕ*). В этой связи примечательны числительные *šābaʕ* ‘семь’ и *téšaʕ* ‘девять’, регулярно образующие формы st. constr. *šəbaʕ* и *təšaʕ*.

При наличии в составе корня гуттуральных или полугласных имена, восходящие к прототипам $C_1VC_2C_3$ -, могут существенно отличаться по форме от сеголатных имен с сильным корнем. В соответствии с традицией, такие образования описываются ниже как алломорфы сеголатных структур, хотя такой подход не является бесспорным с точки зрения синхронного описания.

1. Имена с гуттуральными φ , h , h в качестве второго согласного имеют структуру $C_1áC_2aC_3$, $C_1óC_2aC_3$ (тип $C_1éC_2aC_3$ для таких корней не засвидетельствован): *náʕar* ‘юноша’, *šóhar* ‘крыша’ (исключения с *ä* во втором слоге: *láḥäm* ‘хлеб’, *rāḥäm* ‘матка’, *ʔóhāl* ‘шатер’, *bóhän* ‘большой палец’). Имена с гуттуральными φ , h , h в качестве третьего согласного имеют структуру $C_1áC_2aC_3$, $C_1éC_2aC_3$, $C_1óC_2aC_3$: *zāraʕ* ‘семья’, *téšaʕ* ‘девять’, *rómaḥ* ‘копье’. Имена типа $C_1éC_2äC_3$ с φ или h в качестве первого согласного приобретают *ä* вм. *i* в закрытом слоге: *ʔéḡäl* ‘теленек’, с местоименными энклитиками *ʔäḡl-əká*, мн. ч. st. constr. *ʔäḡl-e* ‘телята’.

2. Имена с φ в качестве второго согласного сохраняют его, главным образом, при структуре $*C_1iʔC_3$ -, которая регулярно трансформируется в $C_1əʔeC_3$: *zəʔeb* ‘волк’, *bəʔer* ‘колодец’. Имена структуры $*C_1aʔC_3$ - становятся моносиллабическими.

3. Имена с φ в качестве третьего согласного оканчиваются на *ä* в словарной форме, но восстанавливают φ в других формах парадигмы: *pārä* ‘дикий осел’, мн. ч. *pəräʔ-im*.

4. Имена с w в качестве второго согласного имеют форму $C_1áwC_3$: *táwäk* ‘середина’ (st. constr. *tok*). Такие лексемы немногочисленны, так как большая часть прасемитских основ структуры $*C_1awC_3$ - приобрела в Д.я. форму C_1oC_3 (см. примеры типа *šoʕ* < **šawʕ-* ‘кнут’ в разделе II).

5. Имена с y в качестве второго согласного имеют форму $C_1áyiC_3$: *zayit* ‘олива’ (мн. ч. *zetim*; известен также более редкий способ образования множественного числа с сохранением y : *tayiš* ‘козел’ — мн. ч. *təyāšim*).

6. Имена с y в качестве третьего согласного, как правило, имеют структуру $C_1əC_2i$: *ḡədi* ‘козленок’, *pəri* ‘плод’.

С исторической и, отчасти, синхронной точки зрения к сеголатным именам примыкает небольшая группа имен со структурой $C_1əC_2aC_3$, $C_1əC_2äC_3$, $C_1əC_2oC_3$: *dabaš* ‘мед’ (с мест. энкл. *dibš-i*), *šəkām* ‘плечо’ (с мест. энкл. *šikm-o*), *bəkor* ‘первенец’ (с мест. энкл. *bəkor-o*). Диахроническая природа таких имен не всегда ясна, однако, по крайней мере, некоторые из них несомненно восходят к тем же структурным прототипам, что и регулярные сеголатные образования.

IV. Имена структуры $C_1VC_2VC_3$.

1. Имена с устойчивым гласным в первом слоге и неустойчивым гласным во втором слоге малочисленны, характер изменения гласного обусловлен его качеством: *ā* обычно редуцируется во втором от ударения слоге (*ʔolām* ‘мир’ — мн. ч. *ʔolām-im* — мн. ч. st. constr. *ʔolām-e*), в то время как *e* — в предударном (*ʔoreb* ‘ворон’ — мн. ч. *ʔorəbim*).

2. Имена с устойчивым гласным во втором слоге и неустойчивым гласным в первом слоге также немногочисленны, так как структуры $*C_1VC_2äC_3$ -, $*C_1VC_2iC_3$ - и $*C_1VC_2uC_3$ -, к которым они восходят, для прасемитских первичных имен не характерны: *lašon* ‘язык’ (мн. ч. *lašonot*, с мест. энкл. *lašonot-ām*), *yāmin* ‘правая рука’ (с мест. энкл. *yāmin-əkā*). К этому типу примыкают имена, в которых исторический гласный первого слога перешел в *ə* (*ā*, *ä* при гуттуральных) уже в прадревнееврей-

ском: *zəróaʕ* 'локоть', *bəroš* 'кипарис', *ḥāmor* 'осел', *ʔā́lōah* 'бог', *zəbub* 'муха', *ḥāzir* 'свинья'.

3. Имена с неустойчивым гласным в обоих слогах. Важнейшие типы, относящиеся к этой группе — $C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$ и $C_1\acute{a}C_2eC_3$, восходящие, соответственно, к $*C_1aC_2aC_3$ - и $*C_1aC_2iC_3$:- *ʕānān* 'облако', *bārāđ* 'град', *māṭār* 'дождь', *zānāb* 'хвост'; *kātep* 'плечо', *rāḥel* 'овца', *yāted* 'колышек для шатра', *ḥāšer* 'двор'. Для имен структуры $C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$ характерна редукция $\acute{a} > \text{ə}$ в первом слоге во множественном и двойственном числе (*kānāp* 'крыло' — дв. ч. *kənāpāyim*) и единственном числе status constructus, где \acute{a} во втором слоге редуцируется до *a* (*kānāp* — st. constr. *kənap*). Во множественном числе status constructus редукция $\acute{a} > \text{ə}$ (*šəwā medium*) характерна для второго слога, при этом в первом слоге присутствует *a* или *i* (распределение не установлено): *kanpe* 'крылья', *zanbot* 'хвосты', но *mitre* 'дожди'. Во множественном числе некоторых имен структуры $C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$ наблюдается неэтимологическое удвоение третьего корневого согласного: *gāmāl* 'верблюды' > *gəmall-im*, *šāpān* 'даман' > *šəpann-im*. Склонение имен структуры $C_1\acute{a}C_2eC_3$ в основном следует тем же тенденциям (*kātep* 'плечо', мн. ч. *kətepot*, st. constr. *kitpot*). В единственном числе status constructus ожидаемая форма $C_1\text{ə}C_2aC_3$ (*ḥāšer* 'двор' > *ḥāšar*) встречается наряду с $C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$ (*gāder* 'забор' > *gādār*, *kātep* 'плечо' > *kātāp*, так называемая сеголатизация) и $C_1\text{ə}C_2eC_3$ (*ʕākeb* 'пятка' > *ʕākeb*). У основ с последним слабым противопоставление основ $C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$ и $C_1\acute{a}C_2eC_3$ нейтрализуется в виде $C_1\acute{a}C_2\acute{a}$: *šādā* 'поле', *ḥāzā* 'грудь'. Имена структуры $C_1eC_2\acute{a}C_3 < *C_1iC_2aC_3$ - немногочисленны (*šēlāʕ* 'ребро', *šekār* 'алкогольный напиток', *ʕenāb* 'виноград'), словоизменительный тип в значительной степени детерминирован лексически: *lebāb* 'сердце', st. constr. *ləbab*, с мест. энкл. *ləbāb-o*, мн. ч. *ləbāb-ot*; *šēʕār* 'волосы', st. constr. *šəʕar/šāʕar*, с мест. энкл. *šəʕr-ek*; *šēlāʕ* 'ребро', st. constr. *šēlāʕ/šāʕāʕ*, с мест. энкл. *šāʕ-o*, мн. ч. *šəlāʕ-ot*, st. constr. *šāʕ-ot*.

Засвидетельствованы отдельные примеры первичных имен с удвоенным вторым корневым согласным: *ʔayyāl* 'олень', *kussāmāt* 'вид злака', *ʕattud* 'козел', *šippor* 'птица'.

В Д.я. отмечается определенное количество первичных имен с четырехсогласной структурой, как с четырьмя разными согласными, так и с редупликацией двусогласного элемента: *ʕakrāb* 'скорпион', *ḥargol* 'саранча', *ḳardom* 'топор', *ḥārmeš* 'серп'; *ḳodḳod* 'черепа', *galgal* 'колесо', *barbur* 'вид домашней птицы'. Редким примером пятисогласного первичного имени является слово *šəpardéaʕ* 'лягушка'.

2.2.2. Сочетаемость корневых согласных в Д.я. была исследована в специальной работе К. Коскинена. Наряду с общесемитским феноменом несочетаемости близких по месту артикуляции согласных, Коскинен констатировал тенденцию к гармонической структуре корня в отношении звонкости и эмфазы (так, звонкий смычный *g* сочетается с *d*, но не с *t* и *t̥*, эмфатический *š* сочетается с *ḳ* заметно чаще, чем с *k* и *g*, и т. п.). В своей работе Коскинен не сопоставляет собранные им данные по реально засвидетельствованным древнееврейским корням со значениями, ожидаемыми исходя из абсолютной частотности консонантных фонем Д.я., вследствие чего корректность многих из сделанных им выводов трудно оценить.

В составе аффиксальных морфем Д.я. встречается ограниченное количество консонантных фонем: *ʔ*, *h*, *y*, *m*, *n*, *t* (с учетом местоименных энклитик также *k*).

Для Д.я. характерно особое поведение гуттуральных (*ʔ*, *h*, *ʕ*, *ḥ*) и *r*.

Гуттуральные и *r* не принимают консонантного удвоения (см. 2.1.4.), при этом предшествующий гласный либо сохраняется (чаще всего перед *ḥ*, *h* и *ʕ*, которые тра-

диционно квалифицируются как «виртуально удвоенные»), либо изменяется ($a > \dot{a}$, $i > e$, $u > o$ — «компенсаторное удлинение»; обычно перед r и $?$). Оба явления могут быть проиллюстрированы правилами присоединения артикля (см. 2.3.6.).

Гласные \dot{a} , e , i , o и u в исторически закрытом (в синхронном плане — иногда открытом) слоге перед h , \dot{r} и \dot{h} переходят в a : $\dot{z}\dot{a}b\dot{a}h$ ‘жертва’ (ср. $\dot{z}\dot{a}p\dot{a}t$ ‘смола’), $y\dot{i}p\dot{t}a\dot{h}$ ‘он откроет’, $y\dot{a}h\dot{m}od$ ‘он пожелает’ (ср. $y\dot{i}š\dot{m}or$ ‘он будет сторожить’), $wa-y\dot{u}\dot{a}n\dot{a}h$ ‘он отдохнул’ (ср. $wa-y\dot{u}\dot{a}k\dot{o}m$ ‘он встал’). С меньшей степенью регулярности этот переход наблюдается перед r : $wa-y\dot{u}\dot{a}š\dot{a}r$ ‘он свернул/он заставил свернуть’ (ср. $wa-y\dot{u}\dot{a}k\dot{o}m$ ‘он встал’, $wa-y\dot{u}\dot{a}k\dot{a}m$ ‘он поставил’). В последнем ударном слоге e , i , o и u могут сохраняться, однако их сочетание с h , \dot{r} и \dot{h} разбивается не принимающим ударения пазвуком a (традиционное обозначение — $pata\dot{h}$ *furtivum*): $\dot{s}\dot{a}b\dot{e}a\dot{f}$ ‘сытый’, $\dot{g}\dot{a}b\dot{o}a\dot{h}$ ‘высокий’, $\dot{p}\dot{a}t\dot{u}a\dot{h}$ ‘открытый’, $\dot{m}\dot{a}š\dot{a}h$ ‘помазанник’. В сеголатных именах (см. 2.2.1.) отмечается переход \dot{a} в a не только перед h , \dot{r} и \dot{h} , но и после них: $\dot{p}\dot{o}t\dot{a}l$ ‘дело’ (ср. $\dot{r}\dot{o}g\dot{a}z$ ‘тревога’).

В закрытых безударных слогах, содержащих гуттуральный, отмечается тенденция к переходу i в \dot{a} : $\dot{y}\dot{a}g\dot{l}i$ ‘мой теленок’ (ср. $\dot{s}ipri$ ‘моя книга’), $y\dot{a}h\dot{b}aš$ ‘он перевяжет’ (ср. $yilmad$ ‘он узнает’).

После гуттуральных не встречается \dot{e} ($\dot{s}\dot{e}w\dot{a}$ *mobile*), вместо него появляются \dot{a} , $\dot{ä}$ или \dot{o} . В начале слова выбор ультракраткого гласного непредсказуем (чаще всего встречается \dot{a} , реже всего — $\dot{ä}$, в основном при $?$: $\dot{?}\dot{ä}kol$ ‘ешь’, $\dot{?}\dot{ä}goz$ ‘орех’), в середине слова, как правило, представлен \dot{a} . Ноль ($\dot{s}\dot{e}w\dot{a}$ *quiescens*) регулярно следует за гуттуральными лишь в тех случаях, когда они закрывают ударный слог: $\dot{s}\dot{a}l\dot{a}h\dot{t}i$ ‘я послал’, $y\dot{a}d\dot{d}\dot{a}t\dot{i}$ ‘я знал’. После гуттуральных, закрывающих безударный слог, \emptyset может переходить в \dot{a} , $\dot{ä}$ или \dot{o} в зависимости от характера предшествующего гласного: $y\dot{a}hšob/y\dot{a}hšob$ ‘он будет думать’, $y\dot{a}hšak/y\dot{a}hšak$ ‘он будет силен’, $\dot{p}oš\dot{o}lo$ ‘его дело’.

Гортанный взрыв в Д.я. встречается только в начале слога (редкие примеры конечнослового $?$ встречаются в спряжении глаголов I $?$: $\dot{n}\dot{a}?\dot{d}\dot{a}r$ ‘великолепный’, $y\dot{a}?\dot{d}im\dot{u}$ ‘они покраснеют’). При падении конечнослового $*?$ (обычно сохраняющегося в орфографии, традиционное обозначение — *aleph quiescens*) предшествующий ему гласный $*a$ переходит в \dot{a} : $\dot{m}\dot{a}š\dot{a}$ (מָשָׂא) ‘он нашел’ (ср. $\dot{s}\dot{a}mar$ ‘он хранил’), $yikr\dot{a}$ (יִקְרֵא) ‘он провозгласит’ (ср. $yilbaš$ ‘он оденется’). Наблюдаются чередования $?$ ~ \emptyset : $\dot{p}\dot{a}r\dot{a}$ ‘дикий осел’ — $\dot{p}\dot{e}r\dot{a}im$ ‘дикие ослы’, $\dot{m}\dot{a}š\dot{a}$ ‘он нашел’, $\dot{m}\dot{a}š\dot{a}ti$ ‘я нашел’ — $\dot{m}\dot{a}š\dot{e}u$ ‘они нашли’.

Утрата начальнoслового $*?$ встречается редко, заслуживают упоминания частотные словоформы $\dot{r}\dot{a}šim$ ‘головы’, $\dot{m}\dot{a}t\dot{a}yim$ ‘двести’, $\dot{m}\dot{a}l\dot{a}k\dot{a}$ ‘работа’, $\dot{s}\dot{e}mol$ ‘левая сторона’ (вм. ожидаемых $*r\dot{e}?\dot{a}šim$, $*m\dot{e}?\dot{a}t\dot{a}yim$, $*mal?\dot{a}k\dot{a}$, $*šim?ol$).

Некоторые формы Д.я. принято объяснять несочетаемостью огубленных гласных в основе (вокалическая диссимилиация): $\dot{t}ikon$ ‘средний’ (< $\dot{t}ok$ ‘середина’), $\dot{rišon}$ ‘первый’ (< $\dot{ro}š$ ‘голова’), $\dot{h}išon$ ‘внешний’ (< $\dot{h}uš$ ‘внешняя сторона’) вм. $*tokon$, $*rošon$, $*hušon$. Сходным образом объясняют необычное отражение прасемитского $*u$ в виде i в таких словах, как $\dot{s}ibb\dot{o}l\dot{a}t$ ‘колос’ и $\dot{k}ippod$ ‘еж’ (ср. араб. *sunbulat-*, *kuṣfuḍ-*).

2.2.3. Отличительной чертой Д.я. является исключительное богатство чередований в области вокализма. С точки зрения диахронии эти чередования, как правило, обусловлены позиционно, т. е. на определенном этапе истории Д.я. они имели фонетическую, а не морфологическую природу. На синхронном уровне строгая обусловленность вокалических изменений правилами ударения и слоговой структуры оказывается несколько размытой, что заставляет трактовать соответствующие чередования

как исторические (морфонологические). Следует учитывать, однако, что во многих случаях позиционные факторы продолжают действовать и в синхронии, вследствие чего полное их исключение из описания оказывается нерациональным.

С точки зрения участия в вокалических чередованиях гласные фонемы Д.я. могут быть попарно расщеплены на морфемы: V_1 (стабильна, не участвует в чередованиях) и V_2 (изменчива, чередуется с другими гласными). Ниже следует описание этой системы в наиболее общем виде (так, например, не рассматриваются подробно многочисленные подтипы морфем V_2 и факторы, обусловившие их возникновение).

Фонема /â/:

— морфонема \hat{a}_1 — *kām* ‘стоящий’, st. constr. *kām*, мн. ч. st. constr. *kāme*; *pārāš* ‘всадник’, мн. ч. *pārāsim*; *māgen* ‘шит’, мн. ч. st. constr. *māginne*; *šābūaš* ‘неделя’, мн. ч. *šābūot*, с мест. энкл. *šābūotekām*. Основными диахроническими источниками морфемы \hat{a}_1 являются стяжения полугласных (*kām* < **kawamu*) и компенсаторное удлинение **a* (*pārāš* < **parrāšu*). В некоторых случаях (например, *māgen* < **maginnu*) ее природа остается неясной;

— морфонема \hat{a}_2 — основным типом чередования является редукция (> *a*, \emptyset , *i*), обусловленная более или менее существенным сдвигом ударения: *dābār* ‘слово’, st. constr. *dābar*, мн. ч. st. constr. *dibre*. Конкретные проявления этого процесса демонстрируют большое разнообразие: *dābār* ‘слово’ — *dābārim* ‘слова’, но *kātab* ‘он написал’ — *kātābu* ‘они написали’.

Фонема /a/:

— морфонема a_1 — устойчивый *a* наблюдается сравнительно редко (*gannāb* ‘вор’, мн. ч. *gannābim*; *malbuš* ‘одежда’, мн. ч. с мест. энкл. *malbušehām*);

— морфонема a_2 — участвует в большом количестве разнообразных чередований: $a \sim \emptyset$ (*malkā* ‘царица’, мн. ч. *mālākot*), $a \sim i$ (типично для имен с одинаковыми вторым и третьим корневыми согласными: *sap* ‘порог’, мн. ч. *sippim*), $\hat{a} \sim a$, $\hat{a} \sim a$, $e \sim a$ (см. при \hat{a} , \hat{a} и *e* соответственно).

Фонема /e/:

— морфонема e_1 — *met* ‘мертвый’, мн. ч. st. constr. *mete*; *hekāl* ‘дворец’, st. constr. *hekal*, мн. ч. с мест. энкл. *hekālekām*; *berak* ‘он благословил’, с мест. энкл. *berākāni*. Основными источниками морфемы e_1 являются **ay* (*met* < **maytu*, *hekāl* < **haykalu*) и компенсаторное удлинение **i* (*berak* < **birrika*). Подтипом e_1 можно считать *e*, чередующееся с сочетанием *ayi*, но остающееся стабильным при сдвиге ударения: *zayit* ‘олива’, st. constr. *zet*, мн. ч. *zetim*, мн. ч. с мест. энкл. *zetekām*;

— морфонема e_2 — основным типом чередования является редукция (> \hat{a} , *i*, \emptyset), обусловленная сдвигом ударения: *sépār* ‘документ’, с мест. энкл. *sipri*, мн. ч. *səpārim*; *hélāk* ‘доля’, с мест. энкл. *hālki*; *leb* ‘сердце’, st. constr. *lāb*, с мест. энкл. *libbi*, *yelek* ‘он пойдет’, *wayūélāk* ‘он пошел’; *šēfār* ‘волосы’, с мест. энкл. *šāfāro*. Наличие или отсутствие редукции в конкретных формах не всегда предсказуемо (ср. *šemat* ‘имена’, но *šəmi* ‘мое имя’ с разными гласными в основе при одинаковой позиции ударения). Распространен переход $e > a$ в исторически закрытых слогах некоторых именных и глагольных форм («Закон Филиппи»): *zāken* ‘он был старым’ (< **zakina*) vs. *zākānti* ‘я был старым’, *zāken* ‘старый’ (< **zakinu*), st. constr. *zākan* (< **zakin*, с падением падежной флексии в st. constr.). Следует подчеркнуть, что действие этого закона не является автоматическим, ср. структурно близкие формы пород *riʿel* и *nirʿal* (*təqāttel*, *tiqqāttel*) с различным поведением *e* в исторически закрытом слоге (*təqāttelnā* vs. *tiqqāttalnā*).

Фонема /ä/: устойчивый ä практически не встречается. Наиболее типичные чередования: ä ~ a (*mäläk* 'царь', с мест. энкл. *malki*); ä ~ å (*gaḥälät* 'уголь', мн. ч. *gäḥälīm*); ä ~ ə/∅ (*käläb* 'собака', мн. ч. *kälābīm*); e ~ ä (см. при e).

Фонема /i/:

— морфонема *i*₁ — *kašir* 'урожай', с мест. энкл. *kaširəkā*; *tiros* 'вино', с мест. энкл. *tirosəkā*; *kinnor* 'лира', мн. ч. с мест. энкл. *kinnorotenu*; морфонема *i*₁ может восходить как к долготу, так и краткому **i*;

— морфонема *i*₂ — примеры на основные типы чередования (*i* ~ e, ä, ə/∅) см. при e; морфонема *i*₂ обычно отражает прасемитский краткий **i*; прасемитский долгий **i* чередуется с другими гласными (e, ä) лишь изредка: *yāgil* 'он радуется' — *yāgel* 'пусть он радуется' — *wa-yuāgāl* 'он возрадовался'.

Фонема /o/:

— морфонема *o*₁ — *kotēb* 'пишущий', мн. ч. *kotēbīm*; *šolām* 'мир', мн. ч. *šolāmīm*, мн. ч. st. constr. *šolāme*; *šor* 'бык', с мест. энкл. *šorəkā*; *šon* 'мелкий рогатый скот', с мест. энкл. *šonəkā*; *ḥorim* 'свободные люди', st. constr. *ḥore*. Диахронические источники морфемы *o*₁ — «ханаанейский переход» (**ā* > o: *kotēb* < **kātibu*), стяжение **aw* (*šor* < **šawru*), компенсаторное удлинение **u* (*ḥorim* < **ḥurrīma*);

— морфонема *o*₂ — основные типы чередования: *o* ~ ə/∅, *ō* (*yiktōb* 'он напишет', *yiktōbu* 'они напишут'; *gōrān* 'гумно', мн. ч. *gōrānot*); *o* ~ u (*ḥoq* 'закон', мн. ч. *ḥuqqim*). Как правило, в чередованиях участвует *o*, восходящее к прасемитскому краткому **u* (среди редких исключений см., например, формы перфекта породы *pirʔal* от корней с серединным слабым согласным типа *nāqom* — *nāqumōti*).

Фонема /u/:

— морфонема *u*₁ — *gəbul* 'граница', мн. ч. с мест. энкл. *gəbuləkām*; *šūʔāl* 'лисица', мн. ч. *šūʔālīm*; *kussāmāt* 'вид злака', мн. ч. *kussāmīm*. Источником морфемы *u*₁ может быть как долгий **ū*, так и краткий **u*;

— морфонема *u*₂ чередуется, главным образом, с *o* (см. выше); морфонема *u*₂ обычно отражает прасемитский краткий **u*; прасемитский долгий **ū* чередуется с другими гласными (как правило, *o*) лишь в некоторых случаях: *yāqum* 'он встанет' ~ *yāqom* 'пусть он встанет'.

Вокалические чередования, участвующие в обозначении морфологических категорий вне связи с позиционными факторами (апофония), встречаются редко (*ben* 'сын' — мн. ч. *bān-im*, *šir* 'город' — мн. ч. *šār-im*, *mäläk* 'царь' — мн. ч. *mälāk-im*).

Особый тип изменения гласных характерен для паузальных форм, встречающихся в конце более или менее продолжительных интонационных групп (например, в конце стиха или полустихия). Этот феномен может быть проиллюстрирован следующими типичными примерами: *hālaku* 'они пошли' — пауз. *hālāku*, *mālēʔā* 'она наполнилась' — пауз. *mālēʔā*, *yiktōbu* 'они напишут' — пауз. *yiktōbu*, *šimʕu* 'слушайте' — пауз. *šəməʕu*, *ʔārāš* 'земля' — пауз. *ʔārāš*, *ʔāni* 'я' — пауз. *ʔāni*, *pəri* 'плод' — пауз. *pāri*, *dəbārəkā* 'твое слово' — пауз. *dəbārūkā*, *bəkā* 'в тебе' — пауз. *bāk*.

Важнейшие морфонологические чередования в области консонантизма следующие.

Ассимиляция *n* следующему за ним согласному: *yiggaš* 'он подойдет' < **yingaš* (*nāgaš* 'он подошел'), *hippil* 'он заставил упасть' < **hinpil* (*nāpal* 'он упал'), *ʔap* 'нос' < **ʔanp*- (ср. *ʔanf*- в арабском). Ассимиляция не происходит перед гуттуральными (*vinḥal* 'он получит в наследство'), перед показателями суффиксального спряжения (*šākānti* 'я обитал'; исключение: *nātātti* 'я дал' и другие формы этого глагола),

при присоединении предлогов к формам инфинитива глаголов *In* (*li-npol* 'падать'). Кроме того, ассимиляция не происходит перед *šəwā medium* (*?anše* 'люди' (st. constr.), *kanpē* 'крылья' (st. constr.)), что указывает на особый морфонологический статус $\emptyset < \check{V}$ по сравнению с $\emptyset < \emptyset$. Падение *n* отмечается в формах императива и инфинитива некоторых глаголов с корнем *In*: *ten* 'дай', *tet* (с мест. энкл. *titti*) 'давать' (корень *ntn*). Оба процесса затрагивают *l* в глаголе *lkh* 'брать': *yikḳah* 'он возьмет', *ḳah* 'возьми', *ḳāhat* 'брать'.

При образовании форм породы *hitraʿel* от корней с первым сибилантом наблюдается метатеза: *hištammer* 'следить за собой' (ср. *hitḳaddeš* 'освятить себя'). Кроме того, *t* переходит в *ʃ* при первом корневом *š* (*hištaddek* 'оправдаться') и полностью ассимилируется первому корневному дентальному (*hiṭṭaḥer* 'очиститься').

Примеры чередования полугласных *w* и *y* с гласными см. 2.3.5. в связи с морфологией слабых глагольных классов.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Д.я. в основном синтетический, хотя значение аналитических конструкций несколько выше, чем в других древних семитских языках (так, например, утрата падежных противопоставлений стимулировала расширение сферы употребления частицы *?et*, маркирующей прямое дополнение).

2.3.1. В Д.я. принято выделять следующие части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное, местоимение, предлог, союз, частица, междометие.

2.3.2. Именным лексемам Д.я. присуща категория р о д а. В единственном числе лексемы мужского рода не маркированы, лексемы женского рода обычно оформляются родовым показателем, имеющим два основных алломорфа: *-ā* и *-(V)t*. Алломорф *-ā* характерен для большей части имен женского рода в абсолютном состоянии: *sus* 'конь' — *sus-ā* 'кобыла', *ʃob* 'хороший' — *ʃob-ā* 'хорошая'. Алломорф *-(V)t* выступает в нескольких вариантах, распределенных следующим образом:

-at(-) — в сопряженном состоянии (перед другим именем и перед «тяжелыми» местоименными энклитиками — см. 2.4.0.) у имен с показателем *-ā* в абсолютном состоянии (*sus-at ha-mmālāk* 'кобыла царя', *sus-at-ḳām* 'ваша кобыла');

-āt- — в сопряженном состоянии перед «легкими» местоименными энклитиками (см. 2.4.0.) у имен с показателем *-ā* в абсолютном состоянии (*sus-āt-o* 'его кобыла');

-ät — в абсолютном состоянии и в сопряженном состоянии перед другим именем у имен некоторых морфологических типов (*yošeb* 'сидящий' — *yošāb-ät* 'сидящая', *lād-ät* 'рождаться' (инфинитив), *dallāḳ-ät* 'воспаление'), редко — в сопряженном состоянии перед другим именем у имен с показателем *-ā* в абсолютном состоянии (*mārkābā* 'колесница', st. constr. *mirkāb-ät*, *mamlākā* 'царство', st. constr. *mamlāk-ät*);

-ot — в абсолютном и сопряженном состоянии слов *?āḥ-ot* 'сестра' и *ḥām-ot* 'свекровь' (ср. *?āḥ* 'брат', *ḥām* 'свекор');

-t — в абсолютном и сопряженном состоянии у некоторых имен с вокалическим исходом (главным образом, у относительных прилагательных на *-i*: *yəhudi* 'иудейский' — *yəhudi-t* 'иудейская'; см. также *bəki-t* 'плач', *ḳəsu-t* 'одежда').

Присоединение показателей женского рода часто сопровождается вокалическими чередованиями в основе (*mālāk* 'царь' — *malk-ā* 'царица', *ʔégāl* 'теленочек' — *ʔāgl-ā* 'телка', *mātoḳ* 'сладкий' — *mətuḳ-ā* 'сладкая', *holek* 'идуший' — *holāk-ät* 'идущая'; см. подробнее 2.2.1., 2.2.3.).

Между алломорфами $-ā$ и $-(V)t$ нередко отмечается свободное варьирование: *nəḥuš-ā/nəḥōš-āt* 'медь, бронза', *tipʔārā/tipʔārāt* 'слава', *buš-ā/bōš-āt* 'стыд', *yabbāš-ā/yabbāš-āt* 'суша', *taḥtiyy-ā/taḥti-t* 'нижняя'.

Существительные женского рода могут не иметь специального оформления: *ʔem* 'мать', *ʔez* 'коза', *ʔir* 'город', *ʔābān* 'камень', *bəʔer* 'колодец', *hārāb* 'меч', *yād* 'рука', *rāgāl* 'нога', *ʔāšbaʔ* 'палец'. Для многих существительных, не имеющих маркера женского рода, отмечается согласование по обоим родам: *dārāk* 'дорога', *lāšon* 'язык', *šātmāš* 'солнце', *ʔóraḥ* 'дорога', *kārām* 'виноградник'.

О выражении родового противопоставления у имен во множественном числе и у числительных см. 2.3.3., о показателях рода у глагольных и местоименных лексем см. 2.4.0.

2.3.3. У существительных в Д.я. различаются три ч и с л а — единственное (не маркируется), множественное и двойственное.

Существительные мужского рода во множественном числе обычно принимают показатель $-im$, существительные женского рода — показатель $-ot$ (*sus-im* 'кони', *sus-ot* 'кобылы'). Показатель $-im$ обычно присоединяется непосредственно к основе (основное исключение — имена на $-ā$, где это окончание вытесняется: *yāpā* 'красивый' — мн. ч. *yāp-im*). При присоединении $-ot$ к именам с показателем женского рода $-ā/(V)t$ в единственном числе этот показатель обычно вытесняется (*sus-ā* 'кобыла' — мн. ч. *sus-ot*; ср. также формы множественного числа имен на $-it$ и $-ut$: *mišri-t* 'египтянка' — мн. ч. *mišriyy-ot*, *malku-t* 'царство' — мн. ч. *malkuyy-ot*). Лишь у некоторых первичных имен с двусогласным корнем $-t$ во множественном числе сохраняется (*dāl-āt* 'дверь' — мн. ч. *dālātot*, *kāš-āt* 'лук' — мн. ч. *kāšāt-ot*), при этом нельзя исключать, что $-t$ в таких словах могло восприниматься как часть корня (против этого предположения свидетельствуют сходные образования от двусогласных имен женского рода с показателем $-ā$: *šāp-ā* 'губа' — мн. ч. st. constr. *šip-t-ot* 'губы').

При присоединении показателей множественного числа вокализм именных основ может претерпевать фонетические изменения, большая часть которых имеет автоматический или полуавтоматический характер (подробно см. 2.2.1., 2.2.3.): *dābār* 'слово' — мн. ч. *dəbār-im*, *ḥoq* 'закон' — мн. ч. *ḥuqq-im*, *šel* 'тень' — мн. ч. *šill-im*, *ʔáyil* 'баран' — мн. ч. *ʔel-im*, *ʔoyeb* 'враг' — мн. ч. *ʔoyəb-im* и др. Морфологически значимое вокалическое чередование (апофония) ед. ч. $ā$: мн. ч. $ā$ во втором слоге (исторически $*0$: $*a$, т. е. вставка $*a$) наблюдается у имен со структурой $C_1āC_2āC_3$, $C_1ēC_2āC_3$, $C_1óC_2āC_3$: *mālāk* 'царь' — мн. ч. *məlāk-im*, *səpār* 'книга' — мн. ч. *səpār-im*, *póʔal* 'дело' — мн. ч. *pəʔāl-im*. Сходным образом образуют множественное число корреляты этих имен с показателем женского рода (*malkā* 'царица' — мн. ч. *məlāk-ot*, *šiphā* 'служанка' — мн. ч. *šəpāḥ-ot*, *ʔorl-ā* 'крайняя плоть' — мн. ч. *ʔārāl-ot*). К формам с a -вставкой можно, по-видимому, отнести следующие нерегулярные образования: *ʔir* 'город' — мн. ч. *ʔār-im*, *yom* 'день' — мн. ч. *yām-im*, *báyit* 'дом' — мн. ч. *bāt-im* (בַּיִת, со смычным t вм. ожидаемого \dot{t} в поствокальной позиции), *ʔiš* 'человек' — мн. ч. *ʔānāš-im*. По неясной причине вставка $*-a$ не наблюдается в формах множественного числа некоторых ботанических терминов (*boṭn-im* 'фисташки', *pišt-im* 'лён', *šikm-im* 'сикоморы'), а также в форме *rahāmim* 'жалость, милосердие' (по-видимому, множественное число от *rāhām*, *rāham* 'утроба, матка'). Кроме того, a -вставка обычно не наблюдается у существительных, образованных от корней с средним слабым и с удвоенным вторым корневым (*záyit* 'олива' — мн. ч. *zet-im*, *šoʔ* 'кнут' — мн. ч. *šoʔ-im*, *ʔam* 'народ' — мн. ч. *ʔamm-im*, *ḥeš* 'стрела' — мн. ч. *ḥišš-im*

и др.). Отклонения от этого правила, характерные, в основном, для поздних текстов, обычно трактуются как арамеизмы (см. 1.6.0.), однако для некоторых хорошо засвидетельствованных случаев (например, *táviš* ‘козел’ — мн. ч. *táviš-im*) это объяснение едва ли возможно. При образовании множественного числа слов *ben* ‘сын’ — мн. ч. *bân-im* (см. также *bat* < **bin-t-* ‘дочь’ — мн. ч. *bân-ot*) и *šet* ‘зад, ягодицы’ — мн. ч. *šât-ot* показатель -*â-* вытесняет гласный основы (*a*-замена).

Корреляция между синтаксическим родом существительного в единственном числе и выбором показателя множественного числа не является строгой. Довольно широко распространено употребление показателя множественного числа *-ot* у существительных мужского рода (?*âb-ot* ‘отцы’, *mâkom-ot* ‘места’, *šâbuš-ot* ‘недели’, *hâlom-ot* ‘сны’). Употребление показателя множественного числа *-im* у существительных женского рода встречается несколько реже (*šân-â* ‘год’ — мн. ч. *šân-im*, *pilâgâš* ‘наложница’ — мн. ч. *pilâgš-im*, ?*âbân* ‘камень’ — мн. ч. ?*âbân-im*). Среди примеров этого типа высок удельный вес терминов для животных и растений: *dâbor-â* ‘пчела’ — мн. ч. *dâbor-im*, *râhel* ‘овца’ — мн. ч. *râhel-im*, *šitt-â* ‘акация’ — мн. ч. *šitt-im*, *hiittâ* ‘пшеница (как вид растений)’ — мн. ч. *hiitt-im* ‘пшеница в зерне’. Для некоторых существительных засвидетельствовано употребление обоих суффиксов множественного числа (?*âb* ‘облако’ — мн. ч. ?*âb-im*/*âb-ot*, *dor* ‘поколение’ — мн. ч. *dor-im*/*dor-ot*), хотя, как правило, одна из форм менее обычна. Присоединение числового показателя противоположного рода не приводит к изменению в согласовательной модели: *šân-â gâdol-â* ‘великий год’ — мн. ч. *šân-im gâdol-ot*; ?*âb-0 gâdol-0* ‘великий отец’ — мн. ч. ?*âb-ot gâdol-im*.

Супплетивное образование множественного числа для Д.я. не характерно (наиболее заметный пример такого рода: ?*iššâ* ‘женщина’ — мн. ч. *nâš-im*). В то же время, заслуживают внимания пары типа *šor* ‘бык’ vs. *bâqâr* ‘крупный рогатый скот’, *sâ* ‘голова мелкого рогатого скота’ vs. *šon* ‘мелкий рогатый скот’, отношения между которыми близки к супплетивизму (существенно, в частности, что оба члена таких оппозиций, как правило, не образуют регулярных форм множественного числа).

Некоторые существительные, как исчисляемые (*pân-im* ‘лицо; лица’), так и неисчисляемые (*mây-im* ‘вода’), употребляются в виде *pluralia tantum*. «Множественное величия» (*pluralis majestatis*) отмечается у таких лексем, как *bâbal* и ?*âdon* ‘господин’ (*bâšâlenu*, ?*âdonenu* ‘наши господа’ или ‘наш господин’). Сходным образом обычно интерпретируют распространенное употребление формы ?*âlohim* ‘боги’ в тех случаях, когда речь идет об одном божестве (обычно — но не исключительно — по отношению к Богу Израиля). О выражении множественного числа у местоименных и глагольных лексем см. парадигмы в 2.4.0.

Показатель двойственного числа имеет вид *-âyim* и присоединяется, главным образом, непосредственно к основе (*yâd* ‘рука’ — дв. ч. *yâd-âyim*; у имен женского рода на *-â* этот показатель преобразуется в *-ât-*: *šân-â* ‘год’ — дв. ч. *šân-ât-âyim*). Вокалические изменения в основе, как правило, менее значительны, чем при присоединении показателей множественного числа (некоторые типичные примеры: *kânâp* ‘крыло’ — дв. ч. *kânâp-âyim*, *râgâl* ‘нога’ — дв. ч. *râgâl-âyim*, *bârâk* ‘колено’ — дв. ч. *bîrk-âyim*, ?*âyin* ‘глаз’ — дв. ч. ?*ên-âyim*) и не имеют апофонической природы. Отдельные примеры форм двойственного числа с *a*-вставкой (*kârân-âyim* ‘рога’, *hâlâš-âyim* ‘бедра’, *lâhây-âyim* ‘щеки’, *dâlât-âyim* ‘двери’), по-видимому, образованы по аналогии с широко распространенными формами множественного числа этого типа.

Полноценная оппозиция единственного, двойственного и множественного числа в Д.я. возможна лишь у ограниченного круга лексем, связанных с измерением времени,

массы и т. п.: *yom* 'день' — дв. ч. *yom-áyim* — мн. ч. *yám-im*, *kikkâr* 'талант' — дв. ч. *kikkâr-áyim* — мн. ч. *kikkâr-im*, *rášam* 'раз' — дв. ч. *pašááyim* — мн. ч. *pəšám-im*. При именах, обозначающих парные части тела, показатель двойственного числа употребляется вне зависимости от того, идет ли речь о двух или многих предметах (*ʕen-áyim* 'два глаза', *šeš kənápáyim* 'шесть крыльев'); употребление имен этого класса с показателем множественного числа (чаще всего *-ot*) обычно связано с их переносными значениями (*ʕáyin* 'глаз' — дв. ч. *ʕen-áyim* 'глаза' — мн. ч. *ʕáyin-ot* 'водные источники', *ḵárân* 'рог' — дв. ч. *ḵarn-áyim* 'рога' — мн. ч. *ḵərân-ot* 'остроконечные выступы алтаря'). Известно несколько примеров *dualia tantum* (*mozənáyim* 'весы', *málḵāháyim* 'щипцы').

Прилагательные, местоимения и глаголы в двойственном числе не употребляются, при согласовании с существительными в дуалисе используются формы множественного числа.

Количественные числительные имеют следующие основные формы (кой чертой отделяются формы абсолютного и сопряженного состояния).

Количественные числительные

	Мужской род	Женский род
'один'	<i>ʔāhād/ʔahad</i>	<i>ʔahat/ʔahat</i>
'два'	<i>šənáyim/šəne</i>	<i>šəttáyim/šətte¹</i>
'три'	<i>šəloš/šəloš</i>	<i>šəlošá/šəlósāt</i>
'четыре'	<i>ʔarbaʕ/ʔarbaʕ</i>	<i>ʔarbāʕá/ʔarbáʕat</i>
'пять'	<i>ḥāmeš/ḥāmeš</i>	<i>ḥāmiššá/ḥāmésāt</i>
'шесть'	<i>šeš/šeš</i>	<i>šiššá/šésāt</i>
'семь'	<i>šəbaʕ/šəbaʕ²</i>	<i>šibʕá/šibʕat</i>
'восемь'	<i>šəmonā/šəmonā³</i>	не засвидетельствовано
'девять'	<i>təšaʕ/təšaʕ²</i>	<i>tišʕá/tišʕat</i>
'десять'	<i>ʕásár/ʕásár</i>	<i>ʕásárá/ʕásárāt</i>

Примечания: 1. Форма, записываемая как 𐤀𐤁𐤅 , не получила общепринятой фонетической интерпретации: приведенная в парадигме вокализация предполагает недопустимое по правилам древнееврейской фонологии присутствие *ə* в закрытом слоге, в то время как альтернативное чтение *štayim/šte* содержит начальный консонантный кластер, также неприемлемый по правилам слоговой структуры. В пользу удвоенного *t* говорит самаритянское чтение *šittam*, а также огласовка *šittáyim*, сохранившаяся в рукописях с вавилонской системой вокализации. 2. Формы *šəbaʕ* и *təšaʕ* встречаются только в сочетаниях с *ʕásre* и *meʔot* («восемнадцать», «восемьсот», «девятнадцать», «девятьсот»). Их интерпретация как форм сопряженного состояния поддерживается не во всех грамматиках. 3. Вместо ожидаемого *šəmonē*.

Числительные от одиннадцати до девятнадцати образуются на основе особых форм числительного «десять» (м. р. *ʕásár*, ж. р. *ʕásre*). Числительное «одиннадцать» имеет два типа форм: с использованием обычных терминов для единицы (м. р. *ʔahad ʕásár*, ж. р. *ʔahat ʕásre*) или особого слова *ʕašte*, вне данного употребления не встречающегося (м. р. *ʕašte ʕásár*, ж. р. *ʕašte ʕásre*). Для числительного «двенадцать» также известно два типа форм: термины для двойки используются либо в *status constructus* (м. р. *šəne ʕásár*, ж. р. *šətte ʕásre*), либо в особой форме, сочетающей признаки обычного и сопряженного состояния (м. р. *šənem ʕásár*, ж. р. *šəttem ʕásre*). У числительных от тринадцати до девятнадцати род формы для единицы противоположен роду фор-

мы для десятки, при этом единицы мужского рода стоят в сопряженном состоянии, а женского рода — в обычном: *šəlošā ʔāšār* vs. *šəloš ʔāšre*.

Числительное «двадцать» имеет вид *ʔäšrim*, числительные от тридцати до девяноста образуются присоединением показателя множественного числа *-im* к основе соответствующего числительного первого десятка (*šəloš-im* 'тридцать', *šišš-im* 'шестьдесят'; обращает на себя внимание отсутствие *a*-вставки после второго корневого согласного в формах *šibš-im* 'семьдесят' и *tišš-im* 'девяносто'). Элементы сложных числительных связываются союзом *wə* 'и', единицы чаще следуют за десятками, хотя возможен и обратный порядок: *ʔäšrim wə-ʔähād/ʔähād wə-ʔäšrim*.

Числительное «сто» имеет вид *meʔā* (st. constr. *məʔat*), форма дв. ч. *māt-áyim* употребляется в значении «двести». Числительные от пятисот до девятисот образуются сочетанием соответствующей формы для единицы (м. р., st. constr.) с множественным числом слова *meʔā*: *šəloš meʔot* 'триста'. Числительное «тысяча» имеет вид *ʔäläp*, дв. ч. *ʔalpáyim* ('две тысячи'), мн. ч. *ʔäläpim* (*šəlósät ʔäläpim* 'три тысячи'). В сложных числительных обычен следующий порядок элементов: «сотня + *wə* + десяток» (допускается также «десяток + *wə* + сотня»); «сотня + *wə* + десяток + *wə* + единица» (допускается также «единица + *wə* + десяток + *wə* + сотня»); «тысяча + сотня + десяток + *wə* + единица» (отмечается также употребление союза *wə* при каждом из элементов; кроме того, известен обратный порядок элементов: «единица + *wə* + десятка + *wə* + сотня + *wə* + тысяча»). Понятие «десять тысяч» выражается как аналитически (*ʔāšārät ʔäläpim*), так и особым словом *rəbābā* (с поздним вариантом *ribbo*). Слово *rəbābā* (*ribbo*) может участвовать в образовании более крупных числительных (*ribbotáyim* или *šatte ribbot* 'двадцать тысяч', наряду с *ʔäšrim ʔäläp*).

Числительное «один» следует за исчисляемым в единственном числе и согласуется с ним в роде: *ʔiš ʔähād* 'один мужчина', *ʔiššā aḥat* 'одна женщина'. Числительное «два» сочетается с исчисляемым во множественном числе и согласуется с ним в роде. Наиболее распространена постройка числительного «два» перед исчисляемым в status constructus (*šatte bānot* 'две дочери'), однако встречаются примеры препозиции в status absolutus (*šənáyim ʔedim* 'два свидетеля') и постпозиции в status absolutus (*yānim šənáyim* 'два дня'). Числительные от трех до десяти сочетаются с исчисляемым во множественном числе, род числительного противоположен роду исчисляемого. Как и в случае с числительным «два», возможны три типа последовательностей: *šəlošā bānim/šəlósät bānim/bānim šəlošā* 'три сына' (в большинстве произведений классического периода последний тип встречается редко).

Синтаксис числительных свыше одиннадцати характеризуется высокой степенью вариативности и в значительной степени детерминирован лексическими факторами, а также жанром текста, временем его создания и др. Числительные с одиннадцати до девяносто девяти чаще предшествуют исчисляемому во множественном числе, при этом у числительных с тринадцати до девятнадцати десятка согласуется в роде с исчисляемым, а единица противоположна ему: *ḥamiššā ʔāšār bānim* 'пятнадцать сыновей', *šəloš ʔāšre ʔammot* 'тринадцать локтей'. В то же время, некоторые частотные существительные (*nāpās* 'душа', *ʔiš* 'человек', *yom* 'день', *šānā* 'год') обычно употребляются в единственном числе: *šəmonā ʔāšre šānā* 'восемнадцать лет'. Числительные, состоящие из круглых десятков и единиц, либо предшествуют исчисляемому в единственном числе, либо следуют за исчисляемым во множественном числе: *šəttáyim wə-šiššim šānā* 'шестьдесят два года', *ḥa-ššābušim šiššim wu-šənáyim* 'шестьдесят две недели'. Кроме того, известны примеры употребления исчисляемого при

обоих частях составного числительного: *ḥāmeš šānim wə-šibšim šānā* ‘пять лет и семьдесят лет’ (= ‘семьдесят пять лет’). Обозначения сотен и тысяч сопровождаются исчисляемым во множественном числе (*meʔā nabiʔim* ‘сто пророков’, *ʔālāp ʔizzim* ‘тысяча коз’), за исключением некоторых частотных слов (*meʔā šānā* ‘сто лет’, *ʔālāp ʔiš* ‘тысяча человек’).

Особые формы порядковых числительных известны лишь для первого десятка (в остальных случаях используются количественные числительные). Числительные ‘первый’, ‘второй’ и ‘шестой’ имеют вид *rišon*, *šeni* и *šišši*, остальные порядковые числительные образуются от консонантных корней соответствующих количественных по модели $C_1C_2C_3i$: *šəliši* ‘третий’, *šəmini* ‘восьмой’. Количественное числительное *ʔāḥād* ‘один’ может использоваться в значении ‘первый’: *ha-ṯtur ḥā-ʔāḥād* ‘первый ряд’ (Ек 39.10).

Засвидетельствовано несколько особых мультипликативных форм: *kiplāyim* ‘двукратно’, *ʔarbaštāyim* ‘четырёхкратно’, *šibšātāyim* ‘семикратно’. Для выражения дробных значений используются формы женского рода порядковых числительных: *ḥāmišit* ‘одна пятая’, *ʔāsirit/ʔāsiriyyā* ‘одна десятая’. Для некоторых дробей известны альтернативные формы, образованные по другим моделям: *šālīs* ‘одна треть’, *rābaʔ*, *rōbaʔ* ‘одна четверть’, *ḥómäs* ‘одна пятая’, *ʔiššāron*, *maʔāšer* ‘одна десятая’. Понятие ‘половина’ выражается термином *ḥāsi* (часто в паузальной форме *ḥēši*), для выражения значения ‘две трети’ используется описательный оборот *pi šənāyim*.

2.3.4. Морфологически выраженные падежные противопоставления утрачены, падежные отношения выражаются аналитически.

Подлежащее и именное сказуемое специального оформления не имеют. Имя, выступающее в роли прямого дополнения, также может быть неоформлено (в этом случае синтаксические роли определяются, главным образом, порядком слов), однако если прямое дополнение представляет собой имя в определенном состоянии, как правило используется особый показатель (*nota accusativi*) *ʔet* (чаще в виде проклитической формы *ʔät-*): *wa-yiʔšār YHWH ʔät-ḥāʔādām* ‘Господь вылепил человека’. Употребление *ʔet* при контекстуально неопределенных именах встречается редко (*ʔim nāšak ha-nnāḥāš ʔät-ʔiš* ‘если змея кусала какого-нибудь человека’). Установлено, что в поэтических текстах *nota accusativi* при именах употребляется менее регулярно, чем в прозаических. Так, ни одного примера употребления *ʔet* не отмечено в таких произведениях, как Песнь Моисея при море (Ек 15.1–18) или Песнь Деборы (Jdc 5): *sus wə-rokəbo rāmā ba-yuām* ‘Лошадь и всадника сбросил он в море’ (Ек 15.1), *yəminəkā YHWY tirʔaš ʔoyeb* ‘Твоя десница, Господь, сокрушает врага’ (ibid. 6); *ʔóru meroz... ʔóru ʔaror yošəbāḥā* ‘Прокляните Мероз... проклятем прокляните его жителей’ (Jdc 5:23), *ḥāləmə sisərə māḥākā rošo* ‘Она ударила Сисеру, раздробила его голову’ (ibid. 26). Если в роли прямого дополнения выступает личное местоимение, используются либо объектные местоименные энклитики при глагольной форме (см. 2.4.0.), либо *nota accusativi* с притяжательными энклитиками (основа *nota accusativi* в этом случае принимает форму *ʔot-*: *ʔot-i* ‘меня’). Точного распределения между этими двумя способами обозначения местоименного прямого дополнения не установлено. Нередко отмечается употребление глаголов с двумя прямыми дополнениями: *wa-yuapšitu ʔät-yosep ʔät-kuttono* ‘Они заставили Иосифа снять свое платье’.

Косвенное дополнение обычно оформляется предлогом *lə-*: *wa-yuše ḥā-ʔābād kəle kāsəp wu-kle zāḥāb wu-bḡādim wa-yuitten lə-ribkā wu-migdānot nātan lə-ʔāḥihā wu-lə-ʔimmāh* ‘Слуга достал серебряные и золотые предметы и одежду и отдал Ревек-

ке, а брату ее и матери ее дал дорогие подарки' (Gn 24.53). Если косвенный объект выражается личным местоимением, то местоименные энклитики могут присоединяться не только к предлогу *lā* (*nātatti lā-kā* 'я дал тебе'), но и непосредственно к глагольной форме: *nātattā-ni* 'ты дал мне', *ʔāšiti-ni* 'я сделал себе' (таким образом, в некоторых случаях разница между прямым и косвенным объектом определяется лишь по контексту). В позднем Д.я. под арамейским влиянием распространилось употребление предлога *lā* в качестве показателя не только косвенного, но и прямого дополнения. Как правило, речь идет об определенных именах, чаще всего обозначениях лиц (*wa-yuafāzob šām lipne ʔāron bārit* УНВН *lā-ʔāsāp wu-lā-ʔāhāw* 'Он оставил там, перед ковчегом завета Господа, Асафа и его братьев').

Отношения принадлежности выражаются соположением вершинного и зависимого имени: *mālāk yiśrāʔel* 'царь Израиля' (Д.я. является одним из немногих семитских языков, где не используются аналитические показатели посессивности, частица *šā-l(li)* в этой функции встречается лишь несколько раз в Песни Песней: *karmi šā-ll-i* 'мой виноградник', *miṭṭāt-o šā-lli-šlomo* 'ложе Соломона'). Для многих имен, выступающих в вершинной позиции, характерны структурные изменения основы, служащие своеобразным маркером генитивной связи и традиционно описываемые как особая морфологическая категория (сопряженное состояние, status constructus). Вокалические преобразования у имен в status constructus почти всегда имеют автоматический или полуавтоматический характер (см. 2.2.1., 2.2.3.) и могут быть проиллюстрированы следующими типичными примерами имен в форме единственного числа без показателя женского рода: *dām* 'кровь' — st. constr. *dam*, *ben* 'сын' — st. constr. *bān*, *bāšār* 'мясо' — st. constr. *bāšar*, *zāken* 'старец' — st. constr. *zākan*. У имен на *-ā* это окончание регулярно преобразуется в *-e* (*šā* 'овца' — st. constr. *še*). У существительных *ʔāb* 'отец', *ʔāh* 'брат', *ḥām* 'свекор' и *pā* 'рот' st. constr. образуется нерегулярно (*ʔābi*, *ʔāhi*, **ḥāmi*, *pi*). У имен женского рода на *-ā* этот показатель принимает вид *-at* (*malk-ā* 'царица' — st. constr. *malk-at*), вокализм основы также может претерпевать изменения (*šānā* 'год' — st. constr. *šan-at*, *ʔeš-ā* 'совет' — st. constr. *ʔēs-at*, *šādāq-ā* 'праведность' — st. constr. *šidq-at*). Вершинное имя спорадически оформляется специальным показателем *-i*: *bān-i ʔātono* 'детеныш его ослицы', *šokān-i sənā* 'обитающий в терновнике', *māleʔāt-i mišpāṭ* 'полная справедливости'. Большая часть примеров такого рода приходится на поэтические тексты, причем, как правило, оформленные показателем *-i* имена по происхождению являются причастиями. Реже в той же функции выступает окончание *-o*: *bān-o bāʔor* 'сын Беора', *ḥayt-o ʔārāš* 'животное земли', *maʔuān-o māyim* 'источник воды'. Показатель множественного числа *-ot* в status constructus сохраняется без изменений, показатели множественного числа *-im* и двойственного числа *-āyim* выступают в виде *-e* (*sus-eparʔo* 'кони фараона', *qarn-e ha-ppār* 'рога быка'); вокализм основы во всех трех случаях может существенно изменяться (*šādāq-ot* 'праведные поступки' > *šidk-ot*, *dābār-im* 'слова' > *dibr-e*, *kānār-āyim* 'два крыла' > *kanṗ-e*).

Как правило, не допускается употребление двух вершинных имен при одном зависимом и, наоборот, двух зависимых при одном вершинном. В тех случаях, когда такое употребление требуется по контексту, используются различные перифрастические обороты: *bāne dāwid wu-bānotāw* 'сыновья и дочери Давида', букв. 'сыновья Давида и его дочери', *ʔālohe ha-ššāmāyim w-elohe hā-ʔārāš* 'Бог неба и земли', букв. 'Бог неба и Бог земли'. Исключения обоих типов редки: *mibḥar wə-ʔob labānon* 'отборные и лучшие (деревья) Ливана', *qone šāmāyim wā-ʔārāš* 'творец неба и земли' (Gn 14.19).

В тех случаях, когда в роли зависимого оказывается личное местоимение, оно выступает в виде притяжательной (генитивной) энклитики (см. парадигмы в 2.4.0.).

Пространственные отношения выражаются, в основном, предлогами, важнейшие из которых следующие: *bə-* 'в' (локатив), 'посредством' (инструменталис), *lə-* 'к' (терминатив), 'для' (бенефактив), *kə-* 'как, подобно', *ʔel* (проклитическая форма *ʔäl-*, редкая поэтическая форма *ʔǎle*) 'к, по направлению к' (отчасти синонимичен *lə-*), *min* (поэтическая форма *minni*) 'от, из', 'чем' (сравнение), *ʕal* (поэтическая форма *ʕǎle*) 'на, над; из-за', *ʕad* (поэтическая форма *ʕǎde*) 'до', *ʕim* 'с, вместе с', *ʔet* (проклитическая форма *ʔät-*) id., *bəli* 'без', *ʔaḥar* 'после', *ben* 'между', *nāgād* 'перед'. Широко распространены различные типы сложных предлогов: *lə-pi* 'согласно' (*pä* 'рот'), *ʕal-yad* 'у, при' (*yād* 'рука'), *ba-ʕäbur* 'из-за' (*ʕäbur* 'результат').

Относительно широко употребляется безударное окончание *-ā* с направительным значением (*yāmm-ā* 'к морю', *bābāl-ā* 'в Вавилон', *ha-ḥādr-ā* 'в комнату', *bēt-ā yosep* 'в дом Иосифа', *midbār-ā dammāsāq* 'в пустыню Дамаска'), обычно сопоставляемое с показателями *-h* и *-iš* в угаритском и аккадском. Морфологический статус направительного *-ā* остается предметом дискуссии (падежный показатель, энклитика, послелог), в рамках которой особое внимание уделяется тому факту, что *-ā* может употребляться с именами во множественном числе, следуя после мимации (*ha-ššāmāym-ā* 'на небо'). Отмечается плеонастическое употребление этого показателя с направительными предлогами (*li-šʔōl-ā* 'в Шеол', *ʔäl-ha-ššāpōn-ā* 'на север', *ba-māgb-ā* 'на юге'). В отдельных случаях *-ā* выступает в других адвербиальных значениях (*mi-yūāmim yāmim-ā* 'из года в год').

Для Д.я. характерно широкое употребление в различных адвербиальных функциях имен без какого-либо специального оформления: *wa-yūiḥan ʔārāš gilʕād* 'Он расположился лагерем в земле Галаад', *hikkitā ʔät-kol-ʔoyəbay léhi* 'Ты ударил всех моих врагов по щеке', *ʔārāb wu-bōqār wə-šohōrāyim ʔāšīḥā* 'Я буду жаловаться вечером, утром и в полдень', *wa-yūippol mēlo-ḳomāto* 'Он упал в полный рост'. Большая часть таких примеров восходит, по-видимому, к употреблению в адвербиальной функции общесемитского аккузатива на **-a* (в этой связи примечательно, что изредка имена в адвербиальной функции оформляются показателем прямого дополнения *ʔet*: *wu-zəraʔtām ʔet ha-ššānā ha-ššəminūt* 'В восьмой год вы будете сеять', Lv 25.22).

Для Д.я. не характерно употребление специальных звательных частиц. При обращении существительные нередко оформляются определенным артиклем: *ha-mmālāk* 'О царь!'.

2.3.5. Гебраистическая традиция выделяет в Д.я. семь п о р о д, из которых пять соответствуют образованиям, квалифицируемым как породы в семитологической литературе (о семантике пород см. ниже): *ḳal* — основная (G), *piʕel* — интензив (D), *hipʕil* — каузатив (H), *niḳʕal* — пассив к основной (N), *hiḳʕal* — пассив-рефлексив для породы *piʕel* (Dt). Образования, обозначаемые в гебраистике как породы *niḳʕal* и *hiḳʕal*, представляют собой внутренний пассив для пород *piʕel* и *hipʕil* (соответствуют арабским формам *fufʕila* и *ʔufʕila*). В каждой из пород представлены две спрягаемые формы: суффиксальная (перфект) и префиксальная (имперфект). С префиксальными спряжением связаны формы наклонений: императив, юссив, когоратив.

В перфекте основной породы (*ḳal*) выделяются три типа основ: *ḳāʕal* 'он убил', *kābed* 'он был тяжелым' (в формах с консонантным суффиксом *e > a*: *kābāditi* 'я был тяжелым', см. 2.2.3.), *ḳāʕon* 'он был маленьким'. Второй и третий типы основ характерны для глаголов качества и состояния, оба они малочастотны. Основы первого типа присущи глаголам с различной семантикой.

Основам первого типа, как правило, соответствуют основы имперфекта с *o* (*yikʔol*), однако в ряде случаев отмечается корреляция *ā* — *a* (*lāmad* ‘он знал’ — *yilmad* ‘он узнает’). Основы второго и третьего типа имеют формы имперфекта с *a* (*yikbad*, *yikʔan*), исключения типа *šāken* (также *šākan*) ‘он жил, обитал’ — *yiškon* ‘он будет жить’ довольно редки. Для нескольких глаголов отмечаются оба типа вокализма (*yiššok/yiššak* ‘кусать’, *yahpoš/yähpaš* ‘желать’), однако корреляцию между типом вокализма и диатезой (активной vs. медиально-пассивной) в подобных случаях можно предполагать лишь изредка. Префиксальный вокализм в основной породе — *i* (1 л. ед. ч. *ä*). Во 2-м и 3-м лице множественного числа мужского рода и, реже, во 2-м лице единственного числа женского рода отмечаются формы с *-un*, *-in* вм. *-u*, *-i*, как правило без редукции типового гласного: *tišmāʔun* ‘вы услышите’, *yikšorun* ‘вы будете жать’, *tidbākin* ‘ты прикрепиться’ (вм. *tišmāʔu*, *yikšəru*, *tidbəki* соответственно).

Формы когортатива образуются на основе форм 1-го лица единственного и множественного числа имперфекта с помощью суффикса *-ā*: *ʔāsmərā* ‘да сохраню я’, *niškəbā* ‘да возляжем мы’. Формы юссива у сильных глаголов в основной породе (как и в большинстве производных пород) не отличаются от форм имперфекта (об особых формах юссива в 3-м лице единственного числа у различных классов слабых глаголов и у сильного глагола в породе *hipʔil* см. ниже). Типовой гласный императива тождествен типовому гласному имперфекта: *yišmor* ‘он будет хранить’ — *šəmor* ‘храни’, *yiškab* ‘он ляжет’ — *šəkab* ‘ложись’. Противопоставление императивных форм по типовому гласному нейтрализуется в формах единственного числа женского рода и множественного числа мужского рода: *šimri*, *šimru*, *šikbi*, *šikbu* (после второго корневого согласного обычно *šəwā* medium, формы с *šəwā* quiescens типа *ʔispi* ‘собери’ отмечаются редко), однако у глаголов с типовым гласным *o* спорадически отмечаются формы с *o* (*molki* ‘царствуй’, *mošku* ‘тащите’). Формы императива могут быть расширены показателем *-ā*, традиционно отождествляемым с суффиксом когортатива: *ʔozbā* ‘оставь’ (как правило, с *o* в первом слоге в отличие от обычных форм императива типа *šimru*, *šimri*), *šikbā* ‘ляг’. Как показал С. Фасберг, большая часть примеров расширенного императива имеет дейктическое или бенефактивное значение: *lek* ‘иди’ — *ləkā* ‘иди сюда’, *ten lāhäm* ‘дай им’ — *tənā li* ‘дай мне’.

Основные формы производных пород имеют следующий вид.

hipʔal: перф. *niḳʔal*, имперф. *yikḳāʔel* (1-е л. ед. ч. *ʔikḳāʔel/ʔäkḳāʔel*, 2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *tiḳḳāʔálnā*), имп. *hiḳḳāʔel*;

piʔel: перф. *kiʔʔel* (с широко распространенным вариантом *kiʔʔal* и редким вариантом *kiʔʔäl*; в формах с консонантными суффиксами основа всегда имеет вид *kiʔʔal*:-*dibbārti* ‘я сказал’), имперф. *yəḳaʔʔel* (1-е л. ед. ч. *ʔāḳaʔʔel*, 2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *təḳaʔʔálnā*), имп. *ḳaʔʔel*;

puʔal: перф. *kuʔʔal*, имперф. *yəḳuʔʔal*, имп. не засвидетельствован;

hipʔil: перф. *hiḳʔil* (в формах с вокалическими суффиксами ударение с основы не переносится: *hiḳʔilā*; в формах с консонантными суффиксами во втором слоге *i > a*: *hiḳʔälti*); имперф. *yəḳʔil* (3-е л. м. р. мн. ч. *yəḳʔilu*, 2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *təḳʔálnā*); имп. *haḳʔel* (ед. ч. ж. р. *haḳʔili*; мн. ч. ж. р. *haḳʔálnā*). Для породы *hipʔil* характерно морфологически оформленное противопоставление имперфекта и юссива (*yəḳʔil* vs. *yəḳʔel*);

horʔal: перф. *hoḳʔal* (также *huḳʔal*), имперф. *yəḳʔal* (также *yūḳʔal*), имп. **hoḳʔal*;

hitraʔel: перф. *hiḱaʔʔel* (с вариантам *hiḱaʔʔal*; в формах с консонантными суффиксами основа всегда имеет вид *hiḱaʔʔal*:-*hištamḱārti* ‘я остерегался’), имперф. *yitḱaʔʔel* (с

вариантом *yitqattal*; 1-е л. ед. ч. *?äitqattel*, 2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *titqattálnä*), имп. *hitqattel*.

В традиционной грамматике Д.я. не выделяется внутренний пассив для основной породы (формы, аналогичные арабским формам *kuṭila*, *yukṭalu*), хотя существование такого рода форм предполагалось уже средневековыми еврейскими филологами (в европейской гебраистике понятие «пассив *qal*» существует со второй половины XIX в.). Согласно распространенной точке зрения, формы пассива *qal* не были распознаны масоретами, которые придавали соответствующим консонантным последовательностям огласовку, свойственную формам пород *ruʿal* в суффиксальном спряжении и *horʿal* в префиксальном. В действительности пассив основной породы в префиксальном спряжении скорее всего не отличался от пассива каузативной породы (как в арабском), вследствие чего формы типа *yuttan* ‘он будет отдан’ или *yukḳaḥ* ‘он будет взят’ с диахронической точки зрения являются вполне регулярными рефлексами общезападносемитского пассива основной породы. По мнению ряда исследователей, форма суффиксального спряжения *kuṭtal* также может пониматься как регулярное развитие исконного прототипа **kuṭila* (с заменой **i* на *a* как в формах *ruʿal* и *horʿal* и вторичным удвоением второго корневого согласного).

Несколько малочастотных типов глагольных основ без устойчивой семантики традиционно квалифицируют как «редкие породы»:

roʿel, *hitroʿel* — основы с *o* после второго корневого согласного: *zorəmu* ‘они пролили’ (Ps 77.18), *məšopəti* ‘ведущий тяжбу со мной’ (Job 9.15), *wə-hitgoʿāšu* ‘они будут блевать’ (Jer 25.16);

raʿlal, *ruʿlal* — основы с редупликацией третьего корневого согласного: *raʿānan* ‘он был зеленым’, *?umlal* ‘он завял’ (предпочтительнее интерпретация таких глаголов как четырехсогласных);

rəʿalʿal — основы с редупликацией второго и третьего корневых согласных: *libbi səḥarḥar* ‘мое сердце бьется’ (Ps 38.11), *meʿay ḥəmmāru* ‘мое нутро воспалено’ (Thr 1.20).

Д.я. присуще большое количество глагольных классов со спряжением, существенно отклоняющимся от регулярной парадигмы (с л а б ы е глаголы). Сюда относятся глаголы, имеющие в составе корня гуттуральные (IH, IИ, IIIH) и полугласные (Iу, IIw/IIу, IIIу), а также глаголы с первым корневым согласным *n* (In), с первым и третьим корневым согласным *? (I?, III?)* и с одинаковыми вторым и третьим корневыми согласными (II=III).

Особенности спряжения глаголов с гуттуральными в составе корня обусловлены характерным для Д.я. специфическим поведением гуттуральных (см. 2.2.2.) и могут быть описаны следующим образом (для сравнения приводятся формы от сильного корня *ktl*):

— полная несочетаемость с *ə* и тенденция к несочетаемости с \emptyset (*ʿāmod* ‘стой’, *?ākol* ‘ешь’, ср. *kəʾol*; *zāʿāku* ‘они закричали’, ср. *kāʿālu*; *yaḥāšob/yaḥšob* ‘он будет думать’, ср. *yikʿol*);

— сдвиг *i > ä*, *a* в слогах, закрытых гуттуральным (*yaḥtom* ‘он запечатает’, *yāḥbaš* ‘он перевяжет’, ср. *yikʿol* ‘он убьет’, *yilmad* ‘он узнает’; устойчивая корреляция между *a*-вокализмом в основе и префиксальным *ä*-вокализмом объясняется законом Барта);

— сдвиг *o > a*, характерный для типового гласного имперфекта *qal* глаголов со вторым или третьим гуттуральным (*višʿal* ‘он спросит’, *yiptaḥ* ‘он откроет’, ср. *yikʿol*). Данное явление имеет общезападносемитскую природу и, возможно, предшествовало формированию Д.я. как самостоятельного идиома. Сходным образом в последнем

слоге форм производных пород *e* переходит в *a* перед гуттуральным (*yiššālah* ‘он будет послан’, ср. *yikkātel*; *hašlah* ‘процветай’, ср. *haktel*);

— несочетаемость гласных *e*, *o*, *u*, *i* с гуттуральным в конце слова, вызывающая вставку *a* перед гуттуральным (*šoléah* ‘посылающий’ (ср. *koṭel*), *šāluah* ‘посланный’ (ср. *kāṭul*) и др.);

— невозможность удвоения (*yābafer* ‘он уничтожит’, ср. *yākaṭtel*) и связанное с ней компенсаторное удлинение гласных (*yešābed* ‘он будет обработан’, ср. *yikkātel*).

Определенное число глаголов Iʔ имеет те же особенности спряжения, что и другие глаголы с первым согласным гуттуральным (например *ʔārab/yāʔārob* ‘сидеть в засаде’). В то же время, для нескольких глаголов (*ʔābad* ‘гибнуть’, *ʔābā* ‘желать’, *ʔākal* ‘есть’, *ʔāmar* ‘говорить’, *ʔāpā* ‘печь’) характерны формы с падением ʔ и префиксальным вокализмом *o* в имперфекте *qal*. В качестве типового гласного при этом выступает *a* или *e* (выбор между ними обусловлен комплексом просодических, морфологических и лексических факторов): *yokal* (пауз. *yokel*) ‘он будет есть’, *yomar* (пауз. *yomar*) ‘он скажет’ (но ср. *tomer* ‘ты скажешь’) и др. Как правило, этимологический ʔ сохраняется на письме (*ʔaleph quiescens*), однако в 1-м лице единственного числа он никогда не выписывается: *yomar* (𐤎𐤌) ‘он скажет’, но *ʔomar* (𐤎𐤌) ‘я скажу’ (формы 1-го лица единственного числа у глаголов с сильным ʔ типа *ʔārab/yāʔārob* не засвидетельствованы). В формах юссива с *waw consecutivum* наблюдается сдвиг ударения на префикс: *wa-yuókāl* ‘он съел’, *wa-yuómār* ‘он сказал’. Для некоторых глаголов Iʔ засвидетельствованы как сильные, так и слабые формы: *yāʔāhoz/yohez* ‘он возьмет’, *yāʔāsoṗ/yosep* ‘он соберет’.

Спряжение глаголов с одинаковым вторым и третьим корневыми согласными (II=III) характеризуется многочисленными особенностями, благодаря которым этот класс оказывается наиболее сложным для описания типом древнееврейских слабых глаголов.

В породе *qal* выделяются два типа спряжения, обычно соответствующие глаголам действия и глаголам состояния (*sbb* ‘окружать’ vs. *kl* ‘быть легким’). В перфекте глаголы первого типа имеют двусложную основу в формах 3-го лица (*sābab*, *sābāb-ā*, *sābāb-u*), в то время как для глаголов второго типа характерна односложная основа с фиксированным ударением (*kal*, *kāll-ā*, *kāll-u*). В остальных формах перфекта односложная основа свойственна обоим типам, при этом между основой и суффиксами появляется *-o-*, которое принимает ударение в 1-м лице единственного и множественного числа и во 2-м лице единственного числа (*sabbótā/kallótā* и др.). Основа имперфекта односложная, с типовым гласным *o* у глаголов действия и *a* у глаголов состояния. Префиксальный вокализм коррелирует с тематическим (*ā* — *o*, *e* — *a* по закону Барта): *yāsob* — *yeqal*. В формах с вокалическими суффиксами восстанавливается удвоение, ударение сохраняется на основе (*tasóbbi*, *yasóbbu*), в формах с суффиксом *-nā* перед ним появляется ударный *-ā-* (*tasubbānā*). Кроме того, довольно широкое распространение получили формы, в которых этимологическая геминация второго корневого согласного заменяется неэтимологической геминацией первого (*yissob/yikkal*, *tissəbi*, *yissəbu* и др.). Формы императива имеют вид *sob*, *sóbbi*, *sóbbu*. Формы абсолютного инфинитива и причастий не отличаются от сильного глагола, сопряженный инфинитив имеет форму *sob*.

В основе перфекта породы *niʔal* наблюдается вокализм *a* (*nāsab* ‘он отвернулся’), реже *e* (*nāmes* ‘он растеся’) или *o* (*nāgol* ‘он свернулся’). В формах с суффиксами восстанавливается геминация, при этом формы с вокалическими суффиксами имеют ударение на основе (*nāsābbā*, *nāsābbu*). В формах с консонантными суффиксами между

основой и суффиксом появляется *-o-*, которое принимает ударение в 1-м лице единственного и множественного числа и во 2-м лице единственного числа (*nəsabbótâ*, *nəsabbónu* и др.). Имперфект имеет типовой гласный *a*, в формах с вокалическими суффиксами восстанавливается геминация, ударение сохраняется на основе (*yissab*, *yissábbu* и др.). Сходную структуру имеют формы императива (*hissab*, *hissábbi*, *hissábbu*). Форма сопряженного инфинитива — *hisseb*, абсолютного — *hisseb* или *hissob*; форма причастия — *násáb* (ж. р. *nəsabbâ*).

В породе *hipʕil* для форм перфекта характерен типовой гласный *e* (*heseb*), спорадически отмечаются формы на *a* (*herak* ‘он размягчил’). При присоединении суффиксов отмечаются те же процессы, что и в породе *piʕal* (*hesébbâ*, *hesébbu*; *hāsibbótâ*, *hāsibbónu*). Типовой гласный имперфекта — *e* (*yáseb*), образование форм с суффиксами сходно с аналогичными образованиями в породе *piʕal* (*yásébbu*, *tásébbu*; *tāsibbânâ*). Формы императива: *háséb*, *hásébbi*, *hásébbu*; формы инфинитива и причастия: *háséb* (infinitivus absolutus и infinitivus constructus не различаются), *meseb*. Как и в породе *qal*, в породе *hipʕil* отмечаются формы с неэтимологическим удвоением первого корневого согласного, чаще всего в имперфекте (*wa-yuasseb* ‘он заставил свернуть’).

Формы пород *piʕel*, *ruʕal* и *hiʕraʕel* не отличаются от соответствующих форм сильного глагола, однако для некоторых корней в этих породах характерно употребление алломорфов с *o* после первого корневого согласного (*polel*, см. подробнее в описании глаголов Пw/y). Формы *piʕel* и *polel* могут сосуществовать в рамках одного корня, иногда с семантической дифференциацией (*sibbeb* ‘поворачивать, изменять’ vs. *sobeb* ‘окружать’).

Особенности спряжения глаголов *In* в основном связаны с характерной для Д.я. ассимиляцией преконсонантного *n*, которая проявляется в формах префиксального спряжения *qal*, а также в формах *piʕal*, *hipʕil* и *horʕal*: *yippol* (< **yinpol*) ‘он упадет’, *hippil* (< **hinpil*) ‘он уронит’ и др. Кроме того, у некоторых глаголов с *a*-имперфектом в *qal* наблюдается падение *n* в формах императива и инфинитива: *nágaš* ‘подходить’, имперф. *yiggaš*, имп. *gaš*, inf. constr. *gášät*; *nágaʕ* ‘касаться’, имперф. *yiggaʕ*, имп. *gaʕ*, inf. constr. *gáʕat* (наряду с *nəgóaʕ*). В рамках данного класса специфическими особенностями спряжения характеризуется высокочастотный глагол ‘давать’: перф. *nátan* (с консонантными суффиксами *nátatti* и др.), имперф. *yitten*, имп. *ten*, inf. constr. *tet* (с мест. энкл. *titt-i*). Особенности спряжения, близкие к глаголам *In*, характерны для глагола *lākaḥ* ‘брать’: имперф. *yikkāḥ*, имп. *kaḥ*, inf. constr. *káḥat*.

В спряжении глаголов *Iy* выделяются четыре подкласса.

Глаголы подкласса I (*yšb* ‘сидеть’) имеют следующие основные формы *qal*: перф. *yášab*, имперф. *yéšeb* (м. р. мн. ч. *yešəbu*, 2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *tešábnâ*), юссив с *waw consecutivum* *wa-yušəšab*, имп. *šeb* (ж. р. ед. ч. *šəbi*, мн. ч. *šəbnâ*), inf. constr. *šábät* (с мест. энкл. *šibt-i*);

Глаголы подкласса II (*yrs* ‘наследовать’) имеют следующие основные формы *qal*: перф. *yáraš*, имперф. *yiraš*, юссив с *waw consecutivum* *wa-yuiraš* (без сдвига ударения), имп. *reš*, *raš*, *yəraš*, inf. constr. *rášät* (с мест. энкл. *rišt-i*).

Глаголы подклассов I и II имеют общее происхождение: *y-* восходит к **w-*, который восстанавливается в начальной позиции в породах *piʕal* и *hipʕil/horʕal*. В этих породах глаголы подклассов I и II имеют общую парадигму, основные формы которой имеют следующий вид:

— *piʕal* — перф. *noraš*, имперф. *yiwwāreš*, имп. *hiwwāreš*, inf. const. *hiwwāreš*, прич. *norāš*;

— hipʕil — перф. *horiš*, имперф. *yoriš*, юссив *yoreš* (с waw consecutivum *wayyöräs*), имп. *horeš*, inf. constr. *horiš*, inf. abs. *horeš*, прич. *moriš*;

— horʕal — перф. *huraš*, имперф. *yuraš*, inf. constr. *huraš*, прич. *murāš*.

Различия между подклассами I и II в имперфекте основной породы объясняются законом Барта, постулирующим зависимость между типовым гласным имперфекта и вокализмом префикса в префиксальном спряжении (*yešeb* vs. *yiraš*). Для глаголов подкласса II характерен е-вокализм в перфекте (*yāšen* — *yišan* 'спать', *yāšep* — *yīšep* 'уствовать'), однако известны исключения (ср. *yāraš* — *yiraš* 'наследовать').

Глаголы подкласса III (*ynk* 'сосать') имеют следующие основные формы: *kał* — перф. *yānaq*, имперф. *yinaq*, юссив с waw consecutivum *wa-yuinaq* (без сдвига ударения); hipʕil — перф. *henik*, имперф. *yenik*, юссив с waw consecutivum *wa-yuénāq*, имп. *heneq*, inf. constr. *henik*, inf. abs. *heneq*, прич. *menik*.

В диахроническом плане глаголы подкласса III отличаются от глаголов классов I и II тем, что Iy имеет первоначальный (этимологический) характер и не чередуется с *w* или *o*.

Глаголы подкласса IV (*yšq* 'лить') характеризуются удвоением второго корневого согласного в префиксальных формах: *kał* имперф. *yīššoq*, hipʕil перф. *hiššiq* и др. Глаголы этого класса немногочисленны, у большей их части вторым корневым согласным является *š* (но см., например, *yissərəni* 'он будет наставлять меня' < *yšr*). Диахроническая природа удвоения в таких формах неясна.

Основные формы глаголов IIw/Пу (*kwm* 'стоять'/*gyl* 'радоваться') в *kał* имеют следующий вид: перф. *kałm/gāl* (в формах с вокалическими суффиксами ударение не передвигается с основы, в формах с консонантными суффиксами *ā* > *a*: *kałmu*, *gālu*; *kałtām*, *galtām*; глаголы Пу могут иметь формы типа *ribótā* 'ты судился', *binótā* 'ты понял'); имперф. *yāqum/yāgil* (2-е л., 3-е л. ж. р. мн. ч. *u* > *o*, *i* > *e*: *taqómna*, *tagélnā*; у глаголов IIw засвидетельствованы также формы типа *tāqumānā*); юссив *yāqom/yāgel*, с waw consecutivum *wa-yuāqom/wa-yuāgel*; имп. *qum/gil*; inf. constr. *qum/gil*; inf. abs. *qom/gol*; акт. прич. *kałm/gāl* (с переносом ударения на аффиксы: ж. р. *kałmā*, *gālā*). Пассивные причастия у глаголов этого класса встречаются редко: *mul* 'обрезанный', *šim* 'поставленный'.

Специфические особенности спряжения характерны для нескольких глаголов качества и состояния: перф. *met* (*mētu*, *mātu*)/имперф. *yāmut* 'умирать', перф. *boš* (*bóšā*, *bóšti*)/имперф. *yeboš* 'стыдиться', перф. *ʔor* (*ʔóru*) 'сиять', перф. *toḅ* (*tóbu*) 'быть хорошим'. Кроме того, известно несколько корней IIw, спрягающихся согласно парадигме сильного глагола (*gāwaš/yigwaš* 'умирать', *šiwwell/yāšawwel* 'поступать дурно').

В производных породах парадигмы IIw и Пу не отличаются, важнейшие особенности спряжения описываются следующим образом.

Основные формы hipʕal: перф. *nāqom* (без сдвига ударения в формах с вокалическими суффиксами: *nāqómā*, *nāqómu*; с чередованием *o* ~ *u* в основе и вставкой *o* после нее в формах с консонантными суффиксами: *nāqumóti*, *nāqumotām*); имперф. *yīqqom*, 3-е л. м. р. мн. ч. *yīqqómu*; имп. *hiqqom*, *hiqqómu*; inf. constr. *hiqqom*, inf. abs. *hiqqom*, *nāqom*; прич. *nāqom* (мн. ч. *nāqomim*, *nāqumim*).

Основные формы hipʕil: перф. *heqim* (без сдвига ударения в формах с вокалическими суффиксами: *heqimā*, *heqimu*; со вставкой *o* перед консонантными суффиксами: *hāqimóti*, *hāqimotām*; отмечаются также формы без вставки: *heqāmti* и др.); имперф. *yāqim*, 3-е л. м. р. мн. ч. *yāqimu*, 3-е л. ж. р. мн. ч. *tāqémnā/tāqimānā*; юссив *yāqem*, с waw consecutivum *wa-yuāqim*; имп. *hāqem* (ж. р. *hāqimi*, мн. ч. м. р. *hāqimu*); inf. constr. *hāqim*, inf. abs. *hāqem*; прич. *meqim*.

В породах *niṣʿal* и *hiṣʿil* для некоторых корней характерны формы с неэтимологическим удвоением в первом корневом согласном: *hissit* (также *hesit*) ‘подстрекать’, *nimmol* ‘быть обрезанным’. Для корня *nwh* формы с удвоением и без него характеризуются последовательной семантической дифференциацией: *heniah* ‘давать покой’ vs. *hinniah* ‘класть’.

Основные формы *hoʿal*: перф. *huḳam*, имперф. *yuḳam*, прич. *muḳam*.

Основа *riʿel* реализуется в виде особого алломорфа, в котором характерная для сильного глагола геминация второго радикала при *i-/a*-вокализме после первого радикала уступает место редупликации третьего радикала при *o*-вокализме после первого (традиционное обозначение: *polel*): перф. *ḳomet*, имперф. *uḳomet*, имп. *ḳomet*, прич. *taḳomet*. Такой же тип образования характерен для форм *ruʿal* (перф. *ḳomat*, имперф. *uḳomat* и др.) и *hiṭraʿel* (перф. *hiṭḳomet*, имперф. *yitḳomet* и др.). В поздних книгах Библии появляются, по-видимому, под арамейским влиянием, несвойственные Д.я. образования форм *riʿel* с удвоенным *y* (редко *w*): *ḳiyuam* ‘устанавливать, подтверждать’, *ʿiwwed* ‘окружать’.

Глаголы IIIу объединяют два исторически различных глагольных класса (IIIу и IIIw), спряжение которых в Д.я. не различается. Консонантный *y* проявляется в спряжении лишь изредка (например, пассивное причастие *ḳal gālu*), однако свойственный многим формам *e*-вокализм указывает на диахроническое присутствие *y* и делает оправданным обозначение глаголов этого класса как IIIу (традиционное гебраистическое обозначение IIIh не вполне удачно, так как указывает лишь на орфографическую особенность этих глаголов — присутствие *h* в качестве *mater lectionis* на конце большинства форм парадигмы).

В перфекте 3-го лица единственного числа мужского рода глаголы IIIу во всех породах имеют формы на *-ā* (*ḳal gālā* ‘он обнажил’, *riʿel gillā*, *niṣʿal niglā* и др.). В 3-м лице множественного числа *ā* вытесняется *u* (*gālu*, *gillu* и др.). В 3-м лице единственного числа женского рода наблюдаются характерные для Д.я. формы на *-tā*, отражающие двойное маркирование женского рода: *gālātā* < **gal-at-at* (более древние формы типа *ʿāśāt* ‘она сделала’, известные из эпиграфических памятников и мишнитского языка, в Библии отмечаются лишь изредка). В остальных формах перфекта *-ā* замещается на *-i* или *-e*, причем в *ḳal* встречаются только *i*-формы (*gālīti*), в *niṣʿal*, *ruʿal* и *hoʿal* — только *e*-формы (*niglēti*, *gullēti*; исключение — *niglinu*: 1 л. мн. ч. *niṣʿal*), а в *riʿel*, *hiṣʿil* и *hiṭraʿel* — оба типа форм (*gillīti/gillēti* и др.) с определенными ограничениями в конкретных позициях парадигмы (так, например, в формах 2-го лица единственного числа и 1-го лица множественного числа породы *riʿel* встречаются только *i*-формы). В имперфекте всех пород формы без суффиксов оканчиваются на *-ā* (*ḳal yiglā*, *riʿel uḳallā*, *niṣʿal yiggālā* и др.), которое вытесняется суффиксами *-i* и *-u* (*tiḡli*, *yiglu*), но сохраняется перед *-nā* (*tiḡlānā*). Для глаголов IIIу характерно последовательное противопоставление форм имперфекта и юссива, имеющих следующий вид: *ḳal yigāl* (с вариантами *yigl*, *yegl*, *yégāl*), *riʿel uḳgal*, *niṣʿal yiggāl*, *hiṣʿil yagl* (также *yāḡāl*), *hiṭraʿel yitgal*. В императиве всех пород формы без суффиксов оканчиваются на *-e* (*ḳal gāle*, *riʿel galle*, *hiṣʿil haḡle* и др.), которое вытесняется показателями *-i* и *-u* (*gāli*, *gālu*) и переходит в *-ā* перед показателем *-nā* (*gālānā*). В породах *riʿel* и *hiṣʿil* возможны также формы с исходом на второй корневой согласный: *gal*, *hāḡāl*. Формы абсолютного и сопряженного инфинитива: *ḳal gālo/gālot*, *riʿel gallo* (также *galle*)/*gallot*, *niṣʿal niglo* (также *higgāle*)/*higgālot*, *hiṣʿil haḡle/hāḡlot*, *hiṭraʿel hitgallot* (inf. constr.; inf. abs. не засвидетельствован). Формы активного причастия во всех по-

рода оканчиваются на *-ä*: *qal golä*, *riʕel mægallä*, *nirʕal niglä*, *hipʕil maglä*. В формах женского рода единственного числа *-ä* заменяется на *-ä* (*golä* и др.), в формах множественного числа вытесняется показателем множественности (*golim*, *golot* и др.). Форма пассивного причастия *qal* имеет вид *gäluu*.

Особенности спряжения глаголов IIIʔ связаны с падением ʔ в исходе слога. Слоги, в формах сильного глагола оканчивающиеся на третий корневой согласный, получают вокалический исход (ʔ, как правило, сохраняется на письме, *aleph quiescens*). Свойственный формам сильного глагола вокализм в большинстве форм не претерпевает изменений: *moʕe* 'находящий', *māʕu* 'найденный', *māʕo* 'находить' (inf. abs.). Важнейшее исключение составляет сдвиг *a > ä*: *māʕä* 'он нашел', *māʕäti* 'я нашел' (ср. *pätah* 'он открыл', *pätahiti* 'я открыл'), *yimʕä* 'он найдет' (ср. *yiptah* 'он откроет'). Формы имперфекта 2-го и 3-го лица множественного числа женского рода имеют *ä* перед суффиксом *-nä* во всех породах (*timʕänä* 'вы найдете', ср. *tiptähnä* 'вы откроете'). Все перфектные формы производных пород имеют *e* перед суффиксами, начинающимися с согласного (*nimʕetä*, *miʕšetä*, *himʕetä*; ср. *niptähitä*, *piptähitä*, *hiptähita*). Форма *moʕet* характерна для активного причастия женского рода *qal*.

Преобразования в сфере залога и переходности выражаются деривативными средствами (производными породами) и словоизменительными средствами («внутренним пассивом»).

С точки зрения выражения отношений залога и актантной деривации глагольные породы можно разделить на две группы:

1. N (= *hipʕil*) и D (= *riʕel*), семантика которых связана преимущественно с увеличением числа аргументов: типичным образом по этим моделям образуются глаголы с переходным и каузативным значениями;

2. N (= *nirʕal*) и Dt (= *hitraʕel*), семантическую доминанту которых составляет понижение транзитивности и ограничение на число и выбор аргументов (например они выражают значения пассива, рефлексива и реципрока).

Статистические данные о частотности породных форм в корпусе следующие. Исходная порода (G) — 50202 вхождения, неактивные формы N — 9418, неактивные формы D — 6448 (статистику внутреннего пассива см. ниже), N — 4119, Dt — 970. Этот подсчет, основанный на данных электронного корпуса Д.я., включает инфинитивы и причастия во всех синтаксических функциях, а также глагольные корни, засвидетельствованные лишь в одной из производных пород.

Этим статистическим данным соответствует тот факт, что G-порода в целом нейтральна с точки зрения диатезы и степеней транзитивности, то есть G-глаголы могут иметь различные диатезные значения в зависимости от лексической семантики корня, в частности почти все значения, выражаемые посредством глагольного словообразования и рассматриваемые ниже.

Разграничение семантики D и N в Д.я. относится к дискуссионным проблемам гебраистики. В традиции, восходящей к средневековой еврейской национальной грамматике, принято утверждать, что исходное значение N — каузатив по отношению к G, а D — «интенсив» по отношению к G, например G *râkad* 'прыгать' → N *hirkid* 'заставить скакать', G *râkad* 'прыгать' → D *rikked* 'танцевать', G *ʔäkal* 'есть' → N *hăʔäkil* 'кормить', G *šabar* 'ломать' → D *šibber* 'раздроблять'. Вместе с тем наблюдаемые в библейском корпусе факты трудно свести к этим семантическим прототипам; в частности, традиционное обозначение исходного значения D как «интенсива» критиковалось за содержательную неопределенность и эвристическую слабость.

В последние десятилетия гебраисты стремились обнаружить первичное значение D, из которого можно было бы вывести все типичные употребления этой породы в тексте. В ряде авторитетных трудов (монографиях Э. Йенни, А. Ридера, в стандартном учебном пособии по морфологической семантике Д.я. Б. Уолтке и М. О'Коннора) за основу была принята теория А. Гётце, популярная в ассириологии 40–90-х гг. XX в. Согласно этой теории, в аккадском языке первичным значением D-породы является «фактитив», то есть D-порода выражает переход в результативное состояние, обозначаемое результативным отглагольным прилагательным G-породы данного корня. В рамках этого подхода D-порода считается семантически отыменным образованием. В исследованиях по грамматике Д.я. (наиболее бескомпромиссно в монографическом исследовании D-породы у Э. Йенни) эта гипотеза приобрела следующий вид: D вызывает состояние, а N «причиняет» событие, то есть на более глубоком уровне D-породе соответствует именное предложение, а N-породе — глагольное предложение.

Суть этой теории можно проиллюстрировать на примере предложенной Б. Уолтке и М. О'Коннором интерпретации глаголов производных пород, образованных от корня *?bd* 'гибнуть': *wa-tta?abbed*_D *?et kol-zāraʕ ha-mmamlākā* (2 R 11:1) истолковывается как 'Она **вызвала гибель**_D всего царского рода', или, если доводить эту интерпретацию до конца, 'Она — вызвавшая гибель...': D описывает результативное состояние субъекта, объект целиком пассивен. Напротив, *wə-ha?ābadti*_N *?ät-ha-nāpāš ha-hi* (Lev 23:30) истолковывается как 'Я **сделаю так**, что эта душа **погибнет**_N' или 'Я позволю этой душе погибнуть': N описывает событие, 'душа' соучаствует в каузируемом событии как «второй субъект». Представление о том, что семантика D и N должна быть различной, было воспринято последним изданием монументального словаря Д.я. Л. Кёлера и В. Баумгартнера, и в ряде случаев это привело к искусственному противопоставлению значений D- и N-производных у одного и того же корня, ср., например, перифрастические переводы производных корня *kds* 'быть священным': D *kiddaš* 'переместить (англ. *transfer*) нечто в состояние сакральности' vs. N *hikdiš* 'пометить, рассматривать или предлагать нечто как сакральное, посвященное (божеству)'. Это толкование выведено, скорее, из теории, нежели из анализа значения лексем в тексте. С точки зрения корпусной лексикографии, оба глагола имеют значение 'сделать священным' (т. е. 'принадлежащим божеству' или 'относящимся к культовой, сакральной сфере').

Во второй половине 1990-х гг. было показано, что теория о семантической зависимости D-породы от результативного отглагольного прилагательного G-породы не имеет фактической опоры в аккадском материале. В 1998 г. появилась статья гебраиста Яна Йостена, в которой автор, следуя новым идеям в ассириологии, предложил вернуться к представлению об «интенсиве» как основном семантическом сдвиге, характеризующем в Д.я. D-породу по отношению к G-породе. На современном этапе исследования термин «интенсив» обозначает плюрализацию ситуации: имеется в виду некая «общая» интенсивность действия («сделать много, часто или с большим усилием»), частным случаем которой оказываются некоторые легко описываемые семантические сдвиги, прежде всего увеличение числа актантов.

Синхронный анализ фактов показывает, однако, что в корпусе Д.я. семантическое различие D и N, связанное с их разными внутренними формами (геминация второго корневого согласного в D, грамматикализация лексического элемента в N), стерлось, и на передний план выступил общий элемент их семантики и синтаксиса: повышение

транзитивности и увеличение числа актантов. Сходным образом, N и Dt сближаются по общему признаку понижения транзитивности и обнаруживают синонимические употребления, хотя формально N-порода производна от G, а Dt-порода — от D. Поэтому, как это естественно для словообразовательных категорий, породы Д.я. не образуют системы.

На идиоматический характер отношений между породами указывает и тот факт, что в корпусе много частотных глагольных корней, хорошо засвидетельствованных, с одной стороны, в N, а с другой — в N и/или в D при отсутствии G. Так, N \sqrt{khd} значит 'быть/стать скрытым, исчезать, быть уничтоженным' vs. D \sqrt{khd} 'скрывать', N \sqrt{khd} 'уничтожать'; \sqrt{bhl} : N 'пугаться' vs. D 'пугать'; \sqrt{shl} : N 'портиться' vs. D и N 'уничтожать'; \sqrt{mlt} : N 'спасаться (бегством)' vs. D 'спасать'; \sqrt{nhm} : N 'сожалеть, раскаиваться; находить утешение' vs. D 'утешать'; \sqrt{ysh} : N 'получать помощь' vs. N 'помогать'; \sqrt{shr} : N 'остаться' (однажды засвидетельствована G-форма в том же значении), 'выжить' vs. N 'оставить; пощадить'.

Для таких корней можно допустить семантически мотивированное вытеснение G-породы производными породами. Вероятно, преимущественно пассивное значение N в этих породных конфигурациях свидетельствует о том, что исходная семантика корня и вытесненной G-породы — скорее переходная, так что форма D и/или H (более выразительных экспонентов транзитивности) заменила G, а медиальное значение N в тех же конфигурациях указывает на непереходную семантику корня и исходной породы: N-порода как показатель непереходности вытеснила G-породу. Глаголы исходной породы, совмещающие оба типа семантики, в Д.я. встречаются редко, ср., например, G \sqrt{br} 'гореть' и 'сжигать'.

Ниже рассматриваются преобразования в области залога и переходности, выражаемые D-породой и H-породой.

Непереходные динамические дериваты корней с качественной и стативной семантикой: \sqrt{lbn} G 'быть белым' → H 'побелеть', \sqrt{rsh} G 'быть дурным' → H 'поступать дурно', \sqrt{fwb} G 'быть хорошим' → H 'поступать хорошо'; \sqrt{shr} G 'быть сзади' → D 'опаздывать'.

Рефлексивный каузатив стативных и качественных корней: \sqrt{rhk} G 'быть далеким' → H и D 'удалиться', например, *lo hirhiku_H* 'они не удалились_H', т. е. 'не ушли далеко' (Gn 44:4), *libbo rihak_D mimmanni* 'Его сердце удалилось_D от меня' (Jes 29:13), \sqrt{gdl} G 'быть/стать великим' → H 'возвеличиться', например *higdil_H oyeb* 'враг возвеличился_H' (Thr 1:9).

Переходные дериваты корней, обозначающих свойства, а также стативных корней и непереходных динамических корней: \sqrt{kbd} G 'быть тяжелым' в разных смыслах, например 'быть важным' и 'быть медлительным, тупым' → D 'делать невосприимчивым, тупым; чтить' → H 'делать тяжелым; отуплять; прославлять'; \sqrt{hyu} G 'быть в живых' → D и H 'поддерживать в живых'; $\sqrt{?bd}$ G 'гибнуть' → D и H 'губить'.

Переходные дериваты одноместных глаголов движения G-породы обычно образуются по модели H, например $\sqrt{bw?}$ G 'приходить' → H 'приводить, присылать', \sqrt{ysh} G 'выходить' → H 'выносить'. У частотного глагола \sqrt{swb} G 'возвращаться' засвидетельствованы синонимичные переходные дериваты по моделям H и D со значением 'возвращать, восстанавливать'. У глагола \sqrt{kwv} G 'подняться' частотен H-дериват 'поставить, воздвигнуть, исполнить', но засвидетельствована также D-порода 'воздвигнуть, зафиксировать'.

Каузатив переходных корней: $\sqrt{r?y}$ G 'видеть, смотреть' → H 'показывать', например, *wə-har?eti_H goyim ma'rek* 'Я покажу_H народам твою наготу' (Na 3:5), \sqrt{lmd} G

‘изучать’ (например, закон) → D ‘обучать’, например, *ha-mmišpātim ?āšār ?ānoki mələmmed_D ?ātākām* ‘предписания, которым я обучаю вас’ (Deut 4:1), \sqrt{ml} ? G ‘быть полным, наполняться, наполнять собой’ → D ‘наполнять’, например, *malle_D ?āt amtəhot hā-?ānāšim ?ókäl* ‘Наполни_D мешки этих людей едой’ (Gn 44:1).

По моделям D и H образуются отсубстантивные глаголы: *ken* ‘гнездо’ → *kinne_D* ‘вить гнездо’, *šāpār* ‘земля’ → *šippār_D* ‘кидаться землей’, *?ózän* ‘ухо’ → *hā?āzin_H* ‘слушать’, *zāraš* ‘семя’ → *hizriāš_H* ‘сеять’.

Собственно интензивное значение, предположительно составляющее специфику D как деривата G и обычно не приписываемое H-породе, встречается нечасто. Можно привести следующие достоверные примеры: $\sqrt{šbr}$ G ‘разбивать’ → D ‘разбивать на куски; разрушать’ (с прямым дополнением во множественном числе), \sqrt{kbr} G ‘хоронить’ → D ‘хоронить’ (многих одновременно), $\sqrt{nšk}$ G ‘целовать’ → D ‘расцеловать’ (нескольких по очереди), $\sqrt{šfk}$ G ‘кричать’ → D ‘выкрикивать’ (многократно), \sqrt{ktb} G ‘писать’ → D ‘писать’ (заниматься профессиональной деятельностью писца). Интенсив реализуется здесь как плюральность объектов или действия.

Специфику H по отношению к D составляют относительно редкие аппликативные употребления, например \sqrt{nhl} G ‘обладать (земельной) собственностью’ → H ‘передавать в собственность’: *?attā tanhīl_H ?āt hā-šām_{акк.} ha-zzā ?āt hā-?ārāš_{акк.}* ‘Ты **передашь во владение_H** этому народу_{акк.} (эту) землю_{акк.}’ (Jos 1:6), ср. D-производное того же корня с непрямым дополнением: *?éllā ha-nnəhālot ?āšār_{акк.} niḥālu_D (...) la-mattot_{дат.} bəne-yiśrā?el* ‘Вот наследственные уделы, которые_{акк.} (вожди кланов) **передали во владение_D** израильским племенам_{дат.}’ (Jos 19:51), $\sqrt{šwb}$ G ‘возвращаться’ → H ‘возвращать, передавать’: *wayyāšibu_H ?otām_{акк.} dābār_{акк.}* ‘Они **передали_H** им_{акк.} информацию_{акк.}’ (Jos 22:32), ср. D от того же корня: *wə-šobabtū_D ?āt yiśrā?el_{акк.} ?āl nāwéhu* ‘Я **верну_D** Израиль_{акк.} **на** его пастбище’ (Jer 50:19, с предложным локативным аргументом). Глагол H-породы *hipšit* ‘раздевать’ (← $\sqrt{pšt}$ G ‘снимать с себя (одежду)’) употребляется с одним, либо, при подъеме посессора, с двумя прямыми дополнениями: *bigde šarummim tapšit_H* ‘Ты **снямешь_H** (последние) одежды нагих’ (Job 22:6), *wayyapšitū_H ?āt yosep_{акк.} ?āt kuttonto_{акк.}* ‘Они **сняли_H** с Иосифа_{акк.} его тунику_{акк.}’ (Gn 39:23).

N-глаголы по семантике соотносятся с однокоренными глаголами в G, H и D. Общее детранзитивное значение N-породы имеет, в зависимости от лексической семантики корня, ряд типичных реализаций, которые перечисляются ниже в последовательности от преимущественно семантических характеристик (одноместные активные N-глаголы) к прагматическим (пассив). Как видно из приводимых ниже примеров, речь идет о континууме употреблений, членение которого несколько произвольно, так как семантический инвариант N в большинстве случаев остается прозрачным. Вопреки тому, что часто утверждается в литературе, ни «базовым», ни наиболее частотным значением N-породы в Д.Я. не является пассив.

N — переходный коррелят двухместных глаголов: *ha-nniššānim nir?u_N bā-?ārāš* ‘В наших краях (букв. ‘в земле’) **показались_N** цветы’ (Cant 2:12, $\sqrt{r?y}$), ср. $\sqrt{r?y}$ G ‘видеть’, *wa-yiśšā?āru_N šəne ?ānāšim ba-mmaḥānā* ‘Два человека **оставались_N** на стоянке’ (Nu 11: 26, $\sqrt{š?r}$), ср. $\sqrt{š?r}$ H *lo hiš?āru_H šārid* ‘Мы **не оставили_H** никого в живых’ (Deut 2:34).

Реципрок, образуемый от переходных глаголов: *wa-yuippārədu_N iš me-šal ?āhiw* ‘они **расстались_N**’, букв. ‘отделились один от другого’ (Gn 13:11, \sqrt{prd}), ср. \sqrt{prd} H *hiprid* ‘он отделил_H (ягнят от взрослых животных)’ (Gn 30:40), *nošādu* ‘они **усло-**

вились_N (о встрече) (Am 3:3, √yʿd), ср. √yʿd H *mi yoʿid_{H-ān}i* 'Кто может вызвать_H меня (на поединок)?' (Jer 49:19).

Прямой рефлексив, образуемый от переходных глаголов: *ʔässäter_N* 'я скроюсь_N' (Gn 4:14, √str), ср. √str H *yastir* 'он скроет_H (свои намерения)' (1 S 20:2), *himmāleʿ_N* 'спасайся_N' (Gn 19:17, √mlʿ), ср. √mlʿ D *milləʿ_{D-ānu}* 'он спас_D нас' (2 S 19:10) и *malleʿi_D* *ʔät napšek_{акк.}* 'Спаси_D себя_{акк.}!' (1 R 1:12).

Косвенный рефлексив/медий от переходных глаголов: *nišʔol nišʔal_N mimmāni dāwid* 'Дело в том, что Давид **отпросился_N** у меня (навестить родных)' (1 S 20:6; √ʔl G 'спрашивать'), *himmōlu_N* '**Совершите себе_N** обрезание!' (Jer 4:4, √mwʿ), ср. G √mwʿ *wa-yuʾamol* 'он обрезал_G (им крайнюю плоть)' (Gn 17:23); *hiwwāsari_N* 'Научись_N! (= усвой предупреждение!)' (Jer 6:8, √ysr), ср. √ysr D 'учить, наказывать, воспитывать'.

Декаузатив, образованный от переходных глаголов с каузативной семантикой: *nipṭəhu_N ha-ššāmāyim* 'небеса **раскрылись_N**' (Ez 1:1, √pṭh) ← G *pātaḥ* 'открывать', *wa-yuʾiwāled_N la-ḥānok ʔät ʕirād* 'У Еноха **родился_N** Ирад' (Gn 4:18, √yld) ← H √yld *holid* 'зачать (об отце)'.

Рефлексивный каузатив, образованный от каузативных глаголов: *nišbāʕti* 'я клянусь_N' (= вызываю на себя проклятие в случае нарушения обещания, Gn 22:16, √šbʕ) ← H √šbʕ 'заклинать', ср. *hišbāʕti_H ʔātḵām* 'я заклинаю_H вас_{акк.}' (Cant 2:7), *ʔal tiwwādəʕi_N lā-ʔiš* 'Не **позволяй** этому человеку **узнать тебя_N**' (Ru 3:3, √wdʕ) ← H √wdʕ 'сообщить (= позволить узнать)'.

Субъектный имперсонал (обычно 3-е лицо единственного числа мужского рода имперфекта в значении настоящего узуального): *ʕal ken yeʔāmar_N* 'поэтому говорят/говорится_N' (Gn 10:9, √ʔmr) ← *ʔmr* G 'говорить', *lo yeʔāsān ken* 'так (у нас) не делается_N' (Gn 29:26, √ʕsy) ← √ʕsy G 'делать', *lā-zot_{акк.} yikḵāre ʔiššā* 'Эту_{акк.} называют_N «женщина»' (Gn 2:23, √krʔ) ← √krʔ G 'называть'.

Пассив: *wa-yuʾimah_G ʔät kol ha-yūm... wa-yuʾimmāhu_N* 'Он **уничтожил_G** всё живое... <перечисление жертв>, так что они **были уничтожены_N**' (Gn 7:23, √mḥy), *wə-hi lo yittənā_N lo lā-ʔiššā* 'а она не **выдана_N** замуж за него' (Gn 38:14, √ntn) ← G √ntn 'давать'.

Изредка N употребляется для отыменной деривации, наиболее прозрачный пример — частотный глагол *nibbā* 'пророчествовать' ← *nābi* 'пророк'.

Dt — единственная деривативная *t*-форма, сохранившаяся в Д.я. Формально *Dt*-порода образуется префиксацией *t*- к основе *D*-породы, однако в корпусе есть немало частотных корней, *Dt*-производные которых по семантике прозрачно соотносятся с *G* или *H* при отсутствии *D*-форм. Вероятно, в Д.я. *t*-формы были в какой-то мере продуктивными и могли образовываться по модели *Dt* не только от *D*, но также от *G* и *H*, употребляясь как детранзитивные дериваты глаголов всех этих трех пород.

По набору словообразовательных значений *Dt*-глаголы близки к *N*-глаголам. В корпусе немало синонимов, образованных по обоим породным моделям от одного корня (см. примеры ниже). Иногда такие синонимы встречаются в одном пассаже, что, возможно, связано с литературной природой корпуса: *wa-yuʾiḥabbe_{Dt} hā-ʔādām <...> wā-ʔeḥābe_N* 'Человек **спрятался_{Dt}** <от Бога, и на вопрос Бога: «Где ты?» ответил, — «Я испугался и» **спрятался_N**»' (Gn 3: 8 сл., √ḥbʔ).

Ниже детранзитивное значение *Dt* иллюстрируется примерами *Dt*-глаголов, которым в корпусе не соответствуют *D*-глаголы. Принимаются во внимание лишь производные лексемы с надежно установленной семантикой и частотными корнями.

Рецепрок: *Dt* √ykh 'судиться' (*ʕim yišrāʔel yitwakkāḥ* 'Он **вступит в тяжбу_{Dt}** с Израилем' (Mi 6:2), ср. *H* 'упрекать, обвинять'); *Dt* √yʕš 'совещаться' (*yūyāʕū ʕal šərunākā* 'Они сговариваются (букв. **совещаются**) против тех, кому ты покровитель-

ствуешь' (Ps 83:4), ср. G 'советовать'); для этого корня засвидетельствована также N-форма, синонимичная Dt (*yiwwā'āsu yahdāw* 'Пусть они совещаются вместе!' (Jes 45:21)); Dt \sqrt{rb} 'держаться пари с кем-либо' (*hit'ārāb-nā ?āt-?ādoni ?āt-mālāk ?āššur* 'Поспорь с моим господином, царем Ассирии' (2 R 18:23), ср. G 'поручаться, гарантировать').

Прямой рефлексив: \sqrt{hb} ? Dt (и N) 'прятаться', ср. N 'прятать' (G и D нет, за исключением однажды засвидетельствованной в Job 24:4 формы внутреннего пассива G или D).

Декаузатив и рефлексивный каузатив: \sqrt{ngp} Dt 'спотыкаться' (Jer 13:16), ср. G 'ударять, поражать', \sqrt{rgz} Dt 'придти в ярость', ср. N 'приводить в возбуждение' (G 'трястись'), \sqrt{mkr} Dt 'продавать себя (в рабство)' (Deut 28:62), ср. G 'продавать', N 'быть проданным' и 'продавать себя', \sqrt{skr} Dt 'наниматься' (Hag 1:6), ср. G 'нанимать', $\sqrt{šmm}$ Dt 'изумляться' (Jes 59:16), ср. G 'быть потрясенным, испуганным'.

Пассив: $\sqrt{rʕ}$ Dt 'быть разбитым' (Jes 25:19), ср. G 'разбивать'; \sqrt{sl} Dt 'быть ограбленным' (Ps 76:6), ср. G 'грабить', $\sqrt{špk}$ Dt 'быть вылитым' (Job 30:16), ср. G 'выливать'.

По продуктивной морфологической модели Dt, в Д.я. образуются отыменные непереходные глаголы, часто с рефлексивным оттенком в значении: *hāsād* 'верность' → *hihāssed* 'обнаруживать верность' (Ps 18:26 // 2 S 22:26), *hātān* 'зять' → *hihāttan* 'породниться; стать зятем', *uəhudi* 'иудей' → *hityahed* 'провозглашать себя иудеем' (Est 8:17).

Пассив в Д.я. может выражаться также пассивными формами переходных глаголов G-, D- и N-пород.

Внутренний пассив D (Dp или puʕal) засвидетельствован 417 раз, внутренний пассив H (Hp или horʕal) — 390 раз (в обоих случаях включаются причастия и infinitivus absolutus). Внутренний пассив G (Gp) засвидетельствован, по наиболее осторожному из подсчетов, 86 раз для 22 корней, в том числе 27 раз для \sqrt{yld} 'рожать', 15 раз для \sqrt{lkh} 'брать', семь раз для \sqrt{ntn} 'давать', пять раз для $\sqrt{ʕkl}$ 'есть, пожирать'. Из 86 вхождений Gp 56 составляют формы qātal, 20 — uiqtol, пять — wa-uuiqtol, две — wə-qātal; засвидетельствованы также три отглагольных прилагательных.

Внутренний пассив G-породы постулируется в грамматической традиции потому, что у ряда глагольных корней (в особенности у приведенных выше корней с базовой лексической семантикой) неоднократно встречаются пассивные по значению формы, морфологический облик которых в суффиксальном спряжении тождествен Dp, а в префиксальном спряжении — Hp, однако других форм D-породы и (или) H-породы для этих корней в корпусе нет. Такие пассивные формы принято считать реликтами Gp (о формальных аспектах Gp см. выше в этом разделе). Ср., например, G \sqrt{lkh} 'брать': Gp перф. *luqqaḥ* 'он был взят', префиксальная форма Gp *wa-ttuqqaḥ* 'она была взята'. Для этого корня хорошо засвидетельствована также N-порода в пассивном значении, например N перф. *nilqaḥ* 'он был взят/захвачен'.

На архаичный характер Gp указывает не только редкость этой формы в текстах, но и то, что у Gp засвидетельствовано отглагольное прилагательное (или «причастие») *kuṭṭāl*, отличное от частотного пассивного отглагольного прилагательного G-породы *qāṭul*: *hassənā bofer*_{прич. G} *bā-?eš wə-hassənā ?enānmu ?ukkāl*_{прич. Gp} '(Он увидел:) куст горит_{прич. G} в огне, но куст — он не «**пожирается**»_{прич. Gp} (огнем)' (Ex 3:2, $\sqrt{ʕkl}$), *ta-nnaʕāšā la-nnāʕar ha-yuullād*_{прич. Gp} 'Что нам следует делать с мальчиком, **которому предстоит родиться**_{прич. Gp}?' (Jdc 13:8, \sqrt{yld}).

Формы внутреннего пассива G, как и формы N-породы, могут употребляться в 3-м лице единственного числа мужского рода в значении субъектного имперсонала: *ʕāglat*_{ж. р.} *bāqār ?āšār lo ʕubbad*_{Gp 3 л. ед. ч. м. р.} *bāh*_{ж. р.} 'телка_{ж. р.}, на которой_{ж. р.} **не**

пахали_{Гр 3 л. ед. ч. м. р.} (Deut 21:3, \sqrt{fbd}), *yuttan*_{Гр 3 л. ед. ч. м. р.} *ʔät*_{акк.} *ʔäbišag*_{ж. р.} 'Пусть Авишаг_{акк. ж. р.} отдадут_{Гр 3 л. ед. ч. м. р.} (замуж)' (1 R 2:21, \sqrt{ntn}).

Флективные формы пассива разных пород, образованные от того или иного конкретного корня, могут быть очень близки по значению между собой и по отношению к N-дериватам, например \sqrt{nts} G 'разбивать, разрушать': *tannur... yuttaš*_{Гр имперф.} 'Пусть печь будет разбита_{Гр имперф.}' (Lev 11:35), *nuttaš*_{Др перф.} *mizbah habbāšal* 'Алтарь Ваала разрушен_{Др перф.}' (Jdc 6:28), *ʔārāw nittašu*_{N перф.} 'Его города разрушены_{N перф.}' (Jer 4:26).

К продуктивным лексическим средствам выражения пассива относятся причастия Др и Нр (2.4.0.), а также пассивные отглагольные прилагательные *kāṭul*, образованные преимущественно от глаголов G-породы. В тексте Ветхого Завета есть 1003 вхождения прилагательных *kāṭul* в разных синтаксических функциях (атрибутивные и субстантивированные прилагательные, а также именные предикаты); они образованы от 40–45 глагольных корней, при этом более 70 вхождений приходится на формы прилагательного *bāruk* 'благословенный' (← \sqrt{brk} D 'благословлять', либо отыменное от *bārākā* 'благословение'), 40 вхождений — на *ʔārur* 'проклятый' (← $\sqrt{ʔrr}$ G 'проклинать'). Так как в корпусе имеется более 1550 глагольных корней, то прилагательные *kāṭul* едва ли были продуктивными.

Вероятно, что финитный внутренний пассив D утрачивался в период создания текстов Ветхого Завета. Из 417 вхождений Др 188 приходится на причастные образования по морфологической модели *məkuṭṭāl*; многие из них представляют собой прилагательные и существительные с качественным значением, которым в корпусе не сопоставлены финитные формы, например $\sqrt{šgʕ}$ *məšuggāšim* 'безумцы, «ненормальные»' (в корпусе нет финитных форм с этим корнем), *məšorāš* 'пораженный кожной болезнью' (← *šarāfat* 'кожная болезнь'), \sqrt{ydr} G 'знать' *məyuddāš* 'близкий, знакомый человек' (для этого частотного корня нет финитных D-форм).

Истолкование семантики индикативных финитных форм представляет собой один из наиболее спорных вопросов древнееврейской грамматики. Трудности возникают уже при установлении репертуара форм. В «максимальном» варианте набор глагольных форм, участвующих в выражении видо-временных отношений, включает шесть элементов. Ниже приводятся условные названия этих форм и их морфологические ярлыки:

- «перфект» *qātal* (синтетическая суффиксальная форма);
- «имперфект» (или футурум) *yiqtol* (синтетическая префиксально-суффиксальная форма);
- нарративная форма (или «претерит») *wa-yuqtol*; в литературе его часто называют *imperfectum consecutivum*;
- «консекутивный перфект» *wə-qātal*;
- «консекутивный футурум» *wə-yiqtol*;
- «презенс» (или предикативное причастие) *S qotel*.

В национальной еврейской грамматической традиции Средних веков была разработана темпоральная теория древнееврейского глагола: *qātal* — прошедшее время, *yiqtol* — будущее, *qotel* — настоящее. Так как в прозаическом тексте *wa-yuqtol* имеет значение прошедшего времени, а *wə-qātal* — преимущественно значение будущего, то еврейская грамматика наделила префигированный элемент *w* (предположительно союз 'и') в составе этих форм способностью «переворачивать» временную семантику исходных синтетических спряжений: *w + yiqtol* = прошедшее, *w + qātal* = будущее. Префикс *w* в этих формах так и называли «*waw ha-hipruḥ*» («*w* переворачивания»).

Форма *wə-yiqtol* не представляет трудностей для традиционной грамматики, ибо, подобно простой форме *yiqtol*, она имеет семантику будущего. Однако подход национальной грамматики соответствует лишь части фактических данных.

Во влиятельных работах немецкого библеиста Х. Эвальда (1827, 1870) и английского гебраиста С. Драйвера (1874, 1892) была разработана аспектуальная теория древнееврейского глагола. Х. Эвальд первым ввел в гебраистику (и тем самым в семитскую филологию) термины «перфект» (= *qātal*) и «имперфект» (= *yiqtol*), использовал их для обозначения совершенного и несовершенного видов. Аспектуальная теория получила широкое признание: она была перенесена на другие древние семитские языки и до сих пор преобладает в учебной литературе по Д.я. Суть аспектуальной теории (особенно у С. Драйвера) можно сформулировать следующим образом: морфологическая форма обоих синтетических спряжений кодирует только аспект, а семантика времени (прошедшее для «перфекта», будущее для «имперфекта») представляет собой лишь контекстуальную импликацию видовых значений.

Аспектуальная теория XIX в. в своих наиболее последовательных проявлениях не отделяла «простые» формы от форм с префигурованным *w-* и приписывала *wə-qātal* перфективное видовое значение, а *wa-yūiqtol* — имперфективное. Этот постулат противоречит фактическим данным, в частности потому, что *wa-yūiqtol* используется в тексте как основная нарративная форма. Столь радикальное расхождение теории с фактами привело к тому, что в наиболее информативной из описательных грамматик Д.я. (В. Гезениуса и Э. Кауча, последняя переработка сделана в 1909 г.) предлагаются много-многозначные соответствия между формами и значениями: едва ли не каждой из признанных глагольных форм приписывается более одного значения времени и вида и наоборот — каждому значению времени или вида сопоставлено более чем по одной форме.

Работы Й. Кнудзона (1892) и Х. Бауэра (1910) положили начало сравнительно-исторической интерпретации древнееврейского глагола. В ходе сравнительно-исторических исследований в XX в. широко распространилось представление, согласно которому *wa-yūiqtol* представляет собой реликт прасемитского претерита **yVqtul*, «перфект» *qātal* по происхождению — инновационная западносемитская форма, которая восходит к отглагольному имени с результативной семантикой, а «имперфект» *yiqtol* продолжает инновационную центральносемитскую форму настоящего-будущего (или имперфектива) **yaqtulu*. Однако в итоге диахроническая перспектива дала не слишком много для синхронного понимания древнееврейского глагола. Во-первых, дискуссия о темпоральной или аспектуальной природе глагола в каждом из древних семитских языков до сего дня не принесла общепризнанных результатов. Во-вторых, представленный выше репертуар древнееврейских глагольных форм и правила их распределения не имеют полноценных аналогов в других древних центральносемитских языках, вследствие чего сравнение с родственными языками далеко не всегда способно прояснить функционирование этих форм в тексте.

В последние десятилетия в исследовании древнееврейского глагола распространились теории, ориентированные не на сравнительно-историческую семитскую проблематику, а на некоторые направления современной синхронной лингвистики. Так, немецкий гебраист В. Шнайдер последовательно применил к Д.я. основные понятия текстлингвистической теории Х. Вайнриха, который заменяет время коммуникативной категорией «речевой перспективы», а аспект — «рельефом». Примеру В. Шнайдера последовали другие ученые, так что в 80–90-х гг. XX в. возникла целая школа

текстлингвистической интерпретации древнееврейского глагола. В частности, голландский лингвист Х. Байен считает семантические характеристики глагольных форм в Д.я. (вид и время) импликатурами их прагматических функций — создания информационной структуры речевого взаимодействия.

Можно заметить, что эта синтаксическая и текстлингвистическая школа в целом все же ближе к темпоральному, чем к аспектуальному пониманию глагола в Д.я. В частности, итальянский гебраист А. Никкаччи (1990) предложил темпоральную интерпретацию в рамках лингвистики текста. Американский лингвист Г. Хатав в книге 1997 г. отказалась от макросинтаксического подхода и предложила анализ времени, вида и модальности в глаголе Д.я. с позиций теоретико-истинностной семантики (англ. *truth conditional semantics*). Этот анализ привел ее к выводу о последовательно атемпоральном характере древнееврейского глагола. С совсем других позиций атемпоральную гипотезу отстаивает известный немецкий исследователь Й. Троппер, работающий в рамках сравнительной семитской филологии.

К началу XXI в. общепризнанное понимание семантики глагольных форм Д.я. по-прежнему не выработано. Разногласия между исследователями отчасти объясняются тем, что они работают с разными теориями времени, вида и модальности. Предлагаемое ниже описание видо-временной семантики древнееврейского глагола теоретически нейтрально; его целью является формулировка минимально необходимого числа правил, которые позволяют описать наиболее частотные морфологические и синтаксические способы выражения видо-временных отношений в корпусе.

Диалогическая речь и повествование описываются по отдельности, так как в Д.я. видо-временное значение глагольных форм и их репертуар отчасти зависят от речевого жанра (или «режима интерпретации») — диалога либо нарратива.

В качестве корпуса для описания видо-временной семантики используется только так называемая «стандартная проза» (в англоязычной терминологии *Standard Biblical Hebrew*), то есть повествовательные части Пятикнижия, Книг Иисуса Навина, Судей, 1 и 2 Самуила, 1 и 2 Царей, Руфи, Ионы, Исаяи и Иеремии. В этом корпусе присутствует нормативный шаблон употребления глагольных форм, немногочисленные отклонения от которого (преимущественно в Книгах Царей) можно считать «ошибками» в пользу разговорного языка авторов. Есть основания предполагать, что известный нам по Ветхому Завету и из небольшого эпиграфического корпуса первой половины I тыс. до н. э. литературный Д.я. находился в отношениях диглоссии с вернакуляром авторов стандартной прозы и эпиграфики, при этом разрыв между литературной нормой и разговорным языком был наиболее заметен в глагольной семантике. Литературный язык использовал как инновационные глагольные формы (свойственные вернакуляру), так и архаические формы, не употреблявшиеся в устной речи.

В заведомо поздних повествовательных текстах (например, в Книге Есфирь) норма стандартной прозы поколеблена за счет того, что с глагольной семантикой классического образца конкурировали употребления «мишнаитского» типа, вероятно, отражавшие диалект, который стал основой новой литературной нормы лишь в начале христианской эры.

Классические поэтические тексты (псалмы и пророческая поэзия) исключаются из рассмотрения, так как в них употребление глагольных форм резко отклоняется от прозаической нормы. Глагольная семантика в поэтическом корпусе понята плохо. Некоторые авторы даже предполагали, что в псалмах выбор финитных форм вообще не связан с временными отношениями в тексте, но едва ли это справедливо.

В несвязанных (то есть не придаточных и не включенных в цепочные конструкции) предложениях диалогической речи употребляются три глагольные формы индикатива: *S qotel*, *qātal* и *yiqtol* (о цепочных конструкциях в речи от первого лица см. 2.5.4.). Основу кодирования временных отношений в диалоге составляет трехступенчатая дейктическая система: *S qotel* обозначает ситуации, одновременные моменту речи, *qātal* указывает на предшествование моменту речи, *yiqtol* — на следование ситуации за моментом речи. Ср. следующие примеры: *lo ken ?ānāhnu₁ ?ošim₂през.* 'Мы₁ (сейчас) действуем₂през. неправильно' (2 R 7:9; в контексте это настоящее актуальное, неопредельный процесс), *hinne hālāmti_{перф.} hālom ?od* 'Послушайте: я снова видел_{перф.} сон' (Gn 37:9; в контексте «перфектная» семантика), *bə?od šəlōšāt yāmim yiššā_{имперф.} par?o ?āt rošākā* 'Через три дня фараон возвысит_{имперф.} твою голову' (Gn 40:13; предсказание, перфективная ситуация), *?ābi yissar_{перф.} ?ātqām ba-ššo?im wa-?āni ?āyasser_{1имперф.} ?ātqām bā-?akrabbim* 'Мой отец наказывал_{перф.} вас бичами, а я буду наказывать_{1имперф.} вас скорпионами' (1 R 12:11; хабитуальные ситуации в прошлом и будущем).

В большинстве придаточных предложений с одним предикатом, для которых точка отсчета составляет момент речи, временные отношения кодируются теми же тремя глагольными формами. Это относится прежде всего к придаточным относительным и придаточным-сентенциальным аргументам: *darkénu ?āšār ?ānāhnu holākim_{през.} ?ālāhā* 'наш путь, которым мы идем_{през.}' (Jdc 8:5), *?āmhā_{1имперф.} ?āt hā-?ādām ?āšār bārāti_{1перф.}* 'Я уничтожу_{2имперф.} человечество, которое я создал_{1перф.}' (Gn 6:7), *?āl ?āšār telaki_{1имперф.} ?elek_{2имперф.}* 'Я пойду_{2имперф.} (туда), куда ты пойдешь_{1имперф.}' (Ru 1:16).

Как видно из этих примеров, в независимых предложениях диалогической речи (и в упомянутых выше типах придаточных, распространяющих эти предложения) морфологические облики «перфекта» *qātal* и «имперфекта» *yiqtol* кодируют лишь временные значения, а аспектуальная семантика целиком зависит от контекста.

Ниже подробнее рассматриваются способы выражения семантики одновременно-сти и временного следования в диалоге.

Как отмечалось выше, значение абсолютного настоящего выражается преимущественно перифрастическим «презенсом» *S qotel*: это активное предикативное причастие, согласующееся в роде и числе с подлежащим-существительным или местоимением, которое обязательно выражается поверхностно в соответствующей предикации. Лишь изредка в кратких придаточных предложениях субъект предикативного причастия представлен нулевым анафором: *mā ?āwoni... lipne ?ābikā; ki ?i, mēbaqqeš ?āt napši* 'В чем моя вина... перед твоим отцом_i, что он (= ?i) стремится погубить меня?' (1 S 20:1).

S qotel в значении настоящего времени выражает как процессы, так и состояния, наблюдаемые в момент речи: *hinne ?ānoki niššāb_{през.} ?al ?en ha-mmāyim wu-bnot anše hā-šir yošə?ot_{през.} liš?ob māyim* 'Вот, я стою_{през.} у источника воды, и дочери горожан выходят_{през.} черпать воду' (Gn 24:13; стативная ситуация и предельный процесс), *hā-?ārās ?āšār ?attā šokeb_{през.} ?ālāhā* 'земля, на которой ты (сейчас) лежишь_{през.}' (Gn 28:13; стативная ситуация).

В следующих случаях одновременность ситуации с моментом речи может выражаться «имперфектом» *yiqtol*.

В независимых предложениях *yiqtol* употребляется в значении настоящего актуального в частновопросительных предложениях, однако и в этом контексте встречается презенс, который здесь, по-видимому, обязателен для стативных глаголов: *ta-tēbaqqeš_{имперф.}... ?āt ?aḥay₁ ?ānoki mēbaqqeš_{2през.}* 'Что ты ищешь_{имперф.}? — Я ищу_{2през.} своих братьев₁' (Gn 37:15 сл), *lāmtā takkā_{имперф.} re?ākā* 'Почему ты бьешь_{имперф.} сво-

его товарища?’ (Ex 2:13; ситуация развертывается на глазах говорящего), *mā ?attām ?ošim*_{през.} ‘Что **вы** делаете_{през.}?’ (Jdc 18:18; говорящий спрашивает о смысле того, что происходит в момент речи), *mā ?attā ro?ā*_{през.} *sir nāpūaḥ ?āni ro?ā*_{през.} ‘Что **ты** видишь_{през.}? — **Я** вижу_{през.} вскипевший котел’ (Jer 1:13; стативная ситуация), *maddūaḥ ?attā yošeb*_{през.} *lābaddāka* ‘Почему **ты** сидишь_{през.} (здесь) один?’ (Ex 18:14; стативная ситуация).

Форма *uqtol* изредка употребляется в значении настоящего актуального в придаточных относительных: *?enāyik₁ ba-ššādā₂ ?āšār₃ yiqšorun₄*_{имперф.} ‘Твои глаза₁ на поле₂ (= гляди на поле), которое₃ **жнут**₄_{имперф.}’ (Ru 2:9).

Хабитуальные и узуальные ситуации в плане настоящего кодируются формой *uqtol* либо презенсом: *ha-ššoḥad uḥawwer*_{имперф.} *pikḥim* ‘Взятка ослепляет_{имперф.} зрячих’ (Ex 23:8), *nešaḥ yišrā?el lo ušakker*_{имперф.} *wā-lo yinnāhem*_{имперф.} ‘Слава Израиля (= Бог) не лжет_{имперф.} и не раскаивается_{имперф.}’ (1 S 15:29), *lo yešāšā*_{имперф.} *ken* ‘Так (у нас) не делается_{имперф.}’ (Gn 29:26), *ʕal ken ?āni zobēaḥ*_{през.} *la-YNWH kol-pātār rāḥām ha-zzakārim* ‘поэтому я жертвую_{през.} Господу всякого первенца мужского пола’ (Ex 13:15).

В перформативном значении употребляется *qātal*: *bi nišbāʕi*_{перф.} ‘я **клянусь**_{перф.} собой’ (Gn 22:16). Выбор формы *qātal* для этой функции объясняется тем, что имперфект еще в дописьменный период стал утрачивать значение дейктического настоящего, а презенс представляет собой инновативную форму, в нашем корпусе еще не успевшую проникнуть во все типы контекстов с семантикой настоящего времени. В поздних библейских текстах, в еврейских текстах из Кумрана и в Мишне перформативная функция обслуживается презенсом (вероятно, под влиянием арамейского).

Одновременность ситуации с точкой отсчета, отличной от момента речи, выражается в диалоге презенсом. При этом презенс имеет семантику несовершенного вида, как и при употреблении в качестве абсолютного настоящего.

Пример одновременности с точкой отсчета в прошлом: *?āt-matkónāt ha-llābenim ?āšār hem ?ošim*_{през.} *tamol šilšom tāšimu ?ālehām* ‘Норму выработки кирпичей, которую они **выполняли**_{през.} прежде, назначьте им (снова)’ (Ex 5:8). В этом примере обстоятельство времени «прежде» создает для презенса в придаточном относительном синхронную точку отсчета. Если убрать из текста *tamol šilšom* ‘прежде’, то придаточное будет соотноситься с моментом речи: ‘норму, которую они **выполняют**’.

Примеры презенса, выражающего одновременность с точкой отсчета в будущем: *la-mmōved ha-zzā kāvet ḥayyā ?atti ḥobāḳāt*_{през.} *ben* ‘Через год в это время **ты** будешь обнимать_{през.} сына’ (= ‘у тебя будет сын’) (2 R 4:16), *māḥār ?ānoki niššāb*_{през.} *ʕal roš ha-ggibʕā* ‘Завтра **я** буду стоять_{през.} (= находиться) на вершине холма’ (Ex 17:9), *hinne ʕod-āk*_{ж. р.} *mādabbārāt*_{през.} *šām ʕim ha-mmālāk wa-?āni ?ābo*_{имперф.} *ʕaḥārāy-ik* ‘Вот, **ты**_{ж. р.} еще будешь говорить_{през.} там с царем, а я войду_{имперф.} (туда) после тебя’ (1 R 1:14). В двух первых примерах точка отсчета для презенса задана обстоятельствами времени, в третьем — ситуацией следующего предложения *?ābo* ‘я войду’.

Абсолютное будущее в независимых предложениях кодируется формами *uqtol* и *S qotel*. Помимо примеров *uqtol* в значении будущего, уже приведенных выше, ср. также следующий: *wa-uotaru ?anše yābeš māḥār neše*_{имперф.} *?ālekām* ‘Жители Иабеша ответили: «Завтра мы **выйдем**_{имперф.} к вам»’ (1 S 11:10).

В настоящем описании принимается, что выбор разных глагольных форм в *māḥār neše* ‘завтра **мы** **выйдем**’ (*uqtol*) и *māḥār ?ānoki niššāb*_{през.} *ʕal roš ha-ggibʕā* ‘Завтра **я** **буду** **стоять**_{през.} на вершине холма’ (Ex 17:9, *qotel*) определен тем, что в первом случае точкой отсчета является момент речи, а во втором — *māḥār* ‘завтра’. Презенс

S qotel, синхронный точке отсчета, всегда включает ее, и потому имеет имперфективное видовое прочтение.

Однако презенс в значении абсолютного будущего получает перфективное прочтение: *mā ʔādoni mādabber*_{през.} *ʔäl-ʕabdo* 'Что мой господин **прикажет**_{през.} своему рабу?' (реакция на слова Божьего вестника; Jos 5:14); *ʔāni holek*_{през.} *ʔelāw wə-hu lo uāšub*_{имперф.} *ʔelāy* '<Разве я могу вернуть его?> я-то **отправляюсь**_{през.} к нему (= умру), а он не вернется_{имперф.} ко мне' (ответная реплика в рамках «внутреннего диалога»; 2 S 12:23); *ʔānoki met*_{през.} '<Иосиф сказал своим братьям:> «Я (скоро) **умру**»' (Gn 50:24).

Презенс в значении проспективного будущего нередко вводится частотной презентативной частицей *hinne* 'вот' (= 'обрати внимание'), например *hinne ʔānoki yoše*_{през.} *meʕimmāk* 'Вот, **я уйду**_{през.} (= 'собираюсь уйти') от тебя' (Ex 8:25). Так же могут оформляться предложения с презенсом в значении настоящего актуального: *hinne hu yoše*_{през.} *likrātākā* 'Вот (= 'погляди'), **он идет**_{през.} тебе навстречу' (Ex 4:14; предельный процесс в моменте речи). Различие между презенсом S qotel в значении настоящего и будущего трудно формализовать.

Для отрицания перфекта и индикатива имперфекта используется частица *lo*, для отрицания презенса — отрицательное экзистенциальное слово *ʔayin/ʔen* со связанными субъектными местоимениями, совпадающими с приглагольными объектными формами: *ʔen-ānni*_{отриц. + я} *noten*_{през.} *lākām tābān* '**Я** (больше) **не дам**_{през.} вам соломы' (Ex 5:10).

Формы *wə-qātal* и *wə-yiqtol* появляются в диалоге как медиальные звенья цепочных конструкций, которые представляют собой важнейшую черту древнееврейского синтаксиса; эти конструкции рассматриваются в 2.5.4.

В повествовательной речи главная глагольная форма — претерит *wa-uīqtol*. Претерит засвидетельствован и в нарративных пассажах древнееврейской эпиграфики.

Формально претерит представляет собой имперфект *yīqtol* с префиксом *waC*, последний согласный которого принимает сегментное значение непосредственно следующего за ним префиксального согласного имперфекта: *waC + yī-qtol > wa-yūiqtol*, *waC + ti-qtol > wattiqtol* и т. д. Этимология префикса *waC* не известна и является предметом многочисленных гипотез. В частности, неоднократно предполагалось, что *waC* — это соединительный союз **wa-* 'и' + презентативная частица 'вот', содержащая согласный *n*. Р. Хеэрон считает, что *waC* — фонологически редуцированная и грамматикализованная форма вспомогательного глагола 'был' (**hawaya*). Многие авторы полагают, что *wa-yūiqtol* — «(прото)масоретский» конструкт второй половины I тыс. н. э., а для эпохи создания текстов Ветхого Завета следует постулировать простое сочетание союза **wa-* 'и' с финитными префиксальными формами. В поддержку этой теории часто указывают на то, что александрийский филолог Ориген (III в. н. э.) в транскрипции древнееврейского текста средствами греческого алфавита в релевантных местах не передавал геминацию префиксального согласного.

Диахронически *wa-yūiqtol* восходит к прасемитскому претериту **yVqtul* (см. выше). У глаголов со «слабыми» радикалами (и у всех глаголов Н-породы) в формах без суффиксов *wa-yūiqtol* и *yīqtol* регулярно различаются обликами основы, причем с исторической точки зрения эти различия объясняются тем, что в Д.я. *wa-yūiqtol* преемствен с прасемитским претеритом **yVqtul*, а *yīqtol* — с центральносемитским «настоящим-будущим» **yaqtulu*. Это морфологическое противопоставление основ наиболее наглядно у глаголов с R_{3y}, где оно с начала письменной фиксации Д.я. выражается средствами консонантного письма. Так, *yi-bnā-θ* (*ybnh*) 'он постройт' противопостав-

ляется *wa-yūi-bän-θ* (*w-ybn*) 'он построил', где θ символизирует нулевой суффикс обеих форм. Однако конститутивным элементом нарративной формы является не «краткий» облик основы, а лишь префикс *waC*, так как грамматическое значение глагольной формы определяется именно им: в корпусе рядом с «краткими» формами вида *wa-yūibän* встречаются «долгие» формы вида *wa-yūibnä* с тем же значением ('он построил').

Претерит используется как аспектуально нейтральная повествовательная форма. Чаще всего он имеет перфективную семантику в том смысле, что в повествовательной цепочке каждый претерит продвигает нарративную точку отсчета вперед по временной оси, однако в контексте претерит может выражать стативные ситуации, «заимствующие» точку отсчета извне: *wa-yyedaš*_{прет.} *kāyin ?ät ?išto wa-ttāhar*_{прет.} *wa-ttēlād*_{прет.} *?ät hānok* 'Каин **познал**_{прет.} свою жену, она **забеременела**_{прет.} и **родила**_{прет.} Еноха' (Gn 4:17; претериты имеют аспектуальное значение последовательности); *wa-yyissaš*_{прет.} *mi-ššām ?abrāhām... wa-yyēšāb*_{прет.} *ben kādeš wu-ben šur wa-yyāgor*_{прет.} *bi-grār* 'Авраам **отправился**_{прет.} оттуда, он **жил**_{прет.} (или '**поселился**') между Кадедом и Шуром, он **находился**_{прет.} (в частности) в Гераре' (Gn 20:1; нарративная цепочка включает стативную ситуацию 'находился', «наследующую» точку отсчета предшествующего предиката).

Ситуация, включающая внешнюю по отношению к ней нарративную точку отсчета, выражается презенсом S qotel в разных видах клауз.

В нарративной цепочке точка отсчета кодируется претеритом, а одновременная ей ситуация выражается предикациями вида *wə-S qotel*: *wa-yyābo*_{прет.} *mal?ak YHWH wa-yyēšāb*_{прет.} *tāhat hā-?elā wə-gidšon hōbet*_{прет.} *hištim* 'Пришел посланник Господа и сел под дубом, а Гидеон (в это время) **молотил**_{прет.} пшеницу' (Jdc 6:11); *wa-yyómār*_{прет.} *šob ?āšub*_{имперф.} *?elākā... wə-šārā šomāšat*_{прет.} *pātaḥ hā-?ohāl* 'Он **сказал**_{прет.}: «Я **вернусь**_{имперф.} к тебе...». А Сара (в это время) **подслушивала**_{прет.} у входа в шатер' (Gn 18:10).

В повествовательной прозе хорошо засвидетельствован усложненный вариант этой предикации, имеющий вид *wə-hinne* (S) qotel: *wa-yyūqḥu*_{прет.} *?ät ha-mmartéah wa-yyūiptāḥu*_{прет.} *wə-hinne ?ādōnehām nopel*_{прет.} *?ársā met* 'Они **взяли**_{прет.} ключ и отперли_{прет.} (дверь), **и вот** их господин **лежит**_{прет.} на полу мертвый' (Jdc 3:25); *wa-yyābo*_{прет.} *?el hā-?iši wə-hinne θ_i šomed*_{прет.} *šal ha-ggəmallim šal hā-šāyīn* 'Он подошел_{прет.} к этому человеку, **и вот** он [= θ_i] **стоит**_{прет.} с верблюдами у источника' (Gn 24:30); *wa-yyūimšā?*_{прет.} *-éhu_i ?iš wə-hinne θ_i tošū*_{прет.} *ba-ššādä* 'Его_i **встретил**_{прет.} некий человек, **и вот** он [= θ_i] **блуждает**_{прет.} по степи' (Gn 37:15). Как и в случае нарративной предикации *wə-S qotel*, временная точка отсчета кодируется претеритами, однако предикация *wə-hinne* (S) qotel, включающая презентивную частицу *hinne* 'вот', синтаксически эквивалентна придаточному дополнительному при глаголе зрительного восприятия (т. е. *hinne* указывает на синхронное восприятие ситуации с точки зрения персонажа). Как видно из примеров, подлежащее в предикации *wə-hinne* (S) qotel может быть не представлено поверхностно, если его референт назван в предыдущем предложении.

В повествовании презенс употребляется также в разного типа придаточных предложениях, временной интервал которых включает точку отсчета, содержащуюся в соответствующих главных предложениях, например: *wə-hem lo yādāšu*_{имперф.} *ki šomēāš*_{прет.} *yosep* 'А они не знали_{имперф.}, что Иосиф **понимает**_{прет.} (то, что они говорят друг другу)' (Gn 42:23); *wa-ttorid*_{прет.} *-em ba-ḥābāl bəšad ha-ḥallon ki... ba-ḥomā hi yošābāt*_{прет.} 'Она спустила_{прет.} их на веревке через окно <за пределы городской стены>, так как <...> она **жила**_{прет.} в стене' (Jos 2:15).

Следование ситуации за нарративной точкой отсчета («будущее-в-прошедшем») выражается формами *yiqtol*, преимущественно в придаточных предложениях, реже в сочиненных звеньях нарративной цепочки: *wā-ʔālišāʕ ḥālā*_{перф.} *ʔät ḥolyo ʔāšār yamut*_{имперф.} *bo* 'А Елисей заболел_{перф.} болезнью, от которой ему предстояло умереть_{имперф.}' (2 R 13:14); *wa-yuīkkaḥ*_{перф.} *ʔät bəno ha-bbəkor ʔāšār yimlok*_{имперф.} *taḥtāv wa-yuafālehu ʔolā ʔal ha-ḥomā* 'Он взял_{перф.} своего сына-первенца, которому предстояло царствовать_{имперф.} после него, и принес его в жертву всеожжения на крепостной стене' (2 R 3:27); *wa-yuēdaʕ*_{перф.} *ʔonān ki lo lo yihyū*_{имперф.} *ha-zzāraʕ* 'Онан понимал_{перф.}, что потомство будет принадлежать_{имперф.} не ему' (Gn 38:9); *wa-yuālinu*_{перф.} *šām ʔārām yaʕābōru*_{имперф.} 'Они остановились_{перф.} там, прежде чем пересечь_{имперф.} 3 л. мн. ч. (реку)' (Jos 3:1); *wa-yuābo*_{перф.} *ḥuṣay reʕā dāwid ḥā-ʕir wā-ʔabsālom yābo*_{имперф.} *yəru-šālāyim* 'Хушай, друг Давида, вошел_{перф.} в город, а Авессалом (в этот момент) собирался войти_{имперф.} в Иерусалим' (2 S 15:37).

Изредка значение «будущего-в-прошедшем» кодируется презенсом: *wā-ʔārʔä*_{перф.} *ki ʔen-kā mošiaʕ*_{перф.} 'Я понял_{перф.}, что ты не сможешь_{перф.} (не собираешься помочь) (мне)' (Jdc 12:3; рассказ от первого лица).

В цепочке нарративных клауз предшествование по отношению к точке отсчета может выражаться формой *qātal* в составе предикации *wə-S qātal*: *wa-yuābōʔu ʕad qəse maḥāne ʔārām wə-hinne ʔen šām ʔiš w-adonāy hišmiaʕ*_{перф.} *ʔät maḥāne ʔārām ʔol rākāb* 'Они дошли до края арамейского лагеря — и вот, там никого нет. А Господь сделал так, что арамейское войско услышало_{перф.} звук колесниц <большого вражеского войска, и бросилось бежать из лагеря>' (2 R 7:5 сл.).

В придаточных относительных и дополнительных предшествование по отношению к ситуации главного предложения выражается формой *qātal*, как и в диалогической речи: *wa-tteše min ha-mmākom ʔāšār ḥayətā*_{перф.} *šāmmā* 'Она ушла из тех мест, где она жила_{перф.}' (Ru 1:7), *wa-yuīsməʕu pəlištim ki hiḥkabbəšu*_{перф.} *bəne yišrāʕel ha-mmispāʔā* 'Филистимляне узнали, что израильтяне собралась_{перф.} в Мицпе' (1 S 7:7).

Между диалогом и нарративом обнаруживается сходство при кодировании временных отношений в несвязанных (т. е. немедиальных) клаузах и придаточных предложениях. Следование ситуации за моментом речи и нарративной точкой отсчета выражается преимущественно формой *yiqtol*, а предшествование — формой *qātal*. Одновременность любой точке отсчета в диалогической речи выражается предикативным причастием *qotel*. В повествовании *qotel* также используется для указания на ситуацию, синхронную нарративной точке отсчета.

Таким образом, в рассмотренных выше типах контекстов финитные формы индикатива ведут себя как показатели относительного времени. При этом *S qotel* получает преимущественно имперфективную видовую интерпретацию (ее оттенки зависят от лексической семантики глагола), а *qātal* и *yiqtol* обнаруживают преимущественно перфективные видовые прочтения.

О временных отношениях в цепочных конструкциях см. 2.5.4.

2.3.6. Именным лексемам Д.я. присуща категория *о п р е д е л е н н о с т и*. Неопределенные имена не маркируются, основным показателем определенности является артикль *ha-*, при присоединении которого первый согласный имени удваивается: *ha-mmālāk* 'царь (определенный)'. Если после первого согласного следует *ə*, удвоения обычно не происходит, в особенности при начальных сочетаниях *yə-* и *mə-* (главным образом, в причастиях): *ha-ylədim* 'дети', *ha-mqassā* 'покрывающий'. Поскольку гуттуральные и *r* не удваиваются, присоединение артикля к именам, начинающимся с

этих согласных, следует особым правилам. Перед *ʔ* и *r* гласный артикля меняется на *ā* (компенсаторное удлинение): *hā-ʔiś* 'человек', *hā-roš* 'голова'; как правило, этот процесс затрагивает также имена на *ʕ* (*hā-ʕir* 'город'). Перед *h* и *ḥ* гласный *a* артикля, как правило, сохраняется, несмотря на отсутствие геминации («виртуальное удвоение»): *ha-ḥārāb* 'меч', *ha-hekāl* 'дворец'. Кроме того, перед *hā*, *ḥō*, *ʕō* и безударными *hā*, *ʕā* артикль принимает форму *hā-* (*hā-hākām* 'мудрец', *hā-ḥōdāsim* 'месяцы', *hā-ʕōmārim* 'снопы', *hā-hārim* 'горы', *hā-ʕāwōn* 'нечестье', но *hā-ʕām* 'народ', *hā-hārā* 'в гору'). Имена *ʔārāš* 'земля', *har* 'гора', *ḥag* 'праздник', *ʕam* 'народ', *par* 'бык', *ʔaron* 'ковчег' при присоединении артикля изменяют свою форму: *hā-ʔārāš*, *hā-hār*, *hā-ḥag*, *hā-ʕam*, *ha-ppār*, *hā-ʔaron*. При присоединении предлогов *lā-*, *kā-* и *bā-* к именам с артиклем имеет место элизия *-h-*: *la-mmālāk* 'царю' (< **lā-ha-mmālāk*).

Помимо существительных, снабженных артиклем, определенными являются существительные в сопряженном состоянии и имена собственные (тем не менее, некоторые имена собственные всегда употребляются с артиклем: *ha-llābānōn* 'Ливан', *ha-yūarden* 'Иордан'). Сочетание двух определителей при одной именной форме не допускается (исключения редки: *kol hā-ʕām hā-ʔārāš* 'весь народ страны' в Ez 45.16, *ha-mmālāk ʔaššur* 'царь Ассирии' в Jes 36.8). В атрибутивной синтагме с определенным существительным имя прилагательное также приобретает артикль: *ha-mmālāk ha-ggādol* 'великий царь', *mālāk yiśrāʔēl ha-ggādol* 'великий царь Израиля', *malk-ēnu ha-ggādol* 'наш великий царь', *loʔ ha-holek ʔit-ʔabrām* 'Лот, ходивший с Авраомом'. Согласование по определенности свойственно также указательным местоимениям (*hā-ʔārāš₁ ha-zzot₂* 'эта₂ страна₁'), однако в этом случае наблюдаются исключения (так, указательные местоимения обычно выступают неопределенными при именах с местоименными энклитиками: *dabāreṇu zā* 'это наше слово'). Установлено, что в поэтических текстах (в первую очередь архаических) употребление артикля менее регулярно, чем в прозе: так, например, в Песни Деборы (Jdc 5) обозначения терминов ландшафта, в классической прозе обычно определенные, неоднократно выступают без артикля: *ʔārāš* 'земля', *šāmāyim* 'небо', *ʕābim* 'облака', *hārim* 'горы' (во всей Песни в целом отмечено всего десять примеров употребления артикля).

Указательные местоимения ближнего дейксиса: *zā* 'этот (ед. ч. м. р.)', *zot* 'эта (ед. ч. ж. р.)', *ʔēllā* 'эти (мн. ч.)'. Форма единственного числа женского рода имеет редкий вариант *zo* (около десяти примеров, большинство из которых сосредоточено в Книге Екклесиаст, где стандартная форма не представлена; еще один вариант этой формы *zu* в современной гебраистике обычно рассматривается как относительное местоимение, см. 2.3.7.). Форма *ʔēllā* имеет редкий вариант *ʔel* (главным образом, в Пятикнижии). Выступая в атрибутивной функции при определенном имени, указательные местоимения, как правило, принимают определенный артикль (*hā-ʔiś ha-zzā* 'этот человек' vs. *zā hā-ʔiś* 'это — человек', 'вот человек'). Изредка отмечаются формы, в которых между артиклем и указательным местоимением появляется дейктический элемент IV: *ha-llā-z(ā)*, *ha-llē-zu* (*ha-ssālaʕ ha-llāz* 'эта скала', *hā-ʔiś hallāzā* 'этот человек', *hā-ʔārāš ha-llēzu* 'эта земля'). В отдельных случаях употребление артикля фактически синонимично употреблению указательного местоимения ближнего дейксиса: *ha-llāylā* 'этой ночью', *ha-ppāʕam* 'в этот раз'. Для выражения дальнего дейксиса используются личные местоимения 3-го лица: *hā-ʔārāš hā-hi* 'та страна'.

2.3.7. Для некоторых существительных характерны черты нерегулярного словоизменения. Помимо лексем, рассмотренных в 2.2.1., заслуживают упоминания следующие имена с нерегулярным словоизменением: *ʔāḥ* 'брат' — мн. ч. *ʔaḥ-im*

(в st. constr. *ʔāh-e*, с мест. энкл. *ʔāh-aw* ‘его братья’, *ʔah-ay* ‘мои братья’, *ʔahé-kā* ‘твоя братья’, *ʔāhe-hām* ‘их братья’); *ʔāhot* ‘сестра’ и *ʔāmā* ‘рабыня, служанка’ — мн. ч. **ʔāḥayot* (*ʔahyotay* ‘мои сестры’) и *ʔāmāhot*; *máyim* ‘вода’ (pluralia tantum) — status constructus с редупликацией *mete* (наряду с регулярной формой *me*; перед местоименными энклитиками возможна только редуплицированная форма: *meté-ni* ‘наша вода’); *pā* ‘рот’ — st. constr. *pi* и несколько вариантов формы множественного числа, в том числе редуплицированное образование *pipiyuot*.

Для глагола характерны два типа личных форм: инфинитивы и причастия.

Выделяются два типа инфинитивных форм, абсолютная (infinitivus absolutus) и сопряженная (infinitivus constructus). Абсолютный инфинитив в основной породе имеет форму *qāṭol*. Наиболее обычной формой сопряженного инфинитива в основной породе является *qəṭol* (с мест. энкл. *kotb-o* ‘его писание’), лишь у некоторых глаголов с имперфектом на *a* распространена форма *qəṭal* (*šəkab* ‘лежать’, с мест. энкл. *šikb-āh*, *šokb-ākā*, *šokb-o* ‘ее/твое/его лежание’, но ср. *ləmod* ‘изучать’ при имперфекте *yilmad*, *šəṭóaf* ‘слышать’ при имперфекте *yišmaʕ* и др.). Сопряженный инфинитив широко употребителен в различных синтаксических позициях, в частности с предлогами (*šəwā* quiescens после первого корневого согласного показывает, что с целевым предлогом *lə* формы сопряженного инфинитива образуют единое фонетическое слово: *linpol* ‘чтобы упасть’ vs. *bi-nṗol* ‘при падении’). Употребление абсолютного инфинитива ограничено следующими функциями: паронимастическая конструкция с личной глагольной формой (*hā-mālok timlok ʔālénu ʔim māšol timšol bānu* ‘Неужели **царствованием** ты будешь царствовать над нами, неужели **правлением** ты будешь нами править?’), Gn 37.10); пояснение к личной глагольной форме (*qəburat ḥāmor yikkāber sāḥob wə-hašlek me-hāləʔā lə-šəʔare yərušālayim* ‘Его похоронят как осла: **потащат** и **выбросят** за ворота Иерусалима’, Jer 22.19); повеление (*lāqóah ʔāt-ha-ssəpārim hā-ʔəllā* ‘**Возьми** эти документы’, Jer 32.14); нарративная форма в консеккутивных цепочках после личных глагольных форм, как правило с союзом *wə* ‘и’ (*wa-yuarkeb ʔoto bə-mirkābāt ha-mmīšnā ʔāšār lo... wə-nāton ʔoto ʔal kol ʔārāš mišrāyim* ‘Он передал ему для езды свою вторую колесницу... и **поставил** его над всем Египтом’, Gn 41:43).

Основные формы инфинитивов производных пород: *nipʔal* inf. constr. *hiqqāʔel*, inf. abs. *hiqqāʔel* (также *hiqqāʔol*, *niqqol*); *piʕel* inf. constr. *qāʔtel*, inf. abs. *qāʔtel* (также *qāʔtol*); *puʕal* inf. constr. не засвидетельствован, inf. abs. *quʔtol*; *hipʕil* inf. constr. *haqʔtil*, inf. abs. *haqʔtel*; *hopʕal* inf. constr. не засвидетельствован, inf. abs. *hoqʔtel*; *hitpaʕel* inf. constr., inf. abs. *hitqāʔtel*.

Модели активных и пассивных причастий в основной породе имеют вид *qoʔel* (ед. ч. ж. р. *qoʔālāt*, реже *qoʔalā*, *qoʔelā*, мн. ч. м. р. *qoʔelim*, ж. р. *qoʔelot*) и *qāʔul* (ед. ч. ж. р. *qəʔulā*, мн. ч. м. р. *qəʔulim*, ж. р. *qəʔulot*). У глаголов с перфектами типов *qāʔel* и *qāʔol* форма активного причастия может совпадать с основой перфекта (в некоторых грамматиках Д.я. такие формы называются глагольными прилагательными): *yāšən* ‘он спал/спящий’, *yāgor* ‘он боялся/боящийся’, но ср. *šāne* ‘он ненавидел’/šone ‘ненавидящий’. Основные формы причастий производных пород: *nipʔal* *niqqāl* (ж. р. *niqqālāt*, реже *niqqālā*), *piʕel* *məqāʔtel*, *puʕal* *məquʔtāl* (редкие беспрефиксальные формы типа *ʔukkāl* ‘съеденный’, *luqqāh* ‘взятый’ иногда относят к пассиву *qal*, см. выше в 2.3.5.), *hipʕil* *maqʔtil* (ж. р. *maqʔilā*, с переносом ударения на суффикс в отличие от спрягаемых форм типа *hiqʔilā*), *hopʕal* *muqʔāl* (также *moqʔāl*), *hitpaʕel* *mitqāʔtel*.

Нерегулярные черты присущи спряжению некоторых частотных глагольных лексем: *hlk* 'ходить' спрягается как глагол с *Iy* в породах *kal* (имперф. *yelek*, юссив с *waw* consecutivum *wa-yyélläk*, имп. *lek*, inf. constr. *läkkät*) и *hipʿil* (перф. *holik*, имперф. *yolik*, юссив *yolek*, с *waw* consecutivum *wa-yyóläk*, имп. *holek*, inf. constr. *holik*, прич. *molik*); глагол *ykl* 'мочь' имеет перфект *yäkol*, имперфект *yukal*, inf. constr. *yäkolät*; в глаголе *lkh* 'братъ' *l* ассимилируется в преконсонантной позиции, как в глаголах *In* (см. 2.3.5.); частотный глагол со значением 'простираться ниц, совершать земной поклон' имеет перф. *hištaḥāwā*, имперф. *yištaḥāwā* (с *waw* consecutivum *wa-yyištāḥu*), inf. abs. *hištaḥāwot* (диахроническая интерпретация этих форм остается спорной: реликт каузативно-рефлексивной породы с *š*-префиксацией от корня *ḥwy* или особое образование с инфиксом *t* и редупликацией третьего корневого согласного от корня *šhy*).

У некоторых слабых глаголов полугласный занимает различное положение в отдельных позициях парадигмы: *ʔob* 'он был хорош' (*Iw/y*) — *yīṭab* 'он будет хорош' (*Iw/y*), *yāgor* 'он боялся' (*Iw/y*) — *yāgur* 'он будет бояться' (*Iw*), *yīqas* 'он проснется' (*Iw/y*) — *heqis* 'он пробудил' (*Iw/y*) и др.

Степени сравнения прилагательных не имеют специального морфологического оформления. Сравнительная степень выражается сочетанием прилагательного с предлогом *min*: *ma-mmatoḵ mi-ddabaš wu-mä ʕaz me-ʔāri* 'Что слаще меда и что сильнее льва?' (Jdc 14.18). Сходным образом *min* употребляется при глаголах с адъективным значением: *wa-yyigbah mi-kkol-hā-ʕām* 'Он стал выше всего народа'. Превосходная степень выражается присоединением к прилагательному определенного артикля (*bāno ha-kkātān* 'его младший сын', также 'его маленький сын', различие между двумя переводами обусловлено контекстом) или постановкой его в сопряженное состояние перед существительным во множественном числе (*ḵaṭon bānāw* 'его младший сын', букв. 'маленький (из) сыновей его').

Личные местоимения изменяются по родам (мужской и женский), числам (единственное и множественное) и падежам (прямой и косвенный; в 1-м лице единственного числа представлено троичное противопоставление номинатива, генитива и аккузатива). Формы прямого падежа самостоятельные, в косвенном падеже местоимения выступают в виде энклитик при именах, глаголах и предлогах.

Относительное местоимение имеет неизменяемую форму *ʔāšār* 'который'. В некоторых библейских произведениях (подробнее см. 1.5.0.) вместо или наряду с *ʔāšār* используется этимологически не связанная с ним форма *šā*, присоединение которой влечет за собой удвоение первого согласного слова: *ha-kkikāyon... šā-bbin-ha-llāyā hāuā* 'клещевина... которая возникла за одну ночь', Jon 4.10 (наряду с *šā* засвидетельствованы также варианты *ša*, *šə* и, перед гортанным взрывом, *šā*). В поэтических произведениях встречается относительное местоимение *zu*: *ʕam zu gāʔāltā* 'народ, который ты избавил' (Ex 15.13), *rāšāt zu ṭāmānu* 'сеть, которую они спрятали' (Ps 9.16); спорадически в этой функции употребляется также форма *zā*, тождественная указательному местоимению единственного числа мужского рода (*har ʕiyyon zā šākāntā bo* 'гора Сион, на которой ты поселился', Ps 74.2). В поздних текстах (главным образом, Книги Хроник и Ездры) отмечается употребление в функции относительного местоимения определенного артикля: *kol ha-hikdiš šəmuʔel* 'все, что освятил Самуил' (1C 26.28). Примеры такого рода отмечаются и в более ранних произведениях, однако большая часть релевантных глагольных форм перфекта в консонантной записи идентична формам причастий: *noʕmi ha-ššābā mi-ššāde moʔāb* 'Нооми, которая вернулась из полей моавских' (Ru 4.3; нельзя исключать, что вместо масоретского *ha-ššābā* в такого рода пассажах следует читать *ha-ššābā* 'вернувшаяся').

Вопросительные местоимения имеют следующие формы: *mi* 'кто?', *mā* 'что?', *?e-zā* 'какой?'. Местоимение *mā* чаще всего выступает в проклитической форме *ma* с удвоением первого согласного следующего слова: *ma-ttitten li* 'Что ты дашь мне?' (Gn 15.2); неклитическая форма этого местоимения часто имеет вид *mā*.

Для Д.я. не характерны специальные формы неопределенных и отрицательных местоимений (исключение составляет слово *məʔúmā* 'что-либо, ничего': *ki taššā bə-rešākā maššat məʔúmā* 'если ты берешь у ближнего своего залог, состоящий из чего-либо', Deut 24.10; *lo titten li məʔúmā* 'Не давай мне ничего', Gn 30.31). При одушевленном референте в функции неопределенного/отрицательного местоимения употребляется слово *?iš* 'человек, мужчина' (*?im yitten ?iš ?ät-kol-hon beto bā-ʔahābā boz yabūzu lo* 'Если кто-нибудь отдаст все богатство дома своего за любовь, его будут лишь презирать', Cant 8.7; *?iš lo yaʔālā ʔimmāk* 'Никто не поднимется с тобой', Ex 34.3), иногда — *?ādām* с тем же значением (*?ādām ki yaqrib mi-kkām qorbān la-ʔHWH* 'если кто-нибудь из вас приносит жертву Господу', Lv 1.2). При неодушевленном референте используется слово *dābār* 'вещь, слово, дело' (*hā-yippāle me-ʔHWH dābār* 'Есть ли что-нибудь недостижимое для Господа?', Gn 18.14; *raq lā-ʔānāšim hā-ʔel ?al-taʔāšu dābār* 'но этим людям не делайте ничего', Gn 19.8).

В функции возвратного местоимения употребляется, главным образом, слово *nāpāš* 'душа' с местоименными энклитиками: *wa-yuʔāʔhābēhu yāhonātān kə-napšo* 'Ионафан полюбил его, как самого себя' (1S 18.1), *?al-taššiʔu napšote-kām* 'не обманывайте самих себя' (Jer 37.9).

Продуктивные способы образования наречий для Д.я. не характерны, специфически адвербиальные лексемы относительно немногочисленны. Единственным надежно выделяемым адвербиальным маркером является суффикс *-ām*, с помощью которого от существительных и прилагательных образованы некоторые широко употребительные наречия: *?omn-ām* 'подлинно, верно', *ʔinn-ām* 'бесплатно; зря, понапрасну', *reḳ-ām* 'с пустыми руками', *yom-ām* 'днем' (см. также *pitʔ-om* 'внезапно' и, возможно, *šilš-om* 'третьего дня'). В адвербиальной функции употребляются прилагательные (*rāhoḳ* 'далеко', *mar* 'горько', *rišonā* 'в начале'), существительные без предлога (*ha-yuom* 'сегодня', *yāḥad* 'вместе', *bāʔaḥ* 'надежно', *mešārim* 'по праву, справедливо') и с предлогом (*lā-bad* 'одиноко', *bə-šālom* 'мирно'), абсолютный инфинитив, главным образом породы *hipʔil* (*harbe* 'много', *heṭeb* 'хорошо'). Другие часто встречающиеся наречия: *məʔod* 'очень, много', *ʔattā* 'теперь', *māḥar* 'завтра', *?āz* 'тогда', *ken, ko* 'так', *po* 'здесь', *šām* 'там', *hālom* 'сюда'. Важнейшие вопросительные наречия: *?ayyā* 'где?', *?epo* id., *?ānā* 'куда?', *mātau* 'когда?', *?ek* 'как?', *lāmmā* 'почему?', *maddūaʔ* id. Адвербиальным конструкциям европейских языков в Д.я. нередко соответствуют сочетания двух глагольных форм, первая из которых в том или ином отношении модифицирует значение второй (гендиадис): *wa-yuʔāšob wa-yuʔaḥpor* 'он снова выкопал' (букв. 'он вернулся и выкопал'), *wa-ymaḥer wa-yuʔasar* 'он быстро удалил' (букв. 'он был скор и удалил').

В корпусе Ветхого Завета отмечено довольно большое число междометий, выражающих горе (*?āhāh, hoy*), радость (*hāʔāḥ*), призыв к тишине (*has*), просьбу, извинение (*bi*, в сочетании *bi ʔādoni* 'пожалуйста, господин мой'), призыв к действию (*lākā*, букв. 'приди!', *hābā*, букв. 'дай!').

Важнейшие предлоги и союзы рассматриваются в 2.3.4. и 2.5.4. соответственно.

2.4.0. Образцы парадигм.

Личные местоимения (самостоятельные формы)

		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ед. ч.	м. р.	<i>ʔāni, ʔānoki</i> (пауз. <i>ʔāni, ʔānoki</i>) ¹	<i>ʔattā</i> (пауз. <i>ʔāttā, ʔāttā</i>) ²	<i>hu</i> (𐤇𐤍) ⁴
	ж. р.		<i>ʔat</i> (пауз. <i>ʔāt</i>) ³	<i>hi</i> (𐤇𐤍)
Мн. ч.	м. р.	<i>ʔānāḥnu</i> (пауз. <i>ʔānāḥnu</i>) ⁵	<i>ʔattām</i>	<i>hēmṁā (hem)</i> ⁷
	ж. р.		<i>ʔatten (ʔattān, ʔattēnā, ʔattēnā)</i> ⁶	<i>hēnnā</i>

Примечания: 1. Присутствие *ā* (вм. ожидаемого *ā*) в первом слове местоимения *ʔānoki* синхронно и исторически нерегулярно и не получило убедительной интерпретации (*ā* вм. ожидаемого *ā* в первом слове местоимения *ʔāni* несколько менее необычно, но также нуждается в объяснении). Форма *ʔāni* встречается в целом чаще, чем *ʔānoki*, главным образом за счет практически полного отсутствия *ʔānoki* в позднем Дя. (Иезекииль, Хроники, Даниил, Ездра, Екклесиаст, Жреческий кодекс Пятикнижия и др.). В классических памятниках *ʔāni* и *ʔānoki* встречаются с сопоставимой частотностью (в некоторых произведениях — например, Пятикнижие без Жреческого кодекса — *ʔānoki* преобладает), выбор между ними может быть обусловлен синтаксическими и стилистическими факторами.

2. В трех случаях (Nu 11.14, Deut 5.24, Ez 28.14) местоимение 2-го лица единственного числа мужского рода имеет форму *ḥ*, тождественную форме женского рода (см. ниже).

3. В графике форма *ʔat* имеет вид *ḥ*, интерпретация *ḥ* неясна (*ʔat, ʔatt* или *ʔāt-tə*; любая из трех гипотез предполагает нерегулярные, с точки зрения древнееврейской фонологии, явления). Семь раз в Библии для этого местоимения засвидетельствована форма *ʔty* (kətib; в *ḳere ʔat*), указывающая на сохранение *-i* в ауслауте (< прасем. **ʔantī*).

4. В корпусе Пятикнижия консонантная форма мужского рода для местоимения 3-го лица единственного числа (𐤇𐤍) по неясной причине регулярно употребляется по отношению к референтам женского рода. Рекомендуемое традицией чтение (*ḳere*) в таких случаях имеет форму женского рода (в огласованном виде — 𐤇𐤍).

5. Несколько раз в Библии засвидетельствована краткая форма местоимения 1-го лица множественного числа *nāḥnu*, соответствующая родственным формам других семитских языков (араб. *naḥnu*, аккад. *nīnu* и др.). Эта форма может интерпретироваться как общесемитский архаизм, однако более вероятно вторичное отпадение *ʔa-*. В Jer 42.6 (kətib) засвидетельствована форма *ʔnw* (в *ḳere ʔnāḥnu*), соответствующая форме *ʔānu*, обычной для мишнитского языка.

6. Все формы 2-го лица множественного числа женского рода редкие, наиболее регулярно (три раза) отмечается форма *ʔattēnā*.

7. Форма *hēmṁā* несколько более частотна, чем *hem*, однако в сочетании с артиклем чаще встречается *hem (hā-hem 'te')*.

Имена с местоименными энклитиками

sus 'лошадь', мн. ч. *sus-im*

Местоименная энклитика		1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
		Имя в ед. ч.	Имя во мн. ч.	Имя в ед. ч.	Имя во мн. ч.	Имя в ед. ч.	Имя во мн. ч.
Ед. ч.	м. р.	<i>sus-i</i>	<i>sus-ay</i>	<i>sus-ākā</i>	<i>sus-ākā</i>	<i>sus-o</i>	<i>sus-āw</i>
	ж. р.			<i>sus-ek</i>	<i>sus-ayik</i>	<i>sus-āh</i>	<i>sus-āhā</i>
Мн. ч.	м. р.	<i>sus-ēnu</i>	<i>sus-ēnu</i>	<i>sus-ākām</i>	<i>sus-ekām</i>	<i>sus-ām</i>	<i>sus-ehām</i>
	ж. р.			<i>sus-ākān</i>	<i>sus-ekān</i>	<i>sus-ān</i>	<i>sus-ehān</i>

При присоединении энклитик к именам во множественном числе между основой и энклитикой в консонантной записи регулярно присутствует графема *y*: סוסאָו (susáw), סוסאָה (susáhá) и др. Таким образом, формы *susénu* 'наша лошадь' и *susénu* 'наши лошади', в бездолготной фонологической записи выглядящие как омонимы, систематически противопоставляются на письме (סוסאָו vs. סוסאָו). Таким же образом паузальная форма для *susəká* 'твоя лошадь' (*susáká*) отличается от *susáká* 'твои лошади' (סוסאָו vs. סוסאָו).

При присоединении к именам *?áb* 'отец', *?áh* 'брат' и *pä* 'рот' в единственном числе между основой и энклитикой появляется *i*, а энклитики 3-го лица выступают в особой *h*-содержащей форме: *?áb-i-ká* 'твой отец', *?áb-i-hu* (также *?áb-i-w*) 'его отец', *?áb-i-há* 'ее отец', *?áb-i-häm* 'их отец'. Кроме того, *h*-содержащие энклитики присоединяются к именам на *-ä*: *mar?é-hu* 'его вид', *mar?á-há* 'ее вид' (*mar?ä* 'вид, облик'). Изредка отмечается присоединение этих энклитик к именам других классов (*lā-min-éhu* 'по роду его', *min* 'род, тип'), а также к именам во множественном числе (*gibboré-hu* 'его войны', Na 2.4).

Для энклитики 2-го лица единственного числа женского рода спорадически отмечается архаичный вариант с исходом на *-i*: *?áwon-éki* 'твое нечестие' (Ps 103.3), *mənuháy-ki* 'твой покой'.

Энклитика 3-го лица единственного числа мужского рода *-o* обычно пишется с помощью буквы *w* (ו), однако в нескольких десятках случаев засвидетельствована более архаичная запись с *h* (סוסאָו *siro* 'его осел', Gn 49.11).

Спорадически отмечается ослабление *-h* в местоименной энклитике 3-го лица единственного числа женского рода: *səfār-á* 'ее волосы' (Lv 13.4, вм. ожидаемого *səfār-áh*).

В поэтических текстах энклитика 3-го лица множественного числа мужского рода может выступать в форме *-(á)mo*: *həlb-ámó* 'их жир' (Ps 17.10), *šaré-mó* 'их враги' (Deut 32.27).

Изредка отмечаются варианты энклитик 2-го и 3-го лица множественного числа с исходом на *-á*: *-kána*, *-héma*, *-hána*.

Глаголы с местоименными энклитиками

Перфект

Глагольные формы			Местоименные энклитики				
			Ед. число				
			1-е л.	2-е л.		3-е л.	
М. р.	Ж. р.	М. р.		Ж. р.			
Ед. ч.	3-е л.	м. р.	<i>kəʔál-áni</i>	<i>kəʔál-əká</i>	<i>kəʔál-ek</i>	<i>kəʔál-o</i>	<i>kəʔál-áh</i>
		ж. р.	<i>kəʔálát-ni</i>	<i>kəʔálát-kā</i>	<i>kəʔálát-äk</i>	<i>kəʔálát-tu</i>	<i>kəʔálát-tá</i>
	2-е л.	м. р.	<i>kəʔaltá-ni</i>	—	—	<i>kəʔalt-o</i>	<i>kəʔaltá-h</i>
		ж. р.	<i>kəʔaltí-ni</i>	—	—	<i>kəʔaltí-hu</i>	<i>kəʔaltí-ha</i>
	1-е л.	—	<i>kəʔaltí-ká</i>	<i>kəʔaltí-k</i>	<i>kəʔaltí-w</i>	<i>kəʔaltí-há</i>	
	Мн. ч.	3-е л.	<i>kəʔálu-ni</i>	<i>kəʔálu-ká</i>	<i>kəʔálu-k</i>	<i>kəʔálu-hu</i>	<i>kəʔálu-há</i>
2-е л.		<i>kəʔaltú-ni</i>	—	—	<i>kəʔaltú-hu</i>	—	
1-е л.		—	<i>kəʔaltnú-ká</i>	<i>kəʔaltnu-k</i>	<i>kəʔaltnú-hu</i>	<i>kəʔaltnú-há</i>	

Глагольные формы			Местоименные энклитики				
			Мн. число				
			1-е л.	2-е л.		3-е л.	
М. р.	Ж. р.	М. р.		Ж. р.			
Ед. ч.	3-е л.	м. р.	<i>ḳəṭāl-ānu</i>	—	—	<i>ḳəṭāl-ām</i>	<i>ḳəṭāl-ān</i>
		ж. р.	<i>ḳəṭālāt-nu</i>	—	—	<i>ḳəṭālāt-am</i>	—
	2-е л.	м. р.	<i>ḳəṭaltā-nu</i>	—	—	<i>ḳəṭaltā-m</i>	—
		ж. р.	<i>ḳəṭalti-nu</i>	—	—	<i>ḳəṭalti-m</i>	—
Мн. ч.	1-е л.	—	<i>ḳəṭalti-kām</i>	—	<i>ḳəṭalti-m</i>	<i>ḳəṭalti-n</i>	
	3-е л.	<i>ḳəṭālu-nu</i>	—	—	<i>ḳəṭālu-m</i>	<i>ḳəṭālu-n</i>	
	2-е л.	<i>ḳəṭaltū-nu</i>	—	—	—	—	
	1-е л.	—	<i>ḳəṭalnu-kām</i>	—	<i>ḳəṭalnu-m</i>	—	

Имперфект

(на примере форм 3-го лица единственного и множественного числа мужского рода)

Глагольные формы		Местоименные энклитики			
		Ед. число			
		1-е л.	2-е л.		3-е л.
М. р.	Ж. р.		М. р.	Ж. р.	
3-е л. ед. ч. м. р.	<i>yīḳṭəl-ēni</i>	<i>yīḳṭol-kā</i>	<i>yīḳṭəl-ek</i>	<i>yīḳṭəl-ēhu</i>	<i>yīḳṭəl-āhā</i>
3-е л. мн. ч. м. р.	<i>yīḳṭəlū-ni</i>	<i>yīḳṭəlū-kā</i>	<i>yīḳṭəlu-k</i>	<i>yīḳṭəlū-hu</i>	<i>yīḳṭəlū-hā</i>

Глагольные формы		Местоименные энклитики			
		Мн. число			
		1-е л.	2-е л.		3-е л.
М. р.	Ж. р.		М. р.	Ж. р.	
3-е л. ед. ч. м. р.	<i>yīḳṭəl-ēnu</i>	<i>yīḳṭol-kām</i>	—	<i>yīḳṭəl-em</i>	<i>yīḳṭəl-en</i>
3-е л. мн. ч. м. р.	<i>yīḳṭəlū-nu</i>	<i>yīḳṭəlu-kām</i>	—	<i>yīḳṭəlu-m</i>	<i>yīḳṭəlu-n</i>

Подобно притяжательным энклитикам, некоторые объектные энклитики имеют редкие варианты, например *-ki* во 2-м лице единственного числа женского рода, *-to* (*-tu*) в 3-м лице множественного числа.

Энклитика 3-го лица единственного числа мужского рода при присоединении к формам 2-го и 3-го лица единственного числа мужского рода и 3-го лица единственного числа женского рода перфекта может выступать в виде *h*-содержащего варианта: *ḳəṭaltā-hu*, *ḳəṭālā-hu*, *ḳəṭālāt-hu*. При присоединении ее к формам 1-го лица единственного числа перфекта наряду с формой *ḳəṭalti-w* зафиксирован вариант *ḳəṭalti-hu*.

Спорадически отмечается присоединение местоименных энклитик к формам имперфекта по правилам, характерным для их присоединения к формам перфекта: *tidbāḳ-āni* 'она пристанет ко мне' (Gn 19.19), *yilbāš-ām* 'он будет носить их' (Ex 29.30), *wa-yuakkir-āh* 'он узнал ее' (Gn 37.33), вм. ожидаемых *tidbāḳ-ēni*, *yilbāš-em*, *wa-yuakkir-éhā*.

При присоединении местоименных энклитик к формам имперфекта между глагольной формой и энклитикой может появляться *-n-* (*nun energicum*). Как правило, на стыке *-nk-* и *-nh-* происходит ассимиляция (> *-kk-* и *-nn-* соответственно): *yīḳṭəl-ākkā*,

yiqṭal-ánnu, yiqṭal-ánnâ. Формы с сохранением *-n-* встречаются довольно редко и считаются архаичными (например, *uṣobəb-ánnhu* 'он окружает его' и *yisṣər-ánnhu* 'он охраняет его' в Deut 32.10). В прозаических текстах местоименные энклитики с *nun epergicum* обычно не присоединяются к формам *wa-yuiqtol*: *tišmər-ánnu* 'ты будешь хранить его' vs. *wa-ttišmər-éhu* 'ты хранил его'.

Сильный глагол

Перфект

		3-е лицо	2-е лицо	1-е лицо
Ед. ч.	м. р.	<i>kātal</i> <i>kābed</i> <i>kāton</i>	<i>kāṭaltā</i> <i>kābādtā</i> <i>kāṭontā</i>	<i>kāṭalti</i> <i>kābādti</i> <i>kāṭonti</i>
	ж. р.	<i>kāṭalā</i> <i>kābədā</i> <i>kāṭanā</i>	<i>kāṭalt</i> <i>kābadt</i> <i>kāṭont</i>	
Мн. ч.	м. р.	<i>kāṭəlu</i> <i>kābədu</i> <i>kāṭənu</i>	<i>kəṭaltām</i> <i>kəbadtām</i> <i>kəṭontām</i>	<i>kāṭəlnu</i> <i>kābədnu</i> <i>kāṭənnu</i>
	ж. р.		<i>kəṭaltān</i> <i>kəbadtān</i> <i>kəṭontān</i>	

В Deut 32.36 встречается архаичная форма перфекта 3-го лица единственного числа женского рода *ʔāzəlat* 'она ушла'.

Спорадически отмечаются формы 2-го лица единственного числа женского рода с -у в консонантном тексте (*hlkty* 'ты ушла', Jer 31.21). В Qəre такие формы огласованы как нормативные (*hālakt*).

В какой мере Д.я. мог сохранить особую форму 3-го лица множественного числа женского рода, остается предметом дискуссии (см. *bānot šāʔād-ā ʔāle-šur* 'Дочери перешагнули через стену' в Gn 49.22, *kanpe yonā nāhrā ba-kkāsār* 'Крылья голубя покрылись серебром' в Ps 68.14 и некоторые другие примеры).

Имперфект

		3-е лицо	2-е лицо	1-е лицо
Ед. ч.	м. р.	<i>yiqṭol</i> <i>yikbad</i>	<i>tiqṭol</i> <i>tikbad</i>	<i>ʔäqṭol</i> <i>ʔäkbad</i>
	ж. р.	<i>tiqṭol</i> <i>tikbad</i>	<i>tiqṭəli</i> <i>tikbədi</i>	
Мн. ч.	м. р.	<i>yiqṭəlu</i> <i>yikbədu</i>	<i>tiqṭəlu</i> <i>tikbədu</i>	<i>niqṭol</i> <i>nikbad</i>
	ж. р.	<i>tiqṭólnā</i> <i>tikbədānā</i>	<i>tiqṭólnā</i> <i>tikbədānā</i>	

Трижды в Библии засвидетельствована форма 3-го л. мн. ч. ж. р. *yiqṭólnā* (*wa-yuehāmnā* 'они возбудились' в Gn 30.38, *wa-yuiššárnā* 'они пошли прямо' в 1S 6.12, *yaʕāmódānā* 'они восстанут' в Da 8.22).

Императив

	Ед. число	Мн. число
М. р.	<i>kəʔol</i> <i>kəbad</i>	<i>kiʔlu</i> <i>kibdu</i>
Ж. р.	<i>kiʔli</i> <i>kibdi</i>	<i>kəʔólnā</i> <i>kəbádnā</i>

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Структура словоформы в Д.я. обусловлена правилами слоговой структуры (см. 2.1.4.). Типы аффиксов, их структура и характер присоединения к корню (основе) в целом соответствуют общесемитской картине. Специфически древнееврейской чертой является большое число алломорфов у многих словоизменительных и словообразовательных морфем, появление которых обусловлено вокалическими чередованиями при сдвиге ударения. Морфологически аномальные слова отмечаются среди существительных и глаголов (см. 2.3.7.).

2.5.2. Основным средством именного словообразования является деривация производных имен (существительных и прилагательных) с помощью трансфиксов. Источником деривации, как правило, служат глагольные корни, деривация производных имен от первичных путем экстракции консонантного корня встречается относительно редко (*šofer* 'привратник' < *šáʕar* 'ворота', *boker* 'пастух' < *bākār* 'крупный рогатый скот', *kaššāt* 'лучник' < *kāšāt* 'лук', *miḳšā* 'бахча' < *kiššuʔim* 'вид дыни').

Важнейшие словообразовательные модели Д.я. описываются следующим образом.

I. С у б с т а н т и в н ы е м о д е л и.

1. Модели без внешних аффиксов.

$C_1\acute{a}C_2\grave{a}C_3$: *šābār* 'пролом, разрушение', *ḥāsād* 'милость', *qābār* 'могила'.

$C_1\acute{e}C_2\grave{a}C_3$: *zékār* 'память, упоминание', *ʕéqāb* 'следствие', *sétār* 'тайна'.

$C_1\acute{o}C_2\grave{a}C_3$: *ʔórāk* 'длина', *ʕóšām* 'мощь', *ḥóšāk* 'тьма'.

$C_1\acute{a}C_2\grave{a}C_3$: *rāʕāb* 'голод', *šābāʕ* 'сытость', *ḥāmās* 'насилие', *kāzāb* 'ложь'; с показателем женского рода *kəʔāla*: *šəḏāka* 'праведность', *šəʕāka* 'воплъ'.

Имена действия (состояния) с широким спектром значений и различной частотностью. Устойчивая ассоциация между формой и специфическим значением наблюдается редко (так, например, имена модели $C_1\acute{o}C_2\grave{a}C_3$ часто ассоциированы с глаголами качества и состояния, в то время как имена модели $C_1\acute{e}C_2\grave{a}C_3$ нередко обозначают результат действия переходных глаголов).

$C_1\acute{a}C_2\acute{o}C_3$: *hālok* 'ходить' (inf. abs.); *kābod* 'честь', *šālom* 'мир'.

Модель абсолютного инфинитива в основной породе, а также нескольких имен с абстрактным значением, связанных с глаголами качества и состояния.

$C_1\acute{a}C_2iC_3$: *ḥāriš* 'пахота', *kašir* 'жатва', *zāmīr* 'подрезание деревьев'.

Основной функцией данной субстантивной модели является обозначение сезонных видов сельскохозяйственной деятельности (имена действия с другими значениями встречаются редко: *hāgig* 'шепот').

$C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3\grave{a}t$: *šawwārāt* 'слепота', *dallāqāt* 'жар', *gabbāhat* 'лысина'.

Модель, обозначающая телесные недостатки и болезни (см. также *yabbāšāt* 'суша'). Диахронически связана с адъективной моделью $C_1iC_2C_2eC_3$, см. ниже.

$C_1\acute{a}C_2C_2\acute{a}C_3\grave{a}$: *baqqārā* 'забота', *baqqāšā* 'просьба', *nāḥāmā* 'утешение'.

$C_1iC_2C_2uC_3$: *šillum* 'воздаяние, расплата', *ḥibbuq* 'объятие', *šikkus* 'отвращение'.

Имена действия, как правило, ассоциированные с интенсивной породой. Модель $CaC_2C_2\acute{a}C_3\grave{a}$ нередко трактуется как заимствованная из арамейского.

2. Модели с префиксами.

Префиксация mV - характерна для нескольких моделей: $maC_1C_2\acute{a}C_3/miC_1C_2\acute{a}C_3$ (с показателем женского рода $maC_1C_2\acute{a}C_3\acute{a}$, $miC_1C_2\acute{a}C_3\acute{a}$, $maC_1C_2\acute{a}C_3\ddot{a}t$), $maC_1C_2oC_3/miC_1C_2oC_3$ (с показателем женского рода $miC_1C_2oC_3\ddot{a}t$), $maC_1C_2eC_3/miC_1C_2eC_3$ (с показателем женского рода $maC_1C_2eC_3\acute{a}$), $maC_1C_2uC_3$.

Предполагают, что исходным гласным префикса во всех моделях является a , который обычно присутствует в тех случаях, когда префикс представляет собой открытый слог, т. е. в образованиях от различных типов слабых корней: $ma\acute{?}ak\acute{a}l$ 'еда', $m\acute{a}qom$ 'место', также $mo\acute{s}a$ 'выход' < $*maw\acute{s}a\acute{?}$, $me\acute{?}ab$ 'наилучшее' < $*may\acute{?}ab$ (но ср. $mi\acute{s}or$ 'равнина' < $*mi\acute{y}\acute{s}\acute{a}r$). В закрытом слогe a может переходить в i или \acute{a} , при этом формы с mi -/ $m\acute{a}$ - типичны для основ с вокализмом \acute{a} , а формы с ma - — для основ с вокализмом e или u : $mi\acute{s}p\acute{a}t$ 'суд, правосудие', $mi\acute{s}k\acute{a}b$ 'ложе', $mikm\acute{a}r$ 'ловушка', $mil\acute{h}\acute{a}m\acute{a}$ 'война', $m\acute{a}rk\acute{a}b\acute{a}$ 'колесница' (но $mal\acute{?}ak$ 'посланник', $maml\acute{a}k\acute{a}$ 'царство'); $ma\acute{h}sor$ 'нехватка', $ma\acute{?}mon$ 'запас, клад', $mal\acute{k}o\acute{a}h$ 'добыча', $mi\acute{s}kol$ 'вес', $mizmor$ 'псалом'; $ma\acute{p}te\acute{a}h$ 'ключ', $ma\acute{?}der$ 'мотыга', $ma\acute{s}ser$ 'десятина', $ma\acute{h}pek\acute{a}$ 'ниспровержение, гибель', $ma\acute{s}et\acute{a}$ 'ненависть' (но $mizb\acute{e}a\acute{h}$ 'жертвенник', $mi\acute{s}ped$ 'траур'); $malbu\acute{s}$ 'одежда', $ma\acute{p}p\acute{u}a\acute{h}$ 'кузнечные мехи' (< nph 'дуть, раздувать'), $ma\acute{n}\acute{u}l$ 'засов'.

Для моделей с mV -префиксацией характерен широкий спектр значений (обозначения процесса и результата действия, имена места и времени, имена орудий). Корреляция между семантикой и формой у конкретных моделей изучена недостаточно, хотя некоторые тенденции известны (так, значительную часть имен модели $maC_1C_2eC_3$ составляют обозначения орудий труда).

Префиксация tV - в производных именах Д.я. встречается реже, чем в ряде других семитских языков (аккадском, арабском) и с меньшей степенью регулярности. Значительная часть имен этого типа образована от слабых корней ($\Pi w/y$, $\Pi = \text{III}$, Iw), часто с показателем женского рода. Наиболее распространенной является модель $t\acute{a}C_1uC_2\acute{a}$, демонстрирующая устойчивую ассоциацию с глаголами $\Pi w/y$ в каузативной породе: $t\acute{a}yud\acute{a}$ 'свидетельство' ($he\acute{?}id$ 'свидетельствовать'), $t\acute{a}rum\acute{a}$ 'приношение' ($herim$ 'поднимать; приносить в дар'). Примеры имен от других моделей с tV -префиксацией: $t\acute{a}hill\acute{a}$ 'прославление', $t\acute{a}pill\acute{a}$ 'молитва', $tardem\acute{a}$ 'глубокий сон', $toled\acute{a}$ 'поколение', $tip\acute{?}ar\acute{a}$ 'украшение', $ti\acute{k}w\acute{a}$ 'надежда', $tamrur-im$ 'горечь', $tan\acute{h}um-im/tan\acute{h}um-ot$ 'мольба'.

3. Модели с суффиксами.

$C_1iC_2\acute{a}C_3on$: $zikk\acute{a}ron$ 'память, воспоминание', $pi\acute{k}k\acute{a}don$ 'депозит', $bi\acute{?}t\acute{a}hon$ 'уверенность, безопасность'. В st. constr. имена этой модели имеют вид $C_1iC_2C_3on$ ($zikron$), однако в ряде случаев так выглядит и словарная форма: $ki\acute{s}ron$ 'успех', $yitron$ 'преимущество', $h\acute{a}sr\acute{o}n$ 'недостаток' (высокая концентрация таких форм отмечается в Книге Екклесиаст). Имена с суффиксом $-on$, образованные от корней с последним слабым, наряду с регулярным образованием $C_1iC_2C_3\acute{a}yon$ ($ni\acute{k}k\acute{a}yon$ 'чистота', $kill\acute{a}yon$ 'уничтожение', $her\acute{a}yon$ 'беременность') могут иметь форму $C_1\acute{a}C_2on$ ($h\acute{a}zon$ 'видение', $h\acute{a}ron$ 'гнев', $g\acute{a}ron$ 'гордость'). Этот же тип образования встречается у имен от корней с серединным слабым: $\acute{s}\acute{a}son$ 'радость' (st. constr. $\acute{s}\acute{a}son$), $z\acute{a}don$ 'наглость'.

II. А д ъ е к т и в н ы е м о д е л и.

$C_1\acute{a}C_2\acute{a}C_3$: $l\acute{a}b\acute{a}n$ 'белый', $h\acute{a}k\acute{a}m$ 'мудрый', $y\acute{a}\acute{s}\acute{a}r$ 'праведный'.

$C_1\acute{a}C_2eC_3$: $y\acute{a}be\acute{s}$ 'сухой', $k\acute{a}bed$ 'тяжелый', $z\acute{a}ken$ 'старый'.

$C_1\acute{a}C_2oC_3$: $\acute{?}adom$ 'красный', $\acute{?}arok$ 'длинный', $k\acute{a}do\acute{s}$ 'святой'.

Широкое распространение этих адъективных моделей (восходящих к прототипам с кратким гласным во втором слогe: $*C_1aC_2aC_3-$, $*C_1aC_2iC_3-$, $*C_1aC_2uC_3-$) является архаичной чертой,

объединяющей Д.я. с аккадским и противопоставляющей его другим западносемитским языкам, где их употребление имеет, в основном, реликтовый характер. Прилагательные модели $C_1\acute{a}C_2oC_3$ при присоединении аффиксов распадаются на два словоизменительных типа: в первом случае сохраняется *o*, а третий корневой согласный не удвоен (*gādol* ‘большой’ — мн. ч. *gādolim*); во втором случае *o* переходит в *u*, а третий корневой согласный удваивается (*šāmok* ‘глубокий’ — мн. ч. *šāmukkim*). Распределение между двумя типами детерминировано лексически, его диахроническая перспектива не вполне ясна (возможно, речь идет о смешении двух исторически различных адъективных моделей $*C_1aC_2uC_3$ - и $*C_1aC_2\acute{a}C_3$ -; кроме того, для ряда лексем нельзя исключать реконструкцию прототипа $*C_1aC_2uC_3C_3$ -, ср. аккадские прилагательные типа *šaḫummu* ‘тихий’, а также удвоение третьего корневого согласного в связанной с цветообозначением IX породе в арабском: *ʔihmarra* ‘он был красным’). Не вполне ясно, связаны ли с адъективной моделью $C_1\acute{a}C_2oC_3$ существительные, обозначающие профессии и склонности (*yāḳoš* ‘охотник’, *bāḥon* ‘проверяющий’, *ʔāšok* ‘притеснитель’).

$C_1\acute{a}C_2iC_3$: *nāʔim* ‘приятный’, *šāfir* ‘молодой’, *ḥāsīd* ‘благочестивый’.

Сфера распространения данной модели в адъективном значении несколько уже, чем в других западносемитских языках. В то же время известно значительное число существительных, семантика которых позволяет предполагать субстантивацию более древнего адъективного или причастного значения: *ʔāsir* ‘пленник’, *šākir* ‘наемный рабочий’, *pāḳid* ‘чиновник’ (< *pḳd* ‘назначать’), *māšīaḥ* ‘помазанник, мессия’, *nābi* ‘пророк’ (от незавидетельствованного в Д.я. глагола $*nb?$ ‘звать’, т. е. «призванный (Богом)»).

$C_1\acute{a}C_2uC_3$: *šābur* ‘сломанный’, *ʔāhub* ‘возлюбленный’, *yāduʔ* ‘известный’.

Модель пассивного причастия основной породы, нередко служащая также для образования прилагательных от глаголов качества и состояния (*ʔārum* ‘хитрый’, *šākur* ‘пьяный’, *bāʔiaḥ* ‘надежный’).

$C_1oC_2eC_3$: *holek* ‘идуший’, *šoʔeb* ‘черпающий’, *ṭopel* ‘смазывающий’.

Модель активного причастия основной породы с широко распространенной субстантивацией.

$C_1aC_2C_2\acute{a}C_3$: *ḳannā* ‘ревнивый’, *ḥaṭṭā* ‘грешный’, *naggāḥ* ‘бодливый’.

Модель прилагательных, обозначающих склонность к выполнению действия. Предполагают, что эта же модель лежит в основе существительных — обозначений рода занятий (*gannāb* ‘вор’, *ṭabbāḥ* ‘повар’). Диахроническая перспектива данной модели остается предметом полемики: формы множественного числа st. constr. без редукции во втором слоге (*ḥārāše* ‘ремесленники’) указывают на $*ā$ (по неясной причине не перешедшее в *o*), в то время как формы единственного числа st. constr. с *a* вм. \acute{a} (*ḥāraš*) говорят в пользу краткого $*a$ в праформе. Не вполне ясна историческая связь между этой моделью и редкой моделью $C_1iC_2C_2oC_3$ (*gibbor* ‘богатырь, герой’, *šikkor* ‘пьяница»; ср. также *ḳanno* ‘ревнивый’, дублет к *ḳannā*).

$C_1aC_2C_2iC_3$: *šaddik* ‘праведный’, *ʔammis* ‘могучий’, *ʔāriš* ‘ужасный’ (< $*ʔarrīš$ -, ср. мн. ч. *ʔārišim* без редукции в первом слоге).

$C_1aC_2C_2uC_3$: *ḥannun* ‘милостливый’, *šakkul* ‘лишенный детей’.

$C_1iC_2C_2eC_3$: *ʔillem* ‘немой’, *gibben* ‘горбатый’, *ʔiwwer* ‘слепой’, *pissēaḥ* ‘хромой’.

Модель прилагательных, обозначающих телесные недостатки (ср. также *ʔikkēš* ‘искривленный, испорченный’, *pikkēaḥ* ‘зрячий’).

Прилагательные, образованные с помощью префиксов, для Д.я. не характерны. Убедительными примерами такого рода являются обозначения пересыхающих водных потоков (вади): *ʔakzāb* ‘непостоянный’ (< *kzb* ‘обманывать’) и *ʔetān* ‘постоянный’ (< $*ym$ ‘быть постоянным, устойчивым’, ср. араб. *wtn*).

Заслуживает упоминания частичная редупликация при образовании прилагательных-цветообозначений с неполным присутствием качества (*ʔādamdam* ‘красноватый’, *yəraḳraḳ* ‘зеленоватый’, *šəḥarḥor* ‘черноватый’, ср. *ʔādom* ‘красный’, **yāroḳ* ‘зеленый’ и *šāḥor* ‘черный’) и некоторых других адъективных лексем (*ʔāḳalkāl* ‘искривленный’, *pətaltoḷ* ‘переплетенный’). Редупликацию третьего корневого согласного см. в прилагательных *šaʔānān* ‘находящийся в мире, спокойствии’ и *raʔānān* ‘зеленый, процветающий (о растительности)’.

Именное словообразование с помощью суффиксов, присоединяемых непосредственно к производящей основе, более характерно для прилагательных. Наиболее распространенным суффиксом этого типа является показатель относительных прилагательных *-i*, при присоединении которого вокализм основы может претерпевать изменения, связанные с переносом ударения: *taḥt-i* ‘нижний’ < *tāḥat*, *kənaʔān-i* ‘ханаанейский’ < *kənaʔān*, *yīsrəʔel-i* ‘израильский’ < *yīsrāʔel* (см. также фонетически непредсказуемые изменения вокализма основы в *yətmān-i* ‘правый’ < *yāmīn* и *šəməl-i* ‘левый’ < *šəmol*). Определенное значение имеет также адъективный суффикс *-on*: *ʔaḥār-on* ‘последующий’, *taḥton* ‘нижний’, *ʔālyon* ‘верхний’ (примеры с изменением вокализма основы типа *riš-on* ‘первый’ < *roš* ‘голова’, см. 2.2.2.). Последовательное присоединение обоих показателей наблюдается в прилагательном *ḳadm-on-i* ‘древний, прошлый; восточный’ < *ḳādām* ‘передняя часть; восток’. Образованные этим способом существительные встречаются редко, известны лишь отдельные примеры употребления суффиксов *-on* (*ʔiš-on* ‘зрачок’ < *ʔiš* ‘человек’, *šawwār-on* ‘ожерелье’ < *šawwār* ‘шея’, *šabbāt-on* ‘покой’ < *šabbāt* ‘суббота’) и *-it* (*reš-it* ‘начало’ < *roš* ‘голова’; изменение в вокализме основы обычно считается диссимильаторным). Относительно широко распространенный суффикс абстрактных имен *-ut* (*ʔalmān-ut* ‘вдовство’, *malḳ-ut* ‘царство’, *yald-ut* ‘детство’) имеет, по-видимому, арамейское происхождение (спирантизация второго корневого согласного в двух последних примерах не получила убедительной интерпретации). Примечательны именные формы с абстрактным значением типа *zəḳun-im* ‘старость’, *nəḥur-im/nəḥur-ot* ‘юность’, *bətul-im* ‘девственность’, *kəlul-ot* ‘статус невесты’, *zənun-im* ‘блуд’, *ʔāšūḳ-im* ‘притеснение’, в формальном плане членимые на показатель множественного числа *-im/-ot* и основу $C_1\dot{a}C_2uC_3$ -, по-видимому тождественную основе пассивного причастия $C_1\dot{a}C_2uC_3$ (соответствующие формы единственного числа, как правило, не засвидетельствованы).

2.5.3. Д.я. — язык аккумулятивного строя. Элемент эргативного синтаксиса обнаруживается в том, что подлежащее непереходного динамического глагола изредка получает показатель детерминированного прямого дополнения *ʔet/ʔät* (см. 2.3.4.): *wa-yhi ḥā-ʔāḥād mappil ha-ḳḳorā wə-ʔüt_{акк.}-ha-bbarzäl nəpal ʔäl-ha-mmāyim* ‘Один из них рубил дерево, и топор_{акк.} слетел (с топорича) в воду’ (2 R 6:5), *ʔal yeraʔ bə-ʔenāḳā ʔüt_{акк.}-ha-ddābār ha-zzā* ‘Пусть это происшествие_{акк.} не будет для тебя огорчительным’ (2 S 11:25). В этих случаях маркер прямого дополнения использовался как факультативный показатель неагентивного характера ситуации. В постбиблейском еврейском предлог *ʔet* употребляется в таком значении несколько чаще, чем в Ветхом Завете.

Атрибутивные прилагательные согласуются с определяемыми существительными по роду, числу и значению определенности (см. 2.3.2., 2.3.3., 2.3.6.). В именном предложении прилагательные-предикаты согласуются с подлежащими в роде и числе (см. примеры ниже). Количественные числительные от ‘одного’ до ‘девятнадцати’ согласуются с определяемыми существительными в роде (см. 2.3.3.). Спрягаемые формы глагола согласуются в лице, числе и роде с подлежащим (см. 2.3.5.).

Финитный глагол управляет объектными формами личных местоимений (см. 2.3.4., 2.4.0.) и прямо-объектной формой существительных с положительным значением определенности (см. 2.3.4.).

В именных группах атрибутивное прилагательное и субстантивное зависимое следуют за своими вершинами (примеры см. 2.3.4., 2.3.6., 2.3.7.).

Факторы, определяющие порядок слов в классической прозе, изучены недостаточно, поэтому предлагаемые ниже правила дают лишь общую ориентацию в проблематике, связанной с порядком слов.

Коммуникативно нейтральный порядок слов в независимых предложениях диалога с синтетическими финитными формами глагола — VS(O), с ремой в последней позиции: *hešibu₁ pālīštim₂ ?ät-?aron₃* YHWH ‘Филистимляне₁ вернули₂ ковчег₃ Господа’ (1 S 6:21; сообщение в начале прямой речи, именная группа ‘ковчег Господа’ образует рему), *niḵrā₁ la-nnašārā₂* ‘Давайте позовем₁ эту девушку₂’ (Gn 24:57).

В коммуникативно нерасчлененных высказываниях подлежащее занимает первую позицию: *dāwid₁ šəlāhā₂-nu₃ ?elāy-ik lə-kaḥt-ek lo lə-?iššā* ‘Давид₁ послал₂ нас₃ к тебе, чтобы взять тебя ему в жены’ (1 S 25:40; высказывание с нулевой темой, объясняющее появление говорящих перед адресатом), *?ābi₁ hišbi₂-āni₃* ‘Мой отец₁ связал меня клятвой (букв. ‘заклял₂ меня₃’) <похоронить его в Ханаане>’ (Gn 50:5; высказывание мотивирует просьбу отлучиться из Египта в Ханаан).

Для создания контрастной ремы применяется препозиция фокусируемого аргумента: *?oti₁ šikkaltām₂... wə-?ät-binyāmin₃ tikḵāḥu₄* ‘Меня₁ вы лишили₂ детей₂ <Иосифа и Симеона нет со мной>, а (теперь) и Вениамина₃ вы собираетесь₄ забрать₄!’ (Gn 42:36), *?attām₁ hāmittām₂ ?ät-šam* YHWH ‘(Это) вы₁ умертвили₂ народ Господа’ (Nu 17:6; независимое субъектное местоимение при финитной форме создает контрастную рему).

В прозаическом корпусе для предложений с презенсом предпочитается порядок элементов S–P (более 80% вхождений). Как предполагает Ян Йостен, порядок слов S–P в предложениях с презенсом динамических глаголов указывает на актуально-длительное настоящее (*?ät ?aḥay ?ānoki₁ mabakkeš₂*_{през.} ‘Я₁ ищу₂ своих братьев’, Gn 37:16), а порядок слов P–S имеет значение узуального настоящего (*mabakkeš₁ šā?ul₂ ?ābi lahāmīt-ākā* ‘Мой отец Саул₂ стремится₁ (букв. ‘ищет’) умертвить тебя’, 1 S 19:2).

В независимых предложениях при коммуникативно нейтральном порядке слов обстоятельства времени, как правило, предшествуют глаголу, а обстоятельства места следуют за ним: *kāvet māḥār ?āšlah ?elākā ?iš me-?ārās binyāmin* ‘Завтра в это время я пошлю к тебе человека из земли Вениамина’ (1 S 9:16), *māḥār ?ānoki niššāb šal roš ha-ggibā* ‘Завтра я буду стоять на вершине холма’ (Ex 17:9). При рематизации обстоятельства места оно продвигается в первую позицию: *me-šāmāleki ḥābi?-um* ‘От амалекитян доставили их (= вышеупомянутые трофеи)’ (1 S 15:15; объясняется происхождение добычи).

В классифицирующих именных предложениях предпочитается порядок слов P–S: *?āpār₁ ?attā₂* ‘ты₂ — прах₁’ (Gn 3:19), *kenim₁ ?ānāḥnu₂* ‘Мы₂ — честные₁’ (Gn 42:11), *ṭob₁ ha-ddābār₂* ‘То, что ты говоришь (букв. ‘это слово₁’) — хорошо₂’ (1 R 2:38). Предикаты таких предложений имеют отрицательное значение категории определенности (2.3.6.).

В идентифицирующих именных предложениях порядок слов, как правило, S–P: *?āni₁* YHWH₂ ‘Я₁ — Господь₂’ (Ex 6:2), *hu₁ ?ādoni₂* ‘Он — мой господин’ (Gn 24:65), *?ānoki₁ ?ālohe₂ ?ābikā* ‘Я₁ — Бог₂ твоего отца’ (Ex 3:6), *?attā₁ hā-?iš₂* ‘Ты₁ — тот человек₂ <о котором шла речь>’ (2 S 12:7).

В Д.я. засвидетельствованы также экзистенциальные предложения с вершиной — неизменяемым предикатом существования *yeš* 'есть, имеется' и предикативным компонентом: *yeš₁ nābi₂ bə-yiśrāʔel₃* 'Есть₁ пророк₂ в Израиле₃' (2 R 5:8), *yeš₁ goʔel₂ kārōb₃ mimḡānni₄* 'Имеется₁ родственник₂ более близкий₃, чем я'₄' (Ru 3:12). Таких предложений в Ветхом Завете около 120. В качестве предиката отрицательных экзистенциальных предложений используется отрицательное слово *ʔāyin* (см. 2.3.5., 2.3.6.) в свободной форме либо согласованное с компонентом посредством связанных местоимений: *hā-yeš₁ po ʔiś wə-ʔāmart ʔāyin₂* '<Если кто-нибудь спросит тебя> «Есть₁ ли здесь кто-нибудь?»', то отвечай «Нет!₂»' (Jdc 4:20), *yosep ʔen-ānnu wə-šimʔon ʔen-ānnu* 'Иосифа (больше) нет (здесь), и Симеона нет' (Gn 42:36).

Придаточные предложения по порядку слов не обнаруживают значимых отличий от независимых предложений. О взаимном расположении предиката и аргументов в клаузах, включенных в цепочные конструкции, см. 2.5.4.

Общевопросительные предложения обычно вводятся вопросительной частицей *hā-/ha-/hā-* и по порядку слов не отличаются от изъявительных: *hā₁-šāmtā₂ libbākā ʔāl ʔabdi ʔiyūob* 'Обратил₂ ли₁ ты внимание на моего раба Иова?' (Job 2:3), *hā₁-yeš₂ bet-ʔābikā māqom lānu lālin* 'Есть₂ ли₁ в доме твоего отца место для нас, чтобы заночевать?' (Gn 24:23), *hā₁-tāhat₂ ʔālohim₃ ʔānōki₄* 'Разве₁ я₄ — Бог? (букв. 'вместо₂ Бога₃')' (Gn 30:2). Примерно в 40 случаях общие вопросы оформляются без вопросительной частицы, например: *šāʔul₁ yimlok₂ ʔālenu₃* '(Неужели) Саул₁ будет царствовать₂ над нами₃?' (1 S 11:12), *ʔattā₁ zā bəni₂ ʔešāw* 'Ты₁ — это мой сын₂ Исав?' (Gn 27:24).

Общий вопрос может вводиться союзом *ʔim*: *ʔim₁ me-ʔet₂ ʔādoni₃ ha-mmālāk₄ nihyā₅ ha-ddābār₆ ha-zzā₇* 'Случилось₅ ли₁ это (букв. 'это₇ дело₆') по воле₂ господина моего, царя₄?' (1 R 1:27).

Частные вопросы вводятся вопросительными местоимениями (см. 2.3.7.). Вопросительные местоимения занимают первую позицию в предложении, независимо от своей синтаксической роли: *ma-tittān-li* 'Что ты можешь дать мне?' (Gn 15:2); *mi higgid ləkā ki ʔerom ʔattā* 'Кто сказал тебе, что ты голый?' (Gn 2:11), *lāmmā taʔāmod ba-huš* 'Почему ты стоишь снаружи?' (Gn 24:31).

2.5.4. Важнейшая черта синтаксиса классической древнееврейской прозы — разнообразные типы цепочных конструкций, в которые включена большая часть непридаточных финитных клауз прозаического корпуса. Во всех цепочных конструкциях используется консекүтивный маркер — союз 'и' (он может также истолковываться как 'и затем', 'а между тем', 'и тогда' и т. п.). Этот маркер занимает первую позицию во всех медиальных клаузах. Он имеет форму *wə-* либо (в составе претерита) *waC-* (см. 2.3.5.). Последняя клауза цепочки не имеет специального «финального» показателя. Цепочные конструкции употребляются в прямой речи и в повествовании.

В прямой речи к инициальным звеньям цепочки относятся финитные клаузы с предикатом в имперфекте и косвенных наклонениях (императив, юссив, когортатив), именные предложения, а также инфинитивные обороты. Инициальная клауза прямой речи отмечена отсутствием союза 'и'.

К исключительно медиальным предикациям прямой речи относятся клаузы, имеющие в вершине «консекүтивный перфект» *wə-qātal* и «консекүтивный футурум» *wə-yiqtol* (см. 2.3.5.).

«Консекүтивный перфект» (КП) составляет 13% финитных форм в Ветхом Завете (6378 вхождений). Форма *wə-qātal* обнаруживает элементы морфологизации: в 1-м лице единственного числа и во 2-м лице единственного числа мужского рода ударение у *wə-qātal* сильных глаголов, как правило, на последнем слоге (в отличие от сво-

бодного перфекта qātal, который в этих формах имеет ударение на пенультине), при этом закономерная редукция второго предупредного слога блокируется: 1-е л. ед. ч. wə-kātalī, 2-е л. ед. ч. м. р. wə-kātalā. В цепочных конструкциях прямой речи эта форма всегда получает временное значение абсолютного будущего, например: ha_{вопр.}-?elek_{имперф.} wə-kārāti_{КП} lāk ?iššā menākāt 'Стоит ли_{вопр.} мне пойти_{имперф.} и позвать_{КП} тебе (в помощь) кормилицу?' (Ех 2:7). В контексте она может получать различные косвенно-модальные значения (см. ниже).

Если какие-либо причины (например, прагматические или стилистические) вызывают продвижение любого элемента X в позицию перед финитной формой, то вместо wə-qātal в качестве медиального звена появляется предикация вида wə-X uqtol: wə-gam ?āmārti lo ?āgāreš_{1 имперф.} ?otām mi-ppānekām wə-hāyu_{2 КП} lākām lə-šiddim w-elohehām₃ yihiu_{4 имперф.} lākām lə-mokeš 'Вот я обещаю: я не прогоню_{1 имперф.} их (= местное население) от вас, так что они будут_{2 КП} вашими противниками, а их боги₃ станут_{4 имперф.} для вас западней' (Jdc 2:3).

Отрицательной аллоформой wə-qātal является предикация wə-lo uqtol: bāne_{имп.}-lākā bāyit b-irušālāyim wə-yāšabā_{КП} šām wə-lo teše_{имперф.} mi-ššām 'Построй_{имп.} себе дом в Иерусалиме и живи_{КП} там, и не выходи_{имперф.} оттуда' (1 R 2:36).

«Консекутивный перфект» (или цепочка таких форм) либо копирует модальную семантику инициальной предикации, либо является по отношению к ней логическим обусловленным (своего рода аподосисом), однако это различие определяется лишь контекстом и ситуацией, так что собственным морфологическим значением wə-qātal в прямой речи оказывается лишь временное следование по отношению к ситуации, описываемой предыдущим звеном цепочки.

Приводимые ниже комментированные примеры иллюстрируют различные контекстуальные прочтения формы wə-qātal и ее взаимодействие с инициальными звеньями цепочек:

— ha_{вопр.}-?elek_{имперф.} wə-hikkēti_{КП} ba-ppālištim hā-?ēllā... lek_{имп.} wə-hikkū_{КП} ba-ppālištim wə-hošāyā_{КП} ?āt kəšilā 'Иди_{имперф.} ли_{вопр.} мне на этих филистимлян — поражу_{КП} ли я их (в этом случае)?... — Иди_{имп.}, и (тогда) ты поразишь_{КП} филистимлян и освободишь_{КП} (город) Кегилу' (1 S 23:2). Консекутивные перфекты вводятся модальными формами (имперфектом с когортативным значением и императивом); судя по контексту (это диалог с оракулом), формы «консекутивного перфекта» имеют здесь обусловленное значение, хотя в ответе оракула нельзя исключить «императивное» прочтение «консекутивного перфекта»: 'иди и порази... и освободи...';

— wəʔattā₁ lek_{имп.} wə-?ānoki₂ ?āhyā_{имперф.} šim pi-kā wə-horetī_{КП}-ka ?āšār tādabber 'Итак₁, ступай_{имп.}, а что касается меня — я буду_{имперф.} с тобой (букв. 'с твоими устами') и научу_{КП} тебя, что тебе нужно говорить' (Ех 4:12). Медиальные звенья представляют собой аподосис по отношению к имплицитному условию, содержащемуся в начальном императиве. Предикация wə-S uqtol создает контрастную тему;

— hā-ki ?āhi ?attā wa-šābadā_{КП}-ni hinnām 'Ведь ты же мой брат, (неужели) ты будешь работать_{КП} на меня задаром?' (Gn 29:15). Инициальное именное предложение выражает предпосылку: «Коль скоро ты мой брат, то ты не будешь работать задаром»;

— bəyom ?ākol_{инф.}-kām_{2 л. мн. ч. м. р.} mimmānnu wə-niptāhu_{КП} šenekām wi-hyitām_{КП} k-elohim 'Когда вы отведаете_{инф.} его (= плод этого дерева), ваши глаза откроются_{КП}, и вы станете_{КП} как боги' (Gn 3:4). Формы «консекутивного перфекта» с обусловленным значением следуют за инфинитивным оборотом, выражающим предпосылку;

— hinnā-nā ?ādonay sūru_{имп.}-nā ?āl-bet šabdākām wə-līnu_{имп.} wə-rahāšu_{имп.} raglekām wə-hiškamtām_{КП} wa-hālaktām_{КП} lə-darkākām 'Пожалуйста, господа, найдите_{имп.} же в

дом вашего слуги, и заночуйте_{имп.} и омойте_{имп.} ноги, и **вставайте**_{кп} поутру, и **ступайте**_{кп} своим путем' (Gn 19:2). Формы *wə-qātal* следуют за «цепочными» императивами, по-видимому копируя их модальное значение.

Вероятно, что *wə-qātal*, как медиальное звено в цепочных конструкциях прямой речи, представляет собой инновацию древнееврейского литературного языка: эта предикация была создана в некотором смысле искусственно по аналогии с главной нарративной формой *wa-uīqtol*, которая, в свою очередь, в эпоху создания текстов ветхозаветного канона употреблялась лишь в письменной речи. Эта гипотеза (разделяемая рядом семитологов, например Р. Хецроном) способна объяснить продуктивность «консекутивного перфекта» в диалоге и в других дискурсивных жанрах (например, в инструкциях по созданию культовых предметов и построек). Однако диахронические предпосылки такого употребления суффиксального спряжения не вполне прозрачны.

Подобно «консекутивному перфекту» *wə-qātal*, «консекутивный футурум» *wə-ūqtol* как медиальный элемент диалогической цепочки получает временное прочтение будущего. Как показал Э. Кимрон, у глаголов, у которых индикатив в префиксальном спряжении морфологически противопоставлен юссиву или когортативу, префиксальная форма в составе *wə-ūqtol*, как правило, имеет облик одного из этих косвенных наклонений. Степень семантической связанности синтетической формы в составе *wə-ūqtol* ниже, чем в случае *wə-qātal*, так как свободный «имперфект» *ūqtol* в диалоге обычно имеет значение будущего (2.3.5.). Однако *wə-ūqtol*, как и *wə-qātal*, участвует в отношениях логического гипотаксиса: *ʔättan-ānnā lo wu-thi_{юсс.} lo lə-moqeš*, букв. 'Отдам-ка я ее ему (в жены), и пусть она будет_{юсс.} для него ловушкой (т. е. 'чтобы она стала ловушкой')' (2 S 18:21), *hošī_{имп.}-em ʔelēnu wə-nedāʔā_{когорт.} ʔotām* 'Выведи_{имп.} их к нам, и мы познаем/чтобы мы узнали_{когорт.} их' (Gn 19:5), *ʔal-nā yihar_{юсс.} l-adonāy wa-ʔādabbērā_{когорт.} ʔulay yimšəʔun šām šəlošim*, букв. 'Пусть мой господин не сердится_{юсс.}, и дай-ка я скажу_{когорт.} (т. е. 'не сердись на то, что я скажу'): быть может, там найдется тридцать (праведников)?' (Gn 18:30). Согласно распространенному в гебраистической литературе мнению, предикация *wə-ūqtol* часто имеет целевой оттенок.

Внутри диалогической цепочки предикация *wə-ūqtol* «продолжается» формой *wə-qātal*, которая получает то же значение модальности, что и предшествующая ей форма *wə-ūqtol*: *ʔākūmā_{когорт.} wə-ʔelēkā_{когорт.} wə-ʔākbašā_{когорт.} ʔāl ʔādōni ha-mmālāk ʔāt-kol yišrāʔel wə-yikrātu_{имперф.} ʔittakā bərit wu-mālaktā_{кп} bə-kol ʔāšār təʔawwā napšākā* 'Встану-ка я (= позволь мне встать_{когорт.}) и пойду_{когорт.} соберу_{когорт.} к моему господину царю (= к тебе) весь Израиль, и они заключат_{имперф.} (т. е. чтобы они заключили) с тобой договор, и ты будешь царствовать_{кп} (т. е. чтобы ты царствовал) так, как сам сочтешь нужным' (2 S 3:21). Подобное правило выбора консекутивной формы (*ūqtol* → *wə-qātal*) действует также в условных предложениях (см. ниже).

Текст 2 S 3:21 иллюстрирует тот факт, что выбор глагольной формы в цепочке определяется также и лексическим значением глагола. Если глаголы движения в форме *wə-ūqtol* имеют адвербиальную семантику сопутствующих обстоятельств (см. 2.3.7.), как, например, *wə-ʔelēkā_{когорт.}* 'и я пойду' в 2 S 3:21, то следующее за ними звено цепочки не принимает консекутивную форму *wə-qātal* (в данном случае это касается глагола *kābaš* 'собирать'). Поэтому, с точки зрения правил последовательности форм, предикат *wə-ʔākbašā_{когорт.}* 'и я соберу' оказывается инициальным звеном всей цепочки, несмотря на свое начальное положение: говорящий просит о разрешении «собрать весь Израиль», а не о разрешении «встать и пойти». От формы *wə-ʔākbašā_{когорт.}* синтаксически зависит цепочная предикация *wə-yikrātu* 'чтобы они заключили дого-

вор', которая выбирает в качестве своего продолжения десемантизированную форму последовательности *wə-qātal*, копирующую модальное значение предыдущего звена.

Медиальные предикации *wə-qātal* и *wə-yiqtol* могут быть синонимичными, например, как продолжения императива: *šub*_{имп.} *šimmi wə-ʔāštaḥwä*_{имперф.} *la-YHWH* 'Вернись_{имп.} со мной, и я поклонюсь_{имперф.} Господу' (1S 15:25) vs. *šub*_{имп.} *šimmi wə-ḥištaḥwēti*_{кп} *la-YHWH* 'Вернись_{имп.} со мной, и я поклонюсь_{кп} Господу' (1S 15:30). Здесь 1S 15:30 выглядит как сюжетно обусловленный повтор 1S 15:25, то есть в данном случае нет внешних оснований полагать, что эти высказывания различаются по грамматической семантике.

Правила выбора медиальных звеньев в диалогической речи изучены недостаточно. В частности, различие между *wə-qātal* и *wə-yiqtol* как связанными предикациями не удается установить с удовлетворительной степенью ясности.

Главная глагольная форма нарратива — претерит *wa-yuqtol* (см. 2.3.5.). Он может стоять в начале нарративного пассажа и является также главным медиальным звеном нарративной цепочки. Отрицательная аллоформа претерита — *wə-lo qātal*. Последовательность претеритов указывает на передний план (основную линию) повествования и на его тематическую преемственность, которая не нарушается сменой подлежащих в соседних клаузах: *wa-yuḥāl šibʕat yāmim la-mmoʕed... wə-lo bā šamuʔel wa-yuʔpāš ḥā-ʔām me-ʔālāw wa-yuḥmār šāʔul* 'Он (Саул) прождал встречи семь дней, и Самуил не пришел, и народ стал разбегаться от него (Саула), и (тогда) Саул сказал...' (1S 13: 8 сл.).

Предикативная синтагма *wə-X qātal*, где X — любой член предложения, создает разрыв в тематической преемственности повествования, выражающий преимущественно композиционный эффект контраста: *wa-yuʔaspu*_{прет.} *pālištim ʔāt maḥānehām la-mmilḥāmā wa-yuʔāʕaru*_{прет.} *šoko... wa-yuḥānu*_{прет.} *wu-ben šoko wu-ben ʔazeḳā... wə-šāʔul wə-ʔiš-yiśrāʔel nāʔāsḫu*_{перф.} *wa-yuḥānu*_{прет.} *bə-ʔemāk ḥā-ʔelā* 'Филистимляне собрали_{прет.} свои войска для битвы и собрались_{прет.} у Сохо, и остановились_{прет.} лагерем между Сохо и Азекой... а Саул и израильское ополчение (тоже) собрались_{перф.} (для битвы) и остановились_{прет.} лагерем в Дубовой долине' (1S 17:1 сл.). Ср. также текст 2R 7:5 сл., приведенный в 2.3.5. (о темпоральных значениях в повествовании).

Предикация вида *wə-SP*, где S — подлежащее, а P — неглагольное сказуемое, создает задний план (фон) нарратива: *wa-yuʔšlah wa-ybiʔehu wə-hu ʔadmoni šim-yare ʔenayim wə-ʔob róʔi wa-yuḥmār YHWH* 'Он (Исай) послал (за Давидом) и привел его, а тот (был) рыжеволосый, с красивыми глазами и хорош собой. И Господь сказал...' (1S 16: 12 сл.).

Предикация *wə-S qotel* (со сказуемым — предикативным причастием, или «презенсом») обозначает одновременность ситуации, выражаемой причастием, по отношению к нарративной точке отсчета (см. 2.3.5.): *wa-yuʔamdu*_{прет.} *ḥa-kkohānim... wə-kol-yiśrāʔel ʔobārim bā-ḥārābā* 'Жрецы стояли_{прет.}... <на сухом дне Иордана>, а весь Израиль пересекал (Иордан) посуху' (Jos 3:16 сл.).

В нарративной прозе существует синтаксическая модель для описания хабитуальных ситуаций. Эта модель регулярно применяется в пассажах, служащих экспозицией к новому повороту в основной линии повествования. В рамках этих текстов в хабитуальном значении употребляются две формы предикации — *wə-qātal* и (при движении любого элемента X в начальную позицию) *wə-X yiqtol*: *wə-ʔed yaʔälä*_{имперф.} *min-ḥā-ʔārāš wə-ḥišḳā*_{перф.} *ʔāt-kol pāne-ḥā-ʔdāmā* 'Туман поднимался_{имперф.} от земли и орошал_{перф.} всю поверхность земли' (Gn 2:6), *wə-ʔälä*_{перф.} *ḥā-ʔiš ḥa-hu me-ʔiro mi-yuʔānim yāmimā... wə-nātan*_{перф.} *li-pninnā ʔišto... mānot wu-l-ḥannā yitten*_{имперф.} *mānā*

ʔahat 'Этот человек **отправлялся**_{перф.} из своего города ежегодно <для паломничества>... **и давал**_{перф.} своей жене Пине доли (от жертвоприношения), а (своей жене) Ханне **давал**_{имперф.} (лишь) одну долю' (1 S 1:3 сл.).

Хабитуальные ситуации внутри нарративной цепочки выражаются перифразой, включающей глагол *hāyā* 'быть' в претерите и причастие: *wa-yuʔasru*_{прет.-hu} *ba-nḥušṭáyim wa-yhi*_{прет.} *ʔoḥen bə-bet hā-ʔāsurim* 'Они связали_{прет.} его двумя медными цепями, **и он молол** (зерно) в тюрьме' (Jdc 16:21).

В классифицирующих именных предложениях, включенных в цепочные конструкции, обычный порядок слов S–P: *wə-ʔene leʔā₁ rakkot₂* 'А глаза Ли₁ — тусклые₂' (Gn 29:17), *wə-hu₁ kohen* 'А он₁ — жрец₂' (Gn 14:18).

П р и д а т о ч н ы е предложения по порядку слов и правилам выбора глагольных форм мало отличаются от независимых предложений.

Придаточные относительные в классической прозе вводятся неизменяемыми относительными местоимениями *ʔāšār* и (реже) *šā* (о *šā* см. 1.5.0., 2.3.7.). Если в придаточном относительном местоимение *ʔāšār* не занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, то обычно имеет место реприза посредством анафорического связанного местоимения, согласованного с антецедентом местоимения *ʔāšār* в роде и числе:

<i>dark-énu</i>	<i>ʔāšār</i>	<i>ʔānāḥnu</i>	<i>holəkim</i>	<i>ʔāl-āhā</i>
путь.ЕД.Ж-наш	ОТН	мы	идти.ПРЕЗ.МН.М	по-она.КОСВ.ЕД.Ж
'наш путь, по которому мы идем' (Jdc 8:5)				

Нередко (преимущественно в поэзии или в возвышенном стиле прозы) относительные клаузы примыкают непосредственно к абсолютной, определенной или сопряженной форме вершинного имени (в последнем случае подобно субстантивным определениям в именной группе):

<i>ʔālohim</i>	<i>lo</i>	<i>yəḏāʔu-m</i>
бог.АБС.МН	ОТР	знать.ПЕРФ.3МН-они.АКК.3МН.М
'боги, которых они не знали' (Deut 32:17)		

<i>ʔayye</i>	<i>hā-ʔēdār</i>	<i>nittan</i>	<i>lāk</i>
где.ВОПР	стадо.ОПР.ЕД	быть данным.ПЕРФ.3ЕД.М	ты.ДАТ.ЕД.М
'Где стадо, которое было дано тебе?' (Jer 13:20)			

<i>ḵiryat</i>	<i>ḥānā</i>	<i>dāwid</i>
город.ЕД.СОПР	находиться.ПЕРФ.3ЕД.М	Давид
'город, где находился Давид' (Jes 29:1)		

Придаточные дополнительные вводятся союзом *ki: mi higgid ləkā ki₁ ʔerom₂ ʔāttā₃* 'Кто сказал тебе, **что₁ ты₃ голый₂?**' (Gn 2:11). Косвенная речь может вводиться бессоюзно: *ʔimri-nā ʔāḥoti₁ ʔāt₂* 'Скажи, (что) ты₂ — моя сестра₁' (Gn 12:13).

О выражении временных отношений в придаточных относительных и дополнительных см. 2.3.5.

Придаточные предложения времени чаще всего вводятся союзом *kaʔāšār* в значении 'когда'. Они употребляются преимущественно в нарративе: *wa-yuomār*_{прет.} *yaʔāqob kaʔāšār rāʔā*_{перф.-m} 'Иаков сказал_{прет.}, **когда** увидел_{перф.} их...' (Gn 32:3).

В качестве временных клауз широко употребляются инфинитивные обороты, которые вводятся предлогами (в частности *bə-* 'в', *lə-* 'к' и *ʔad* 'до'). Предикатом оборота является сопряженный инфинитив, семантический субъект оборота выражается постпозитивными существительными или связанными притяжательными местоиме-

ниями, остальные аргументы оформляются теми же предлогами, что и при финитном глаголе: *wə-ʔabrām bān šəmonim šānā wə-šəš šānim bə-lādūt*_{инф.} *hāgār ʔāt*_{акк.} *yīšmāʔel lə*_{дат.} *-ʔabrām* 'Авраму было 86 лет, когда Агарь **родила**_{инф.} Авраму_{дат.} Измаила_{акк.}' (Gn 16:16), *hāmʔā wu-dbaš yokel lə-daʔto*_{инф.} *māʔos bā-rāʕ wu-bāhor ba-ʔto* 'Он будет есть масло и мед, **пока не научится**_{инф.} отвергать зло и выбирать добро (= пока не станет взрослым)' (Jes 7:15).

Придаточные цели вводятся союзами *ləmāʕan* 'чтобы' и *pān* 'чтобы не', их предикат всегда имеет форму индикатива префиксального спряжения: *ləmāʕan taškil*_{имперф.} *ʔāt kol ʔāšār taʕšā* '(Подчиняйся Господу,) **чтобы ты преуспел**_{имперф.} во всем, что ты будешь делать' (1R 2:3), *red hāʕed bā-ʕām pān yāhārsu*_{имперф.} *ʔāl* *YHWH lirʔot wə-napal*_{перф.} *mimmānnu rab* 'Ступай вниз и предупреди людей, **чтобы они не устремились**_{имперф.} посмотреть на Господа и **чтобы** многие из них **не погибли**_{перф.}' (Ex 19:21). Как видно из последнего примера, придаточные цели, включающие более одного предиката, образуют цепочную конструкцию, медиальные звенья которой имеют форму *wə-qātal*.

Предложения реального условия вводятся союзом *ʔim* 'если'. Условные периоды относятся по большей части к будущему. В протасисе таких периодов обычно используются формы *yiqtol*, в аподосисе — *wə-qātal*: *ʔim ʔemšā*_{имперф.} *bi-sdom hāmīššim šaddīkim bə-tok hā-ʕir wə-nāšāʔi*_{перф.} *lə-kol-ha-mmākom baʕāburām* 'Если **я найду**_{имперф.} в Содоме пятьдесят невинных в пределах города, то **я прошу**_{перф.} все это место ради них' (Gn 18:26).

В протасисах условных предложений, имеющих несколько финитных глаголов, появляется цепочная конструкция: форма *yiqtol* трактуется как инициальное звено, за которым может следовать произвольное количество медиальных звеньев с предикатом *wə-qātal*: *ʔim yāʕum*_{имперф.} *wə-hithallek*_{перф.} *ba-ḥuṣ ʕal mišʕanto / wə-niḳḳā*_{перф.} *ha-mmakkā* 'Если он (= получивший травму в драке) **сможет всгаться**_{имперф.} и **выйти**_{перф.} из дому (опираясь) на посох, / (то) ударивший (его) **не подлежит наказанию**_{перф.}' (Ex 21:19). Из-за того что аподосис и медиальные звенья протасиса получают одинаковое оформление, граница между условием и следствием проводится в таких случаях лишь «по смыслу», так как аподосис тоже может включать несколько предикатов, выраженных консекутивной формой *wə-qātal*.

Нереальные условия вводятся союзами *lu* 'если бы' и *lule* 'если бы не'. Предикаты протасиса и аподосиса в нереальных условных периодах имеют форму *qātal*, а аподосис в корпусе обычно относится к плану прошедшего: *lu hāpeš*_{перф.} *YHWH lahāmūt*_{перф.} *-ənu lo lākaḥ*_{перф.} *mi-yuādənu ʕolā* 'Если бы Господь **собирался**_{перф.} погубить нас, **он бы не принял**_{перф.} от нас жертвы всесожжения' (Jdc 13:23), *lule hāraštām*_{перф.} *bə-ʕāglāti lo məʕātām*_{перф.} *ḥidāti* 'Если **бы вы не пахали**_{перф.} на моей телке, **вы бы не разгадали**_{перф.} мою загадку' (Jdc 14:18).

2.6.0. Объем лексических заимствований в Д.я. в сравнении с другими семитскими языками (как древними, так и современными) невелик, что объясняется, по-видимому, относительно высокой степенью политической и культурной изолированности Иудеи в период стандартизации письменного Д.я. (показателен в этом отношении заметный рост количества иноязычных слов в поздних библейских текстах). Основные языки-источники заимствований в Д.я. — египетский, аккадский, арамейский, древнеперсидский.

Заимствования из арамейского языка составляют наиболее значительный пласт иноязычной лексики Д.я. Общее количество надежных лексических арамеизмов составляет около 180 терминов (без учета лексем аккадского и иранского происхождения, предположительно проникших в Д.я. через арамейское посредство). Более

точная оценка, при которой это число может несколько возрасти, затруднительна из-за слабой разработанности критериев, по которым то или иное древнееврейское слово должно квалифицироваться как арамеизм.

Прямым свидетельством арамейского происхождения является специфически арамейская рефлексация прасемитских консонантных и вокалических фонем. В области консонантизма релевантными с этой точки зрения позициями являются:

— смычная рефлексация прасемитских межзубных вместо типичной для Д.я. сибилянтовой рефлексации (*bərot* ‘кипарис’ < **burāt-*, *kippod* ‘ёж’ < **kunpuḏ-*, *ʔll* ‘покрывать крышей’ < **ʔll*, *ʔn* ‘нагружать’ < **ʔn*, *nṯr* ‘охранять’ < **nṯr*);

— отражение прасем. **š* как *ʕ* в м. *š* (*rʕh* ‘желать, стремиться’ < **ršy*, *rʕʕ* ‘ломать’ < **ršš*, *rbʕ* ‘ложиться’ < **rbš*);

— отражение прасем. **s* как *s* в м. *š* (*səṭāw* ‘зима’ < **šitāw-*; смешение рефлексов прасем. **s* и **š* в поздних текстах отмечается и в исконной древнееврейской лексике).

Для многих примеров такого рода засвидетельствованы исконно древнееврейские дублетные формы с регулярной рефлексацией (ср. *bəroš* ‘кипарис’, *nṯr* ‘охранять’, *ršy* ‘желать’, *ršš* ‘ломать’, *rbš* ‘ложиться’).

В области вокализма важнейшим признаком арамеизмов является сохранение прасем. **ā*, в Д.я. перешедшего в *o*. Типичными примерами такого рода являются имена, восходящие к прототипам **C₁VC₂āC₃*- (*yəḳār* ‘драгоценность; почет’, *kaṭāb* ‘письмо, писание’, *səpār* ‘подсчет’) и **C₁VC₂C₃-ān*- (*binyān* ‘строение’, *ʔinyān* ‘занятие’, *ḳinyān* ‘владение’).

Возможности применения строгих фонологических критериев при определении арамеизмов ограничены, так как количество примеров, содержащих релевантные фонемы, сравнительно невелико. Кроме того, большинство из описанных выше особенностей консонантизма характерны лишь для относительно поздних стадий развития арамейского языка и позволяют выявить только те арамеизмы, которые проникли в Д.я. в период непосредственно перед переселением евреев в Вавилонию и позднее.

В ряде случаев арамеизмы могут быть определены по характерным для арамейских языков морфологическим особенностям. Сюда относятся, например, прилагательные модели *C₁aC₂C₂iC₃* (*yakḳir* ‘дорогой’), образования от глагола *yaf* ‘знать’ с удвоением *d* (*maddāʕ* ‘знание’).

Поскольку многие понятия базового словаря выражаются в арамейских языках высокоспецифичными лексемами, в других семитских языках представленными лишь маргинально, образованные от подобных корней слова Д.я. с большой вероятностью могут оказаться арамеизмами. Как правило, такого рода термины встречаются в ограниченном числе фрагментов библейского текста (чаще всего поздних) и имеют общеупотребительные исконные синонимы: *ʔlp riʕel* ‘обучать’ (др.-евр. *lmd riʕel*, *yru hipʕil*), *bhl* ‘торопить(ся)’ (др.-евр. *mhr*), *ʔābād*, *maʔābād* ‘дело’ (др.-евр. *maʔāšā*), *bar* ‘поле’ (др.-евр. *šādā*), *bʔl* ‘прекращать работу, бездействовать’ (др.-евр. *hdl*, *kly*), *zəʕer*, *mizʕār* ‘небольшое количество’ (др.-евр. *məʕal*), *zāwit* ‘угол’ (др.-евр. *miḳšoaʕ*, *pinnā*), *kpn* ‘голодать’, *kaḳān* ‘голод’ (др.-евр. *rʕb*, *rāʕāb*), *koʕt* ‘правда’ (др.-евр. *ʔāmāt*), *sgd* ‘клясться’ (др.-евр. *hištaḥāwā*), *səpinā* ‘корабль’ (др.-евр. *ʔōniyā*), *slk* ‘подниматься’ (др.-евр. *ʔly*), *šāpir* ‘козел’ (др.-евр. *šāʕir*, *tāyiš*), *šāhed* ‘свидетель’ (др.-евр. *ʕed*), *tkp* ‘быть сильным’ (др.-евр. *hzk*) и многие другие примеры. В то же время, если такие слова отмечаются в текстах, по другим критериям не считающихся поздними, их арамейское происхождение оказывается менее очевидным: речь может идти об общесемитских корнях, унаследованных обоими языками, но ставших редкими, семантически или стилистически окрашенными в Д.я. и, наоборот, приобретших базовый статус в арамей-

ском (такая возможность особенно актуальна для терминов поэтического языка, где использование редких синонимов обусловлено типичным для древнееврейского стиха семантическим параллелизмом полустижий). Примерами такого рода являются глаголы *ʔzl* 'идти, уходить' (вм. нормативного др.-евр. *hlk*), *ʔty* 'приходить' (др.-евр. *bwʔ*), *hzy* 'видеть' (др.-евр. *rʔh*), существительное *ʔānoš* 'человек, люди' (др.-евр. *ʔādām, bān-ʔādām*; не в пользу арамейского происхождения говорит также $o < *ā$).

Заметное в абсолютном исчислении количество арамеизмов в Д.я. не коррелирует с их довольно незначительным удельным весом как в библейском тексте в целом, так и в отдельных ветхозаветных книгах. Наибольшее количество арамеизмов отмечается в произведениях позднейшего периода (Иов, Песнь Песней, Екклесиаст, Есфирь, Даниил, Ездра, Неемия, Хроники), однако даже при максимальной концентрации (как в Книге Есфири) число их употреблений не превышает 4–5% от общего числа словоформ в книге. В книгах, образующих корпус классической библейской литературы, количество арамеизмов, как правило, незначительно, а их удельный вес минимален. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие арамеизмов в Книгах Руфь и Плач Иеремии, которые, несмотря на явно после пленную датировку, следуют языковым и стилистическим нормам классического языка. В то же время, относительно невысокий удельный вес арамеизмов не умаляет их особого статуса по сравнению с другими группами заимствованной лексики Д.я. Так, в отличие от аккадизмов, египтизмов или иранизмов, арамейские заимствования не ассоциируются с какими-либо специфическими реалиями, относительно ровно распределяясь по типичным для ветхозаветного языка семантическим группам культурной и, нередко, базовой лексики. Лишь из арамейского в Д.я. заимствованы не только именные, но и многие глагольные лексемы, что объясняется не только близким родством между этими языками, но и интенсивностью арамейского влияния. Об этом же свидетельствует проникновение в Д.я. определенного количества арамейских неизменяемых слов (*ʔillu* 'если бы', *kəbār* 'уже', *hek* 'как?').

Слова египетского происхождения в количественном отношении довольно немногочисленны (число убедительных примеров едва ли превышает 30). В то же время, для них характерна относительно высокая степень адаптации: египтизмы представлены как в прозаических, так и поэтических текстах, не имеют явных хронологических ограничений и нередко описывают предметы, связанные с повседневной жизнью. В свете этих обстоятельств можно предполагать, что многие египтизмы проникли в Д.я. довольно рано (к такому же выводу приводит фонологический и морфологический анализ этих лексем). Некоторые египтизмы описывают связанные с Египтом природные, хозяйственные и политические реалии: др.-евр. *uʔor* 'Нил; большая река' < егип. *ʔitrw*, др.-евр. *šušan* 'лотос' < егип. *sššn*, др.-евр. *šittā* 'акация' < егип. *šnd.t*, др.-евр. *hobn-im* 'эбеновое дерево' < егип. *hbn*, др.-евр. *hin* 'мера жидкости' < егип. *hn*, др.-евр. *parʕo* 'египетский царь, фараон' < егип. *pr ʔ*. В других случаях причины, стимулировавшие процесс заимствования, кажутся менее очевидными: др.-евр. *hotām* 'печать' < егип. *htm*, др.-евр. *tabbāʕat* 'перстень с печатью' < егип. *dbʕ.t*, др.-евр. *qallāhat* 'котел' < егип. *krh.t*, др.-евр. *kāsāt* 'дощечка для письма' < егип. *gst*, др.-евр. *nātār* 'натр, сода' < егип. *ntr*, др.-евр. *šáyiš, šeš* 'алебастр' < егип. *šs*, др.-евр. *tebā* 'ящик, ковчег' < егип. *dbʕ.t*. Некоторые древнееврейские термины, не имеющие семитской этимологии, но представленные в египетских текстах, иногда трактуются как египтизмы, однако предполагаемые египетские этимоны впервые зафиксированы лишь в относительно поздних египетских текстах и сами должны быть признаны либо ханаанейскими, либо заимствованиями неясной природы: др.-евр. *hādom*

‘подставка для ног (элемент трона)’ vs. егип. *hdm*, др.-евр. *ḥānit* ‘копье’ vs. егип. *ḥny.t* (оба египетских слова известны лишь с 18-й династии).

Древнейшие аккадизмы проникли в семитские языки сиропалестинского региона задолго до формирования Д.я. как самостоятельного идиома. Наиболее ярким примером раннего аккадизма является древнееврейский термин *hekāl* ‘дворец’, заимствованный из аккад. *ekallu* (в свою очередь, из шум. É.GAL) в эпоху, когда в аккадском слове еще сохранялся начальный ларингал (т. е., по крайней мере, до начала II тыс. до н. э.). Другие вероятные примеры ранних аккадизмов: *kisse* ‘кресло, трон’ < аккад. *kussi?u* (ср. шум. GU.ZA), *sépār* ‘документ, письмо’, *soper* ‘писец, начальник’ < аккад. *šipru, šāpiru*. Характерные признаки ранних аккадизмов — присутствие сходных терминов в близкородственных древнееврейскому языках середины II тыс. до н. э. (ср. угар. *hkl, ks?u, spr*) и высокая частотность в рамках библейского корпуса (в том числе в текстах, более или менее надежно атрибутируемых как ранние).

Немногочисленность древнейших аккадизмов контрастирует с довольно значительным числом терминов аккадского происхождения, проникших в Д.я. в позднюю допленную эпоху и в период пребывания евреев в Вавилонии (не менее 70–80 лексем). Принято считать, что большинство поздних аккадизмов попало в Д.я. через арамейское посредство, однако во многих случаях этот вывод базируется лишь на культурно-исторических основаниях (поскольку в рассматриваемый период арамейский язык уже в полной мере функционировал как средство общения многочисленных народов, покоренных Ассирийской и Вавилонской державами, предполагают, что зона непосредственного аккадско-еврейского языкового контакта не могла быть значительной). Уровень адаптации поздних аккадизмов сравнительно невысок, их употребление часто бывает окказиональным. Кроме того, большинство надежных аккадизмов этого периода сконцентрировано в поздних книгах Библии. Как правило, поздние аккадизмы относятся к наиболее поверхностным слоям культурной лексики. Наиболее заметную семантическую группу составляет политико-административная и военная терминология: др.-евр. *birā* ‘крепость’ < аккад. *bīrtu*, др.-евр. *biān* ‘дворец’ < аккад. *bīānu*, др.-евр. *pālāk* ‘административный округ’ < аккад. *pilku*, др.-евр. *sāris* ‘высокопоставленный чиновник; евнух’ < аккад. *ša rēši*, др.-евр. *ṭipsār, ṭapsār* ‘военачальник’ < аккад. *ṭupšarru*, др.-евр. *pāḥā* ‘наместник’ < аккад. *pāḥātu*, др.-евр. *sāgān* ‘наместник’ < аккад. *šaknu*, др.-евр. *ʔiškār* ‘выплата, подать’ < аккад. *iškaru*, др.-евр. *middā* ‘дань’ < аккад. *maddattu*, др.-евр. *mākās* ‘налог’ < аккад. *miksu*. Аккадизмы встречаются среди социальных терминов и названий профессий (др.-евр. *miskēn* ‘бедняк’ < аккад. *muškēnu*, др.-евр. *ʔikkār* ‘землепашец’ < аккад. *ikkāru*, др.-евр. *ʔommān* ‘ремесленник’ < аккад. *ummānu*, др.-евр. *mallāḥ* ‘моряк’ < аккад. *malāḥu*, др.-евр. *māšar* ‘сторож’ < аккад. *mašaru*, др.-евр. *nəkāsīm* ‘имущество’ < аккад. *nikkassu*), а также среди обозначений явлений природы (др.-евр. *ʔāgam* ‘застойный водоем, болото’ < аккад. *agammu*, др.-евр. *kiyyon* ‘Сатурн’ < аккад. *kauyamānu*, др.-евр. *mazzālā* ‘созвездие’ < аккад. *mazzaltu*). Среди других слов аккадского происхождения выделяются др.-евр. *miskənot* (pluralia tantum) ‘хранилища’ < аккад. *maškattu*, др.-евр. *pur* ‘жребий’ < аккад. *pūru*, др.-евр. *šuk* ‘улица’ < аккад. *sūku*, др.-евр. *zəman* ‘время’ < аккад. *simānu*. Полностью заимствованы из аккадского названия месяцев, вытеснившие древние ханаанейские обозначения, лишь изредка упоминающиеся в Библии.

Аккадизмы почти полностью отсутствуют среди религиозной терминологии, в том числе политеистической (редкие исключения: др.-евр. *ʔittim* ‘духи умерших предков’ < аккад. *eṭemmi*, др.-евр. *ʔaššāp* ‘жрец-экзорцист’ < аккад. *āšipu*, возможно др.-евр. *šed* ‘божество’ < аккад. *šēdu*). В этом контексте примечательным выглядит тот факт, что

из аккадского, вероятно, заимствовано обозначение одного из важнейших установлений библейской религии — субботы: др.-евр. *šabbât* (ср. аккад. *šapattu*, *šabattu* ‘пятнадцатый день месяца, две недели’; значение концепта *šapattu* для месопотамской религии не вполне ясно, однако обращает на себя внимание объяснение этого термина как *u₄-um nu-uh lib-bi* ‘день отдыха’ в одном из месопотамских лексических списков).

При освоении аккадских слов в Д.я. спорадически отмечаются явления заимствованного перевода (так, др.-евр. *šam* ‘вкус пищи’ приобрело значение ‘смысл, разум’ под влиянием этимологически родственного аккад. *šēmu*), а также контаминации фонетически близких, но этимологически неродственных корней (так, термин *sofen* ‘высокопоставленный чиновник’, вероятно, восходит к аккад. *šaknu* < *škn* ‘устанавливать, назначать’, однако был переосмыслен как активное причастие от древнееврейского глагола *skn* ‘быть полезным, служить’).

Некоторые фонетические особенности диалектов аккадского языка позволяют в отдельных случаях установить ассирийское или вавилонское происхождение заимствования. Так, признаками ассиризмов являются отражение общеаккадских *š* и *s* как *s* и *š*, озвончение интервокального *k* (см. др.-евр. *sāgān* ‘наместник’ < аккад. *šaknu*, предполагаемое ассирийское произношение [sagnu], а также др.-евр. *šipsār* < аккад. *šupšarru*, др.-евр. *miskēn* < аккад. *muškēnu*, др.-евр. *sāris* < аккад. *ša rēši*, др.-евр. *šuk* < аккад. *sūku*). Специфической чертой заимствований вавилонского происхождения является спирантизация интервокального *m*, которое передается как *w* (например, в названиях месяцев *kislew* и *siwān* < аккад. *kislīmu* и *simānu*, предполагаемое вавилонское произношение [kislīwu], [siwānu]).

Поскольку некоторые аккадские заимствования имеют шумерское происхождение, в Д.я. отмечается некоторое количество опосредованных ш у м е р и з м о в: др.-евр. *hekāl* ‘дворец’ < аккад. *ekallu* < шум. É.GAL (высказывалась точка зрения, по которой шумерский термин мог быть заимствован в северозападносемитские языки и без аккадского посредства), др.-евр. *šipsār*, *šapsār* ‘военачальник’ < аккад. *šupšarru* < шум. DUB.SAR, др.-евр. *kor* ‘мера сыпучих тел’ < аккад. *kurru* < шум. GUR, др.-евр. *mallāh* ‘морях’ < аккад. *malāhu* < шум. MÁ.LAḤ₄, др.-евр. *šomān* ‘ремесленник’ < аккад. *ummānu* < шум. UMMEA.

Слова и р а н с к о г о происхождения в Д.я. немногочисленны (не более 15–20 лексем) и представлены почти исключительно в самых поздних библейских книгах (Хроники, Езра, Неемия, Даниил, Есфирь, Екклесиаст, Песнь Песней). Принято считать, что большинство иранизмов проникло в Д.я. через арамейское посредство. Поскольку дошедшие до нас сведения о древнеперсидской лексике довольно фрагментарны, иранские этимоны нередко приводятся в виде реконструкций. Основная масса иранизмов приходится на административно-политическую терминологию Ахеменидской империи, в состав которой входила Палестина (539–332 гг.): др.-евр. *šāhašdarpan* ‘сатрап’ < др.-иран. **xšathra-pāvan*, др.-евр. *šappādān* ‘дворец’ < др.-перс. *appadāna-*, др.-евр. *gizbār* ‘казначей’ < др.-иран. **ganza-bara*, др.-евр. *dāt* ‘закон’ < др.-перс. *dāta-*, др.-евр. *ništawān* ‘письмо’ < др.-иран. **ništāvan(a)*, др.-евр. *partāmin* ‘знать’ < др.-иран. **fratama-*, др.-евр. *pitgām* ‘решение’ < др.-иран. **pati-gāma*, др.-евр. *patšāgān* ‘копия’ < др.-иран. **pati-čagna*. В других семантических группах иранизмы отмечаются редко: др.-евр. *šāgoz* ‘орех’ < др.-перс. **angawza-* (ср. ср.-перс. *amgōz*), др.-евр. *zan* ‘вид, сорт’ < др.-иран. **zana-*, др.-евр. *pardes* ‘сад’ < др.-иран. **pari-daiza-*.

Достоверные заимствования из других языков исчисляются единицами. Единственным надежным г р е ц и з м о м в еврейской части Ветхого Завета является название монеты *darkəton* (< греч. δραχμή); см. также *šappiryon* ‘носилки, балдахин’ в Ст 3.9

(возможно, из греч. φορεῖον при наличии альтернативных этимологических интерпретаций). По мнению ряда исследователей, греческое происхождение имеет хорошо засвидетельствованный термин *liškā*, обозначающий вид помещения (ср. греч. λέσχη).

Из языков Индии (как индоарийских, так и дравидийских) заимствованы некоторые названия ароматических растений: *ʔāhālot*, *ʔāhālim* 'алоз' (ср. тамильск. *akil*, каннада *agil*), *nerd* 'нард' < др.-инд. *nalada-*, *narada-*. По мнению некоторых исследователей, индийское происхождение имеет уже упоминавшееся слово *ʔappiryon* 'паланкин' (ср. др.-инд. *pariyanka*).

2.7.0. Для Д.я. принято постулировать существование двух диалектов: иудейского и израильского. Поскольку израильский диалект документирован очень слабо, его лингвистическое описание сопряжено со значительными трудностями (см. подробнее 1.5.0.).

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматики, общие описания
Долгопольский А.Б. Иврит язык // Краткая еврейская энциклопедия. Приложение 1. Иерусалим, 1982, т. 2.
Дьяконов И.М. Древнееврейский язык // Языки Азии и Африки: Семитские языки. М., 1991, т. 4, ч. 1.
Bauer H., Leander P. Historische Grammatik der hebräischen Sprache des Alten Testaments. Halle, 1922.
Bergsträsser G. Hebräische Grammatik. Leipzig, 1918–1929.
Blau J. A Grammar of Biblical Hebrew. Wiesbaden, 1976.
Ewald H.G.A. Kritische Grammatik der hebräischen Sprache. Leipzig, 1827.
Ewald H.G.A. Ausführliches Lehrbuch der hebräischen Sprache. Leipzig, 1870.
Gesenius W., Kautzsch E., Cowley A.E. Gesenius' Hebrew Grammar. Oxford, 1910.
Hetzron R. Hebrew // The World's Major Languages / Ed. by B. Comrie. New York; Oxford, 1987.
Jouon P., Muraoka T. A Grammar of Biblical Hebrew. Roma, 1991.
Lambert M. Traité de grammaire hébraïque. Paris, 1946.
Schneider W. Grammatik des Biblischen Hebräisch. München, 1974.
Steiner R. Ancient Hebrew // The Semitic Languages / Ed. by R. Hetzron. London, 1997.
- Birkeland H.* The Language of Jesus. Oslo, 1954.
Emerton J. The Problem of Vernacular Hebrew in the First Century A.D. and the Language of Jesus // JTS, 1973, vol. 24.
Hurvitz A. The Chronological Significance of "Aramaisms" in Biblical Hebrew // IEJ, 1968, vol. 18.
Kutscher E.Y. A History of the Hebrew Language. Jerusalem, 1982.
Polzin R. Late Biblical Hebrew: Toward an Historical Typology of Biblical Hebrew Prose. Missoula, 1976.
Quimron E. The Hebrew of the Dead Sea Scrolls. Atlanta, 1993.
Robertson D. Linguistic Evidence in Dating Early Hebrew Poetry. Missoula, 1972.
Sáenz-Badillos Á. A History of the Hebrew Language. Cambridge; New York, 1998.

Фонология и орфография

- Айхенвальд А.Ю.* Фрагмент морфологии древнееврейского языка // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях, ч. I. М., 1988.
Andersen F.I. Spelling in the Hebrew Bible. Leiden, 1986.
Birkeland H. Akzent und Vokalismus im Alt-hebräischen. Oslo, 1940.
Blau J. On Polyphony in Biblical Hebrew. Jerusalem, 1982.
Blau J. "Weak" Phonetic Change and the Hebrew *š*in // Hebrew Annual Review, 1977, vol. 1.
Cantineau J. De la place de l'accent de mot en hébreu et en araméen biblique // Bulletin d'Etudes Orientales de l'Institut Français de Damas, 1931, t. 1.
Cantineau J. Essai d'une phonologie de l'hébreu biblique // BSLP, 1950, t. 46.

История языка

- Barr J.* Comparative Philology and the Text of the Old Testament. Oxford, 1968.
Bauer H. Zur Frage der Sprachmischung im Hebräischen. Halle, 1924.

Diem W. Das problem von “š” im Althebräischen und die kanaanäische Lautverschiebung // ZDMG, 1974, Bd. 124.

Garr W.R. On Vowel Dissimilation in Hebrew // *Biblica*, 1985, vol. 66.

Harris Z. Linguistic Structure of Hebrew // *JAOS*, 1941, vol. 61.

Koskinen K. Kompatibilität in den dreikonsonantigen hebräischen Wurzeln // ZDMG, 1964, Bd. 114.

Malone J. Tiberian Hebrew Phonology. Winona Lake, 1993.

Morag Sh. The Vocalization Systems of Arabic, Hebrew and Aramaic. The Hague, 1972.

Rosén H. Remarques au sujet de la phonologie de l'hébreu biblique // *Revue Biblique*, 1953, t. 60.

Schramm G. The Graphemes of Tiberian Hebrew. Berkeley, 1964.

М о р ф о л о г и я , м о р ф о с и н т а к с и с и с и н т а к с и с

Лёзов С.В. Заметки о синтаксисе древнееврейского диалога (перфект в начале реплики) // БИБЛИЯ: литературоведческие и лингвистические исследования. Вып. 2. М., 1999.

Лёзов С.В., Эйделькинд Я.Д. Si vera lectio. Синтаксис речи рассказчика в древнееврейской повествовательной прозе // БИБЛИЯ: литературоведческие и лингвистические исследования. Вып. 2. М., 1999.

Селезнев М.Г. Инверсия в древнееврейском повествовании // БИБЛИЯ: литературоведческие и лингвистические исследования. Вып. 2. М., 1999.

Andersen F.I. The Hebrew Verbless Clause in the Pentateuch. Nashville, 1970.

Baayen R.H. The Pragmatics of the ‘Tenses’ in Biblical Hebrew // *Studies in Language*, 1997, vol. 21.

Bauer H. Die Tempora im Semitischen: ihre Entstehung und ihre Ausgestaltung in den Einzelsprachen. Berlin, 1910.

Brockelmann C. Hebräische Syntax. Neukirchen, 1956.

Driver S.R. A Treatise on the Use of the Tenses in Hebrew. Grand Rapids; Cambridge, 1998 [1874].

Fassberg S. The Lengthened Imperative הַזְכִּיר in Biblical Hebrew // *Hebrew Studies*, 2001, vol. 42.

Givón T. The Drift from VSO to SVO in Biblical Hebrew: The Pragmatics of Tense-Aspect // *Mechanisms of Syntactic Change* / Ed. by C.N. Li. Austin, 1977.

Hataf G. The Semantics of Aspect and Modality: Evidence from English and Biblical Hebrew. Amsterdam; Philadelphia, 1997.

Jenni E. Das hebräische Pi‘el: Syntaktisch-semasiologische Untersuchung einer Verbalform im Alten Testament. Zürich, 1968.

Joosten J. The Functions of the Semitic D Stem: Biblical Hebrew Materials for a Comparative Historical approach // *Or.*, 1998, vol. 67.

Joosten J. The Predicative Participle in Biblical Hebrew // *ZAH*, 1989, Bd. 2.

Knudtzon J.A. Vom sogenannten Perfekt und Imperfekt im Hebräischen // *Actes du 8e Congrès International des Orientalistes tenu en 1889 à Stockholm et à Christiania, Section Sémitique B.* Leiden, 1891.

Niccacci A. The Syntax of the Verb in Classical Hebrew Prose. Sheffield, 1990.

Qimron E. Consecutive and Conjunctive Imperfect: The Form of the Imperfect with Waw in Biblical Hebrew // *JQR*, 1987, vol. 77.

Ryder S.A. The D-Stem in Western Semitic. The Hague, 1974.

Tropper J. Althebräisches und semitisches Aspektsystem // *ZAH*, 1998, Bd. 11.

Waltke B., O'Connor M.P. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. Winona Lake, 1990.

Л е к с и к а

Ellenbogen M. Foreign Words in the Old Testament: Their Origin and Etymology. London, 1962.

Mankowski P. Akkadian Loanwords in Biblical Hebrew. Winona Lake, 2000.

Muchiki Y. Egyptian Proper Names and Loanwords in North-West Semitic. Atlanta, 1999.

Wagner M. Die lexikalischen und grammatikalischen Aramaismen im alttestamentlichen Hebräisch. Berlin, 1966.

С л о в а р и

Brown F., Driver S.R., Briggs C.A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1907.

Clines D.J.A. The Dictionary of Classical Hebrew. Sheffield, 1993–.

Gesenius W., Donner H., Meyer D.R. Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Berlin, 1987–.

Koehler L., Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament / Revised by W. Baumgartner and J. Stamm. Leiden, 1994–2000.

И з д а н и я т е к с т о в

Elliger K., Rudolph W. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, 1997.

Renz J., Röllig W. Handbuch der althebräischen Epigraphik. Teil 1. Die althebräischen Inschriften. Darmstadt, 1995.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и й и с т о ч н и к о в

Названия книг Ветхого Завета даются латински в соответствии с общепринятым научным изданием *Biblia Hebraica Stuttgartensia* (в скобках приводятся русские соответствия в Синодальном переводе):

Gn — Genesis (Бытие)

Ex — Exodus (Исход)

Lv — Leviticus (Левит)

Nu — Numeri (Числа)

Deut — Deuteronomium (Второзаконие)

Jos — Josua (Иисус Навин)

Jdc — Judices (Судьи)

1 S — Samuel 1 (1-я Царств)

2 S — Samuel 2 (2-я Царств)

1 R — Regum 1 (3-я Царств)

2 R — Regum 2 (4-я Царств)

Jes — Jesaia (Исаия)

Jer — Jeremia (Иеремия)

Ez — Ezechiel (Иезекииль)

Am — Amos (Амос)

Jon — Jona (Иона)

Mi — Micha (Михей)

Na — Nahum (Наум)

Hab — Habakuk (Аввакум)

Hag — Haggai (Аггей)

Ps — Psalmi (Псалмы)

Ru — Ruth (Руфь)

Cant — Santicum (Песнь Песней)

Thr — Threni (Плач Иеремии)

Da — Daniel (Даниил)

Ne — Nehemia (Неемия)

2 C — Chronica 2 (2-я Хроник)

Л.М. Дрейер

СОВРЕМЕННЫЙ ИВРИТ

1.1.0. Общие сведения.

Современный иврит (С.и.) является возрожденной формой древнееврейского языка. Особое место С.и. среди семитских языков обусловлено его уникальной историей.

1.1.1. Название *ivrit* < *ʿivrit* является формой женского рода прилагательного *ʿivrit* 'еврейский'. Применительно к языку термин *ʿivrit* встречается в постбиблейской литературе, причем это название могло, по-видимому, распространяться как на древнееврейский, так и на арамейский язык, а иногда и на еврейское письмо.

Варианты названия: (язык) иврит, современный иврит, современный еврейский язык (последний термин страдает некоторой неопределенностью, поскольку так же в русскоязычной литературе иногда называют идиш). Самоназвание *ha-safa ha-ivrit* 'еврейский язык, язык иврит', *ivrit* 'иврит', *ivrit xadaša* 'новый иврит', *ivrit modérnit*, *ivrit bat zmanénu* 'современный иврит', *ivrit yisreelit* 'израильский иврит'. Англ. *Modern Hebrew*, *Contemporary Hebrew*, *Israeli Hebrew*, нем. *das Neuhebräische*, франц. *l'hébreu moderne*, *l'hébreu israélien*.

1.1.2. С.и. относится к ханаанейской подгруппе северо-западной группы семитских языков (более подробно см. в статье «Древнееврейский язык» в наст. издании).

1.1.3. С.и. распространен на территории Государства Израиль. В настоящее время на нем говорят прежде всего в Израиле (общая численность населения Израиля, по переписи 2008 г., составляет 7282 тыс. чел., из них евреев 75,5%, т. е. 5499 тыс. чел.). С.и. является родным языком прежде всего евреев, чьи родители родились в Израиле (около 35% еврейского населения, около 1,9 млн. чел.). Дети иммигрантов (32% евре-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Семитские языки
Аккадский язык
Северозападносемитские
языки

Москва
2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-04-16032)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Редакционная коллегия:

А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова

Группа «Языки мира»:

*А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус,
Н.В. Рогова, О.И. Романова*

Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова — М.: Academia, 2009. — 832 с.

Книга подготовлена в рамках многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Это первый из двух выпусков, посвященных описанию семитских языков. В книге представлена общая статья о семитских языках, а также описания отдельных семитских языков: аккадского (с самостоятельными статьями о староассирийском и саргоновском диалектах) и северозападное семитских языков (угаритский, финикийский, древнееврейский, современный иврит, имперский арамейский, иудейско-палестинский арамейский, классический сирийский, классический мандейский, язык Маалулы, турою и новомандейский язык). Кроме того, в настоящий выпуск включены статьи о ханаанейских и арамейских языках как о группах, а также сводное описание северозападных новоарамейских языков. Статьи написаны в соответствии с единой типологической ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Широкий типологический анализ семитских языков предпринимается в отечественном языкознании впервые, как и столь полное описание этой языковой семьи, выполненное с единых методологических позиций. В виде приложения даны описание западносемитских систем письма и образцы западносемитских алфавитов, а также языковые карты, которые отражают древнее и современное распространение семитских языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся семитскими языками и современным состоянием семитологии.

ISBN

Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic. Anna Belova, Leonid Kogan, Sergei Loesov, Olga Romanova (eds.)— Moscow: Academia, 2009. — 832 pp.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This is the first part of the two-volume set dealing with Semitic languages. It comprises a general survey of the Semitic language family, as well as descriptions of individual Semitic languages: Akkadian (with separate articles on Old Assyrian and Sargonic) and the Northwest Semitic languages (Ugaritic, Phoenician, Ancient and Modern Hebrew, Imperial Aramaic, Jewish Palestinian Aramaic, Classical Syriac, Classical Mandaic, Neo-Aramaic of Maalula, Turoyo, and Modern Mandaic). Also included are general surveys of Aramaic and Canaanite, as well as a summary description of Modern Northeast Aramaic. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the Languages of the World series. This volume concludes with several appendices: a concise history of Northwest Semitic alphabets (with samples) and a set of maps illustrating the ancient and modern spread of the Semitic languages. This volume is intended to be both a fundamental linguistic study and a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists from various fields, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and anyone interested in Semitic studies.

© Институт языкознания РАН, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	7
Предисловие	9

<i>Л.Е. Коган.</i> Семитские языки	15
--	----

Аккадский язык

<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Аккадский язык.....	113
<i>Е.В. Маркина.</i> Староаккадский (саргоновский) диалект.....	178
<i>Л.Е. Коган.</i> Староассирийский диалект.....	195

СЕВЕРОЗАПАДНОСЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Л.Е. Коган.</i> Угаритский язык.....	205
---	-----

Ханаанейские языки

<i>Л.Е. Коган.</i> Ханаанейские языки.....	239
<i>А.К. Лявданский.</i> Финикийский язык.....	278
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Древнееврейский язык	296
<i>Л.М. Дрейер.</i> Современный иврит.....	375

Арамейские языки

<i>С.В. Лёзов.</i> Арамейские языки.....	414
<i>С.В. Лёзов.</i> Имперский арамейский язык	496
<i>А.В. Немировская.</i> Иудейско-палестинский арамейский язык.....	531
<i>С.В. Лёзов.</i> Классический сирийский язык.....	562
<i>А.В. Немировская.</i> Классический мандейский язык.....	626
<i>А.К. Лявданский.</i> Новоарамейские языки	660
<i>А.К. Лявданский.</i> Новомандейский язык	693
<i>Л.Е. Коган, С. В. Лёзов.</i> Маалулы язык.....	705
<i>Л.Е. Коган, С.В. Лёзов.</i> Туройо.....	751

Глоссарий грамматических терминов.....	806
Принятая нотация и сокращения.....	806

Приложение I: <i>А.К. Лявданский.</i> Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита	811
Образцы западносемитских алфавитов	818
Приложение II: Типовые схемы статей	822
Карты семитских языков.....	824

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	7
Preface	9

<i>L.E. Kogan</i> . The Semitic languages.....	15
--	----

Akkadian

<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Akkadian.....	113
<i>E.V. Markina</i> . Old Akkadian (Sargonic)	178
<i>L.E. Kogan</i> . Old Assyrian	195

NORTHWEST SEMITIC

<i>L.E. Kogan</i> . Ugaritic	205
------------------------------------	-----

The Canaanite languages

<i>L.E. Kogan</i> . The Canaanite languages.....	239
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Phoenician.....	278
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Ancient Hebrew	296
<i>L.M. Dreyer</i> . Modern Hebrew	375

The Aramaic languages

<i>S.V. Loesov</i> . The Aramaic languages.....	414
<i>S.V. Loesov</i> . Official Aramaic.....	496
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Jewish Palestinian Aramaic.....	531
<i>S.V. Loesov</i> . Classical Syriac	562
<i>A.V. Nemirovskaya</i> . Classical Mandaic	626
<i>A.K. Lyavdansky</i> . The Neo-Aramaic languages.....	660
<i>A.K. Lyavdansky</i> . Neo-Mandaic.....	693
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Neo-Aramaic of Maalula	705
<i>L.E. Kogan, S.V. Loesov</i> . Turoyo.....	751

Glossary of linguistic terms	806
------------------------------------	-----

Notation and abbreviations.	806
----------------------------------	-----

Appendix I: <i>A.K. Lyavdansky</i> . The origin and early development of the West Semitic alphabets	811
Samples of the West Semitic alphabets	818
Appendix II: Templates.....	822
Maps of the Semitic languages	824